

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(38)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА
ДЕБЮТ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ФОРУМ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**PRESSING TOPICS
POLITICS
FOREIGN AFFAIRS
ECONOMICS
DEBUT
LUXEMBOURG
INTERNATIONAL FORUM
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета –

Вагиф Гусейнов, директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора –

Юрий Поройков, к. филос. н.

Редакционный совет:

Михаил Делягин, д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации

Владимир Егоров, д. филос. н., президент-ректор Российской академии государственной службы при Президенте РФ

Сергей Караганов, д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН

Андрей Кокошин, академик РАН, первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям

Сергей Кортунов, д. полит. н, зам. декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ

Николай Михайлов, д.э.н, советник председателя Совета директоров АФК «Система»

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Алексей Пушков, к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)

Владимир Рыжков, к.и.н., политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы»

Леонид Слуцкий, д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам

Андрей Федоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, к. соц. н.

Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Валерий Паульман (Эстония). Неужели кризис закончился? 5
Павел Гуревич. Послевкусие кризиса 15

ПОЛИТИКА

- Александр Дугин. Структура русского социогенеза 31

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Сергей Кортунов. Новая архитектура евробезопасности 34
Джаянта Дханапала (Шри-Ланка). Способен ли Договор
о нераспространении ядерного оружия остановить
распространение ядерного оружия? 46
Ханс Бликс (Швеция). Разоружение и разрядка в мире,
который становится все теснее 50
Владимир Рощупкин. Афганский «театр войны»:
новый сценарий и режиссура 56
Валерий Буянов. Союзное государство: быть или не быть?
(К 10-летию Союза) 63

ЭКОНОМИКА

- Геннадий Бочаров. Канал, которого в России еще не было 72

ДЕБЮТ

- Мария Павлова. Демографическая политика России:
размышления в условиях кризиса 81

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ФОРУМ

ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЯДЕРНОЙ КАТАСТРОФЫ 86

Информационный блок 102

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

- Азербайджанский ислам: поиск пути и борьба тенденций 105

ПУБЛИКАЦИИ

- Михаил Ефимкин. Сибирская Россия.
Социально-индустриальная адаптация 121
Инна Шумилина. Президент от Голливуда 139

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

- Эльвира Спинова. «Не узнаю теперь я сам себя...».
О книге Хантингтона Самюэля «Кто мы? Вызовы
американской национальной идентичности» 157

Рецензия

- Александр Свечников. О монографии С.Кортунова
«Современная внешняя политика России.
Стратегия избирательной вовлеченности» 161

Книги, которые могут вас заинтересовать 163

Тезисы статей на английском 165

Об авторах 174

Статьи, опубликованные в 2009 году 180

CONTENTS

PRESSING TOPICS

- Valery Paulman (Estonia). Has the crisis really ended?5
Pavel Gurevich. The crisis aftertaste15

POLITICS

- Alexander Dougin. The pattern of the Russian sociogenesis31

FOREIGN AFFAIRS

- Sergey Kortunov. New Euro-security architecture34
Jayantha Dhanapala (Sri-Lanka). Can the NPT halt
nuclear proliferation?46
Hans Blix (Sweden). Disarmament and detente in a shrinking world ..50
Vladimir Roschupkin. The Afghani 'theatre of war':
a new script and direction56
Valery Buyanov. The Union State: to be or not to be?
(Towards the Union's 10th Anniversary)63

ECONOMICS

- Gennady Bocharov. The canal that has not been yet72

DEBUT

- Maria Pavlova. Russia's demographic policy:
thoughts induced by the crisis81

LUXEMBOURG INTERNATIONAL FORUM

ON NUCLEAR CATASTROPHE PREVENTION86

The Information bloc102

«ROUND TABLE»

- The Azerbaijani Islam:
search for a course and conflict of tendencies105

PUBLICATIONS

- Mikhail Yefimkin. The Siberian Russia.
Socially-industrial adaptation121
Inna Shumilina. The president from Hollywood139

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

- Elvira Spirova. «Now, I know myself not...»
*On Huntington, Samuel. «Who Are We? The Challenges to America's
National Identity»*157

Review

- Alexander Svechnikov. *On Monograph by Sergey Kortunov
on Russia's Modern Foreign Policy. The Strategy of Selective
Involvement*161

New books that might be of interest163

SUMMARY165

OUR AUTHORS177

Items published in the Vestnik Analitiki bulletin in 2009183

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

НЕУЖЕЛИ КРИЗИС ЗАКОНЧИЛСЯ?

Завершается третий год глобального системного экономического кризиса. Многие политики и экономисты считают, что «дно» падения уже достигнуто в середине 2009 года, и наступающий 2010 год ознаменуется подъемом мировой экономики.

Так ли это? Неужели кризис в самом деле закончился?

Уже во второй половине 2009 года глава МВФ Доминик Стросс-Канн, комментируя информацию о появлении первых признаков стабилизации, заявил, что подъема мировой экономики можно ожидать не ранее первой половины 2010 года. Его первый заместитель Джон Липски высказал мнение, что нынешний спад может «откатить» современных колоссов к послевоенному состоянию, а спад ведущих экономик продлится весь этот год (2009. — *Авт.*) и продолжится в будущем году. Возврата к стабильному росту не ожидается до второго полугодия 2010 года или начала 2011 года. Стремительно будет расти безработица.

Аналитики МВФ прогнозировали, что мировая экономика в 2009 году сократится на 1,3%. Это станет первым сокращением мировой экономики за более чем 60 лет. Объем мировой торговли сожмётся на 11% (столь большой разрыв с темпом сокращения ВВП можно объяснить только протекционистскими мерами государств). Борьба с кризисом уже стоила миру 11 трлн. долларов. Они высказали опасение, что новую волну кризиса в банковском секторе США может спровоцировать провал рынка коммерческой недвижимости (заемщики должны банкам США 1,8 трлн. долларов).

В 2011–2013 годах мировую экономику ожидает постепенное восстановление и реструктуризация, причем очередность выхода из кризиса будет обратной входу в него, т.е. оживление экономики сначала начнется в развитых странах, затем охватит среднеразвитые страны, а в хвосте кризиса будут плестись государства «периферии», хозяйство которых находится в полной зависимости от ТНК, источников финансирования и рынков сбыта в странах ОЭСР.

Для «периферийных» стран выход из кризиса будет особенно тяжелым и длительным, например, для такой европейской новоиспеченной капиталистической страны, как Латвия, не говоря уже о беднейших государствах Африки, Латинской Америки и Азии. Выход из кризиса во многом будет зависеть от роста потребительских расходов, который тесно коррелирует с показателем численности безработных. Немаловажное значение будет также иметь стратегия государственной поддержки экономики.

Причины кризиса

Хотя у каждого мирового экономического кризиса «свое неповторимое лицо», современный, шестнадцатый по счету, мировой кризис подтвердил правильность марксистской трактовки их природы. Вместе с тем он выявил ряд специфических особенностей механизма его возникновения.

Во-первых, следует отметить, что существенно усилилась спекулятивность капиталистической экономики, особенно в финансовом секторе, что, несомненно, придало ей еще больший стихийный характер. Международные финансовые организации и ВТО оказались беспомощными перед лицом надвигающегося кризиса. Несмотря на все потуги государственных деятелей МВФ, Мирового банка, ВТО, ОЭСР и G-8, руководствующихся рекомендациями ученых и специалистов, капиталистическая экономика становится все более и более неуправляемой, все меньше и меньше подчиняясь воле человека. Баснословные суммы финансовых вливаний из средств государственного бюджета в частный сектор, снижение центробанками процентных ставок и ряд других мер хотя несколько и смягчили негативные явления, однако не в состоянии были остановить движение экономик государств вспять.

Во-вторых, интенсивный процесс глобализации в условиях стремительной виртуализации коммерческих сделок изменил качественный характер взаимозависимости национальных экономик, в силу, в частности, возрастания могущества и повышения роли ТНК, а также международных банков.

И, наконец, в-третьих, еще более обострился ряд глубочайших диспропорций в мировом хозяйстве.

Современную мировую экономику следует рассматривать как единое целое, в котором взаимосвязаны все его составляющие. Вынос ТНК многих предприятий в «периферийные» страны привел к тому, что они стали обслуживать потребительские рынки богатых государств ОЭСР. Процесс переноса многих промышленных производств в бывшие аграрные страны в погоне за максимальными прибылями (благодаря низкооплачиваемому труду, не защищенному в достаточной мере социальным законодательством в условиях отсутствия профсоюзов или их недееспособности) породил ряд новых явлений. В «старых» промышленных странах произошло снижение реальной заработной платы и возросло напряжение на рынке труда (кстати, этот процесс еще не завершен, вызывая массовое недовольство увольняемых работников в связи с закрытием предприятий и их последующим перебазируванием в зоны дешевого труда).

Все эти процессы в своей совокупности не могли не привести к уменьшению глобального платежеспособного спроса, которое не было компенсировано некоторым ростом потребления товаров в «периферийных» странах в связи с тем, что перебазирование индустрии в государства «третьего» мира вызвало пролетаризацию крестьянских масс, которые до этого вели традиционное натуральное хозяйство. Словом, расширение емкости рынка в слаборазвитых странах (даже с учетом того, что в них появился «средний класс» и увеличилась численность буржуазии) не в состоянии было перекрыть сокращения платежеспособного спроса в государствах ОЭСР. Сжатие же глобального потребительского рынка затормозило воспроизводство промышленного и торгового капиталов, что побудило банки стимулировать спрос путем предоставления доступного потребительского кредита, источником финансирования которого стали сверхприбыли, полученные за счет эксплуатации трудовых и природных ресурсов в «третьем» мире.

Начиная с 1980-х годов, произошел резкий скачок в росте фиктивного финансового капитала. Доходы, получаемые от биржевых финансовых спекуляций, стали превышать доходы от производства товаров и услуг.

Спекуляции в условиях быстрого роста мировой экономики распространились и на сырьевые рынки. Инвесторы с началом финансового кризиса в панике искали, куда можно вложить свои средства, выведенные из ненадежных финансовых активов. Их взоры обратились на такие товары, спрос на которые всегда высок: от продовольствия и нефти до золота. Летом, перед тем как рухнуть, цены на нефть 2008 года добрались до отметки в 150 долларов за баррель. У таких спекулятивных акций было несколько отрицательных последствий. С одной стороны, они еще больше усложнили положение на внутренних рынках высокоразвитых стран, которые по уши влезли в кризис, нанесли удар по экономически отсталым странам, увеличив число нищих и голодных, а с другой — породили в ряде стран иллюзию благополучия на начальной стадии глобального кризиса, как это произошло в России.

Теоретические корни спекулятивной экономики уходят в «рейганомику». Концепция максимальной либерализации мировых рынков неизбежно порождает анархию, хаос и стихийность, а следовательно — и идеальные условия для возникновения финансовых кризисов. Такой порядок (вернее — беспорядок) вызван натиском ТНК и международных банков, которые навязывают его государствам, ибо он обеспечивает им получение наибольшей прибыли. Подобная система особенно отрицательно сказывается на «периферийных» странах, откуда бежит капитал, где трудно рефинансировать кредиты, а экспортные операции страдают от недостатка оборотных средств. Свой «вклад» в дестабилизацию финансов слаборазвитых стран вносит и непредсказуемое движение по земному шару портфельных инвестиций, которые, как правило, также являются спекулятивными, т.е. ищущими быстро получаемые сверхвысокие доходы.

И, наконец, рассматривая проблему спекуляции, нельзя обойти стороной и тему оффшоров. Согласно экспертной оценке, в оффшорах сегодня хранится треть от общего состояния миллионеров в мире (без учета недвижимости) в сумме 11,5 трлн. долларов. По данным АиФ (№36, 2009), только из России за последние 20 лет вывезено через оффшоры примерно 2 трлн. долларов. Как пишет газета, эта сумма сопоставима с материальными потерями СССР во время Второй мировой войны. И когда сегодня лидеры государств печалятся о нехватке ликвидности в финансовой системе, о дефицитах государственных бюджетов, урезая и без того скудные средства, направляемые на поддержку существования растущей резервной армии труда, на просвещение, здравоохранение и социальное попечение, то от такой политики за версту разит демагогией. Просто никто из демократических политиков не решается на справедливое перераспределение богатства, полученного не только в результате «законной» эксплуатации наемных работников, но и от спекуляций, мошенничества и операций в «теневой» экономике (наркоторговля, игорный бизнес, проституция и т.п.).

Кризис, начавшийся в 2007 году, быстро распространился по земному шару в силу зависимости экономики всех без исключения стран от США. Характер и степень этой зависимости различаются по регионам и странам мира. Развитые и самодостаточные экономики Западной Европы, Японии, а также Китая, понесли потери из-за сокращения экспорта товаров в США и краха на рынке деривативов, порожденных финансовой системой США. Кстати, первой страной в Западной Европе, павшей от финансового кризиса, стала Ирландия, у которой велики были объемы заемных средств (внешний долг превосходил ВВП в несколько раз). Слаборазвитые государства Восточной и Центральной Европы вынуждены были сократить объемы производства товаров из-за резкого уменьшения их экспорта и платежеспособного спроса, в частности, вызванного взрывообразным ростом безработицы. Существенные потери понесли те страны, в экономике которых преобладали отрасли, добывающие и поставляющие на мировой рынок углеводородное топливо и полезные ископаемые, например, Россия.

Степень поражения экономик стран мира нынешним кризисом существенно различается. Ряд стран стоит на грани банкротства (Исландия, Латвия,

Украина, Венгрия, Турция, Малайзия, Таиланд, Колумбия и др.). МВФ и Европейский Союз, на финансовую поддержку которых рассчитывали государства, над которыми нависла угроза дефолта, не спешат оказывать им щедрую помощь, выдвигая крайне суровые условия. В частности, МВФ категорически против эмиссии денег странами, испытывающими дефицит финансовых ресурсов. Это правило касается всех стран, кроме США, которым МВФ не помешало дополнительно напечатать 800 млрд. долларов, хотя очевидно, что эти действия приведут не только к росту инфляции в США, но и обесценят номинированные в американской валюте активы за рубежом, в том числе резервы центробанков других стран, а также сбережения населения, хранящиеся в долларах. Действительно, что позволено Юпитеру, то не позволено быку.

МВФ и Всемирный банк, где верховодят США и государства Западной Европы, проводят политику двойных стандартов, нанося серьезный ущерб «периферийным» странам. Лицемерную политику проводит также руководство Европейского Союза, которое, например, отказало государствам Балтии в переходе их денежного обращения на евро. На чрезвычайном саммите, состоявшемся в начале 2009 года, было отказано странам Восточной Европы в предоставлении им пакета срочной финансовой помощи в размере 190 млрд. евро, несмотря на угрозу дефолта в ряде государств. По предложению Ангелы Меркель размеры помощи должны определяться для каждой из стран отдельно.

Если иметь в виду финансовый аспект взаимодействия США с другими странами, то весьма показательным является список основных стран-кредиторов Соединенных Штатов, ибо только благодаря постоянному заимствованию финансовых ресурсов через различные каналы они могут покрывать дефициты как платежного баланса, так и государственного бюджета. Безусловно, на первом месте среди инвесторов в казначейские облигации США стоит Китай, на втором — Япония, на третьем — государства, объединенные в группу «Карибские банковские страны» (Багамские, Бермудские, Каймановы и Антильские острова, а также Панама). На четвертом — страны-экспортеры нефти (Эквадор, Венесуэла, Индонезия, Бахрейн, Иран, Ирак, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ, Алжир, Габон, Ливия, Нигерия).

Кризис в России

Глобальный кризис накрыл Россию не первой, а второй волной, так как ее экономика носит в основном периферийный характер, удовлетворяя потребности развитых стран мира в углеводородном топливе и различных видах сырья. В государствах ОЭСР кризис уже бушевал в полную силу, а в России все еще продолжался рост экономики. О значительном запаздывании кризиса в России свидетельствует и такой многозначительный факт: в 2008 году она увеличила вложения в казначейские облигации США более чем в 3,5 раза — с 32,6 млрд. долларов в декабре 2007 года до 116,4 млрд. долларов в декабре 2008 года.

Поскольку энергоносители и различные виды промышленного сырья в российском экспорте составляют около 80%, а цены на них еще в первой половине 2008 года на мировых рынках оставались высокими, то это обстоятельство оказывало свое положительное влияние на экономику России. Резкое падение цен на мировых рынках на сырьевые товары и продовольствие

во второй половине 2008 года сразу же привело к негативным последствиям, открыв шлюзы для наступления глобального кризиса.

Течение кризисных явлений в России ничем оригинальным не отличалось, развиваясь по обычному сценарию. В банковском секторе стала ощущаться нехватка ликвидности в связи с сокращениями доходов, главным образом от экспорта, оттоком иностранного капитала и возрастающей задолженностью физических лиц по ипотечному кредиту, который на 1 апреля 2008 года составил 2,8 трлн. рублей, увеличившись за полгода на 0,5 трлн. рублей.

Недостаток средств в банках правительство сначала стало покрывать размещением в них средств Пенсионного фонда. Банки же, в свою очередь, ужесточили условия выдачи ипотечного кредита.

В экономике России начал резко сокращаться платежеспособный спрос из-за растущей инфляции и увеличения числа увольняемых, что не могло не отразиться на сфере торговли и промышленном производстве. Использование правительством накопленных в благоприятные годы экономического подъема валютных резервов позволило несколько смягчить остроту кризисных процессов, но не остановило их. В условиях глобального кризиса ни девальвация, де-факто проведенная Центробанком, ни простое насыщение финансового сектора деньгами не дали желаемого результата.

Запаздывание прихода кризиса в Россию в 2008 году породило иллюзию, что он лишь слегка заденет ее рикошетом. В верхах царил настрой шапкозакидательства, демобилизовав соответствующие административные структуры, которые вовремя не разработали адекватный план. Такой план стал по частям разрабатываться лишь по мере нарастания кризисных процессов, которые в 2009 году приведут к снижению ВВП примерно на 7–8%. Примерно такие же величины следует ожидать в отношении дефицита государственного бюджета относительно к ВВП.

Министр финансов А.Кудрин в сентябре 2009 года высказал мнение, что экономика РФ, несмотря на все неопределенности и риски текущей ситуации, будет плавно восстанавливаться. При этом он не отрицал ни одного из вариантов выхода из кризиса. Однако директор департамента стратегического анализа аудиторской группы ФБК Игорь Николаев и научный руководитель Института национальной стратегии Никита Кричевский уверены, что и 2010 год будет кризисным, а оживление экономики наступит не раньше 2011 года. Заметим, что прогноз правительства на 2010 год — рост ВВП на 1% (МВФ оценивает его в 1,5%) — находится в пределах нормальной статистической погрешности. Вообще 2010 год будет непростым по той причине, что, по мнению вышеназванных экспертов, вероятнее всего, будут исчерпаны Фонд национального благосостояния и Резервный фонд. Это значит, что правительству придется или заимствовать деньги на внешнем рынке, или включать печатный станок, или выпускать облигации, или же идти на дальнейшую девальвацию рубля.

Однако, прогнозируя развитие экономики, нельзя сбрасывать со счетов благоприятную для России конъюнктуру на нефтяном мировом рынке: в третьем квартале 2009 года цены за баррель нефти составили примерно 70 долларов, вернувшись к уровню двухгодичной давности. Высокие цены на нефть будут, безусловно, способствовать выходу России из кризиса. Но в связи с чрезвычайно высокими ценами на нефть в первом полугодии 2008 года за три квартала 2009 года экспорт нефти и нефтепродуктов уменьшился, составив 102,7 млрд. долларов против 198 млрд. долларов в 2008 году, что

привело к сокращению общего объема экспорта за три квартала 2009 года на 44,8% против соответствующего периода предыдущего года.

Как осторожно заметил А.Кудрин на открытии форума «Россия зовет», «...среди ключевых рисков остается на ближайший период неустойчивая динамика показателей экономик в ведущих странах <...> дополнительным риском является снижение цен на недвижимость <...> Мы стоим еще и на пути повышения безработицы».

Рынок потребительского кредитования сейчас предпочитает не рисковать, не стремясь увеличивать объемы выдачи новых кредитов. Банки во главу угла ставят работу с уже выданными кредитами. Одним словом, в действии — диаметрально противоположные факторы, которые определяют своеобразие траектории выхода российской экономики из кризиса. При этом очень важен чисто психологический аспект. Все боятся второй волны кризиса и рисков, которые могут сопровождать активизацию кредитования потребителей. Не рвутся в бой как банки, так и заемщики. Зачем последним в разгар кризиса, конца которого не видно, взваливать на себя дополнительные риски, да еще платить за это по высочайшим расценкам? Так, например, спрос на микрофинансирование со стороны малого бизнеса упал в первом полугодии 2009 года на 20,7%.

Д.Медведев дал довольно резкую оценку российской экономике, сказав, что «кризис четко продемонстрировал, что нынешний путь развития — тупиковый». Сказано верно. Кризисы — неотъемлемая черта капитализма, который усилиями западных и российских либералов вернулся на российские просторы в 1990-х годах. Но какую же стратегию для великой страны на будущее предлагают сегодня Д.Медведев и В.Путин? Если президент Франции Николя Саркози по-маниловски ратует за «нравственный капитализм», то лидеры России, наоборот, призывают энергично сворачивать на путь проведения радикальных либеральных реформ, используя традиционные рыночные инструменты, например, приватизацию.

Кризис в Прибалтике

В Европе кризис нанес сильнейший удар по странам Прибалтики, экономики которых только-только вышли на уровень 1989 года. В 1990-е годы они резко переориентировали свои внешние экономические связи с республик бывшего Советского Союза на Европейский Союз, оказавшись в полной зависимости от экспортных поставок в государства Западной и Северной Европы, а также от ТНК, разместивших здесь свои дочерние предприятия, и западных банков, особенно Швеции и Финляндии.

Как известно, «старые» члены Европейского Союза, пострадавшие одними из первых от кризисного цунами, не смогли оказать щедрую финансовую поддержку Литве, Латвии и Эстонии, отказав им также в немедленном присоединении к еврозоне, ибо ни одно из названных государств не выполнило безукоризненно Маастрихтские критерии.

Наряду с переориентацией экономики Прибалтики на западные рынки, радикально изменилась и отраслевая структура ВВП. Если в советское время в нем преобладали отрасли материального производства, имевшие неплохую эффективность, то к настоящему времени пальма первенства принадлежит сфере услуг, в первую очередь финансовому сектору, страхованию, операциям с недвижимостью и торговле. Именно эти отрасли первыми испытали на себе удар разбушевавшейся стихии на мировых рынках.

Резкое сокращение ВВП не только за счет потери рынков для экспорта (в основном за счет производственной кооперации), но и уменьшения платежеспособного спроса не могло не привести к кризису в реальном секторе, обусловив быстрый рост безработицы, уровень которой бьет все прежние рекорды. Как следствие, начали усыхать доходные статьи государственных бюджетов, что вызвало сокращение расходов на содержание публичного сектора, медицины и просвещения. В Латвии даже замахнулись на пенсии престарелым.

В поисках денег для скудеющей государственной казны правительства взяли курс на повышение налогового пресса, что послужило еще одним фактором сужения внутреннего рынка. Образовался порочный круг. В Эстонии, например, в поисках выхода из заколдованного круга началась распродажа объектов государственной собственности, а в Латвии все надежды на выживание сводятся к получению внешних займов, так как возможности увеличения доходов за счет внутренних ресурсов или достижения сбалансированности бюджета путем урезания его расходных статей приблизились к критической отметке (медицине финансирование урезали на 62%, а к 1 сентября 2009 года было ликвидировано 54 школы).

За все, что делается, приходится платить. Свобода тоже стоит денег и, как правило, сопряжена с неизбежными жертвами.

Прибалтийские государства связали свою судьбу не только с Европейским Союзом и НАТО, но и полностью доверились идеологии неолiberaлизма, став прилежными учениками. И вот теперь наступила расплата: вместо золотой рыбки кризис оставил новоиспеченные демократии перед разбитым корытом. Как писал Х.Витсур в журнале центристской партии Эстонии «Режиссер» (№ 13, с. 24), «вера в то, что рынок будет тем эффективнее направлять развитие государства, чем меньше это государство будет его регулировать или вмешиваться, развеялось, как дым. Всюду, кроме Эстонии».

Ну что же! Хоть кто-то наконец-то прозрел.

Уроки кризиса

Наконец-то министрами финансов государств, входящих в «большую двадцатку», было официально признано, что «регулирование скорее ослабляет, чем усиливает цикличность экономики», а «невидимая рука» рыночной стихии может свалить ее в пропасть. Чтобы признать эту элементарную истину, понадобилось полтора столетия и шестнадцать мировых кризисов. Уже на третий год нынешнего кризиса всем, кроме профессоров университетов, стало ясно как божий день, что в том виде, в каком мировая экономика существовала до кризиса, она уже никогда не восстановится.

Вместе с тем уже осуществленные и планируемые меры призваны решить стратегическую задачу — укрепить разваливающийся фундамент глобального капитализма. Спасены ведущие международные банки, функционируют различные биржи. Доллар сохраняет пока свою роль главной расчетной мировой валюты. Повысилось значение таких международных институтов, как МВФ, Всемирный банк, которые еще недавно были объектами критики, и им предрекали скорую гибель.

Конечно, недооценивать влияние разработанных G-20 мер регулирования капиталистических мировых и национальных рынков ни в коем случае нельзя. Однако надежда на то, что пакет конъюнктурных мер представляет собой

«стратегию предотвращения кризисов в будущем», является, по меньшей мере, наивной. Да и сами министры финансов признали, что цикличность является неотъемлемой частью капиталистической экономики.

Современный кризис длится уже третий год. Спекулятивный характер роста в предкризисный период породил ипотечный и деривативный «пузыри», которые, лопнув, подорвали всю финансовую систему глобального капитализма, поразив и реальную экономику. Диспропорция между богатыми и «периферийными» странами стала столь серьезной, что деформировала всю микроэкономiku. И можно смело утверждать, что начавшийся в 2007 году глобальный кризис был связан не только с перенакоплением капитала за счет нещадной эксплуатации ТНК и международными банками «периферийных» государств, не только с товарным перепроизводством, а являлся следствием системных противоречий мировой экономики.

У кризиса не одна и не две причины, их несколько. И пока не будут в той или иной мере разрешены накопившиеся противоречия, мировую экономику будет лихорадить. Так, неясно, когда и в какой мере вернуться в государственные бюджеты огромные суммы, направленные на спасение финансовых институтов, особенно в той их части, которые были использованы для нейтрализации огромного массива «токсичных» активов.

Сегодня очевидно, что потерпела фиаско идеология рыночного фундаментализма. Это должно было рано или поздно случиться, т.к. она не выдерживала никакой проверки практикой.

В разгар кризиса лучшие умы капиталистического мира были призваны найти рецепты выхода из возникшей ситуации и спасения основ общественного строя. В США была созвана конференция Центра капитализма и общества при Колумбийском университете, в работе которой приняли участие самые именитые личности, начиная с финансового спекулянта Д.Сороса и советника Барака Обамы Пола Волкера вплоть до нобелевских лауреатов.

Встреча носила закрытый характер, но кое-что просочилось и в прессу. Так, на обеденной церемонии господин П.Волкер заявил, что «нынешний кризис стал испытанием капитализма. Я уверен, что капитализм переживет кризис и выживет, но финансовая система нуждается в некотором (какое осторожное слово! — *Авт.*) пересмотре. И я не уверен, что она когда-нибудь восстановится в прежнем либеральном виде».

Интересно, а куда денутся финансовые спекулянты и деривативы? Кто в состоянии их ликвидировать? Ответа на эти вопросы советник президента США не дал. Уже на ужине при свечах Д.Сорос откровенно признался в том, что, как и при коллапсе советской системы, свидетелем которой он был (замечу, кстати, и организатором тоже. — *Авт.*), «тогда и сейчас люди не понимали, что происходит».

Некоторые участники этого конгресса предлагали властям США ввести чрезвычайные авторитарные меры. Бывший главный экономист Европейского банка реконструкции и развития Виллем Байтер без всяких обиняков заявил буквально следующее: «В американском обществе существует традиция открытого правительства, предполагающая долгие дебаты и обсуждения. Выбросите все это из окна: кризис требует быстрых решений за закрытыми дверями».

После нынешнего кризиса наступит эра нового протекционизма — этой обратной стороны глобальной конкуренции. Новый протекционизм станет орудием конкуренции, в которой игроками будут выступать государства и

ТНК. Государства ОЭСР будут отстаивать интересы своих ТНК в борьбе с развивающимися и беднейшими государствами, возможно, прибегая даже к силе оружия, как это сделали США в Панаме, Ираке, Афганистане и т.д.

Лидеры G-20 ведь не собираются, как мы убедились из высказываний некоторых политиков мирового ранга, отменять капитализм.

Однако даже регулируемый и, в какой-то мере, регламентируемый капитализм будет покоится на рыночных отношениях. Следовательно, по-прежнему будет оставаться в силе и конкуренция, и погоня за максимальными прибылями. А поскольку никому из власть имущих и в голову не придет ликвидировать ТНК, банки, фонды и т.п. институты капиталистических рыночных отношений, то они, естественно, будут руководствоваться в своей деятельности не регламентами МВФ, ВТО и т.п., а железной логикой борьбы со своими конкурентами в стремлении максимизировать прибыль. Это же, в свою очередь, означает не что иное, как использование тех преимуществ в конкурентной борьбе за место под солнцем, которые дает эксплуатация, наряду со своими родными наемными работниками, ресурсов «периферийных» государств.

Именно в этом и будет заключаться суть глобального противоречия, которое останется и после кризиса. Бедным странам не дадут вымереть, ибо они нужны для процветания богатых стран. И нет никакого сомнения в том, что очередной глобальный кризис уже старательно выпестовывается лидерами G-20, некоторые из которых по наивности или по недомыслию, а вероятнее всего, в целях обмана масс, тешат себя и других иллюзиями насчет «нравственного капитализма».

Кроме того, следует иметь в виду, что лопнувшие ипотечный и деривативный «пузыри», подчиняясь законам функционирования бирж и спекуляции, вновь начнут надуваться, создавая предпосылки для возникновения очередного кризиса, который разразится где-то в районе 2020 года.

Зреет еще один гигантский «пузырь» — американских внешних зависимостей. Поскольку никакое превращение СДР в мировую валюту, котируемую на бирже, не предвидится, то погоду на валютных рынках будет определять конкуренция доллара с евро и другими сильными валютами, возможно, и новыми региональными валютами. К такому же выводу пришли и участники форума «Диалог цивилизаций», состоявшегося на острове Родос в октябре 2009 года.

Чтобы изменять мир, нужны реальные политические силы, которые способны это сделать. Те, у кого сегодня богатство и власть, этот мир изменять не желают. Им и в этом мире живется неплохо. У них две стратегические задачи — не допустить выхода людей на улицу, чтобы стихия не смела нынешнюю власть, а также модернизировать механизм функционирования глобальных и национальных рынков таким образом, чтобы кризисы, которые неизбежны, были бы не столь разрушительными, как нынешний.

Если же быть объективным и постараться сделать верный вывод из уроков нынешнего кризиса, то он был бы таков: необходимо идти по курсу обобществления производства, сочетая рыночные отношения (на договорной основе) с планированием в национальном и глобальном масштабах на основе многоукладной экономики, в которой целью производства является наилучшее удовлетворение потребностей людей, а не получение максимальной прибыли.

Павел ГУРЕВИЧ

ПОСЛЕВКУСИЕ КРИЗИСА

Не исчерпан ли ресурс?

В начале этого года, обратившись к неотложной теме кризиса, мы размышляли: каким будет его послевкусие? Большинство политиков и социальных мыслителей толковали в ту пору о грядущем гастрономическом изобилии. Надо переждать. Вот очистим фондовый рынок. Повысим потребительский спрос. Введем в оборот новые технологии.

Точно заклинание повторялась одна и та же фраза: «Кризисы приходят и уходят».

Эта мантра частично снимала разочарование. Но энтузиазм постепенно убывал, и наш отечественный министр финансов, охваченный стрессом, намекал: ко времени окончания кризиса нас, возможно, уже не будет в живых. Грядет новая волна потрясений. Шутка ли, кризис продлится, судя по всему, полвека...

Социальная мысль в оценке кризиса изнемогла. Бросились читать Маркса, отложили. Нет там панацеи. Тоже мрачный прогноз... Может, как-то рассосется само по себе? Никто ведь не отменял циклического развития.

Это, разумеется, так. Но история не движется по кругу. Никто не станет оспаривать и глубинные цивилизационные разломы, случившиеся в прошлом. Сколько разных формаций знает мировое сообщество. Мы так увлечены идеей прогресса, что вынуждены давать разные названия социуму, в котором живем. Мы переименовывали его десяток раз.

Эта карусель теоретических концепций, как нам казалось, отражает реальную динамику капитализма. Однако мы нисколько не продвинулись дальше базовых идей XVI века.

Рождается крамольная мысль: может быть, капитализм действительно исчерпал свой ресурс?

В 60-х годах прошлого столетия в «Комсомольской правде» появилась странная заметка «Не рано ли заигрывать с Луной?». Автор, вопреки нагрывшему космическому энтузиазму, писал о неизведанных морских безднах, о неисследованных тайнах социального устройства, о плодородии почвы, которые, как казалось инакомыслящему, важнее прорыва в космос. Нытику ответили на большом душевном подъеме. «И на Марсе будут...», «Караваны ракет помчат нас вперед...».

При общем воодушевлении чуть не потеряли яблоны на Земле. Прошло время, и о несвоевременности космического энтузиазма стали писать те, кто его, собственно, и вызвал.

Исследователи сегодня пишут о системности мирового кризиса. Говорят о его полномасштабности и всеохватности. Кризис поразил экономику и финансы, затронул внутреннюю и внешнюю политику, идеологию и культуру, мораль и право, сказался на социальном положении населения всех стран. Эксперты толкуют о том, что он захватывает глубинные основы капитализма как цивилизационного уклада. Речь идет не только о рыночных отношениях, о системе финансов, о глобализации экономических связей. Говорят о забвении протестантского этоса, о неспособности капитализма реализовать идею справедливости. Особо отмечают пагубу бездуховности. Здесь критика капитализма становится тотальной.

В середине уходящего года мы провели «круглый стол», посвященный преобразению морали в современном обществе. Участники дискуссии отмечали, что критика капитализма со стороны Маркса была не только чисто экономической или правовой. Маркс и Энгельс обличали деляческий прагматизм, холодный расчет, параноидальное стремление к наживе, которое истребило и религиозный экстаз, и рыцарский энтузиазм, и даже мещанскую сентиментальность.

Сегодня многие дальновидные эксперты отмечают, что исторически капитализм, судя по всему, обречен. Невозможно выйти из кризиса, продолжая пестовать потребительскую модель, провоцируя массовый спрос на товары, орошая финансовый капитал непомерными вложениями.

Всеобщая «тришкинизация» мирового капитала рождает уныние. И, тем не менее, эксперты предлагают в качестве выхода из мирового кризиса меры частичные, косметические. Но разве не настало время для социально-философского анализа того грандиозного опыта, который был накоплен капитализмом за четыре с половиной столетия его существования? Когда, как не в пору кризиса, придет момент поговорить о его блеске и нищете? Наконец, задаться вопросом, насколько этот цивилизационный уклад соответствует идеалам человечности, справедливости, свободы, духовных устремлений? Стоит ли вообще в духе постмодернистской философии говорить о капитализме, как о незавершенном проекте? Быть может, век его уже измерен?

«Давние клятвы о динамичности капитализма как системы выглядят полной нелепостью на фоне разорения России, — пишет Владимир Иорданский, — и ее фактического превращения в страну третьего мира. Сегодня по всему миру ширится разочарование в капитализме как движущей силе истории, в этой роли он фактически исчерпал себя».

Даже столь известный апологет капитализма, как г-н Сорос, разуверился в нем, подвергнув критике его базовые основы.

За свой исторический срок капитализм во всю свою мощь развил производительные силы. Он обеспечил невероятный цивилизационный скачок, вызвав к жизни научно-техническую, информационную революцию. В результате сложилось общество высокого потребления. Капитализм извлек из арсенала истории демократию, как поруганный политический режим, и придал ему жизненность и эффективность. Он перевел гуманистическую риторiku в русло конкретных социальных проблем — борьбы за свободу и права человека, за достойную жизнь, за справедливость. Этот строй объединил человечество. Через разносторонние экономические и культурные связи

он обеспечил движение к глобализации. Людской род, по выражению Н.А.Бердяева, стал превращаться в человечество.

Вместе с тем капитализм истерзал природу, чуть ли не до дна исчерпал ее ресурсы, довел до агонии. Он создал мощные средства разрушения. Неизвестно куда улетевшая ракета Северной Кореи повергла мир в трепет. Глобализация прокатилась катком по национальному своеобразие и самобытности. Демократия, утратив исконный смысл, из народовластия превратилась в мощный инструмент тоталитаризма и авторитаризма. Человеческий род стал распадаться: золотой миллиард отверг право остального мира не только на благоденствие, но и на само существование. Мировой кризис открыл глаза на мощные вулканические силы, бушующие в недрах экономики, социума и всего цивилизационного уклада.

Кризис вызвал растерянность среди экономистов и политиков. Евгений Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики, отмечает, что многие факторы, связанные с попытками преодолеть болезненные процессы современной ситуации, вообще находятся вне управления. Можно подумать, что речь идет о сложностях экономики как научной дисциплины. Но ведь кризис давно уже перестал быть финансовым или экономическим. Можно понять наивную настойчивость английской королевы, которая пыталась узнать у экспертов, почему мировой кризис оказался неожиданностью. Но трудно ответить и на вопрос, отчего огромные финансовые вложения в экономику развивающихся стран привели к их отставанию в мировом экономическом марафоне и фактически обрекли их на незавидную судьбу. Отчего капитализм не смог микшировать серьезные социальные коллизии, чреватые революционными потрясениями?

Кризис цивилизации

Мировой кризис приобрел цивилизационный характер. Это означает, что толковать о нем, оставаясь в мире финансов, отвлеченных экономических показателей, бесперспективно. Кризис вызван не только глобальным структурным дисбалансом в экономике. Он отразил не только противоречие между планетарностью капитала и суверенитетом национального государства. Он выразил не только рассогласованность между глобализацией и политической властью, которая по-прежнему реализуется на уровне государства. Кризис обнажил колоссальный разрыв между реальной и фиктивной экономикой. Он, в конце концов, поставил под удар всю капиталистическую систему.

Социальная мысль явно не поспекает за шквальным преобразованием современного мира. Масштабные и интенсивные преобразования касаются теперь не только сферы хозяйства, денег, экономики, политики и культуры. Меняются и фундаментальные основы воспроизводства человека как биологического и антропологического типа. Гигантская по масштабам биотехнологическая революция не оставила камня на камне от родовых отношений, от родовой сущности антропоида и превратила фундаментальные основы самого человека в простой набор потребностей, пусть и базовых, но потребностей: секса, размножения, вынашивания, вскармливания, обучения и так далее. Восстанавливаются в своих правах политические режимы, о которых писал, к примеру, Аристотель. Стремительность потоков информации, глобальная миграция населения, распад социальных связей разобщают людей. Иной становится практика образования и мышления.

Действительно, мы попали в некий турбулентный поток. Существующие сегодня социокультурные институты и технологии управления обрушиваются на глазах и требуют реконструирования. Вот почему многие социальные концепции, выполнявшие еще недавно миссию интеллектуальной моды, сразу утратили свою ценность.

Нынешний кризис, поразивший экономику всех стран, радикально изменил представление о глобализации как социальном феномене. Разумеется, речь все еще идет о доминировании рынка и неолиберальных формах демократии. Не оспаривается господство транснациональных корпораций в различных сферах жизни — от экономики до культуры. Глобализация по-прежнему активно влияет не только на экономику и политику, но и на культуру, образ жизни и образ мысли. Мировой кризис подтвердил реальность общепланетарных тенденций.

Вместе с тем мировой кризис произвел огромные сдвиги в геополитике, обнажил кричащие противоречия современного мира и самого процесса создания общепланетарной цивилизации. Общие представления о схождении всех культур в некое общее цивилизационное пространство не выдержали испытаний. Вновь актуализировались давние проблемы философии культуры: может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость под напором чужеродных влияний?

Обсуждение этих вопросов в философии имеет давние традиции. Но сегодня в условиях кризиса они обрели особую актуальность.

Многие страны в результате глобализации увеличили свою мощь. Это, прежде всего, относится к старому Западу. В то же время глобализация в немалой степени способствовала усилению некоторых развивающихся стран — Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Началась новая индустриальная революция. На деле она привела к мгновенному перераспределению мирового ВВП. За пять лет Европа потеряла свои 1–2%. Утраты обнаружились и в США. Однако, несмотря на кризис, они происходят медленнее. Зато одновременно, словно грибы, растут новые экономические центры. Для таких смещений еще совсем недавно потребовалось бы более столетия.

Новая индустриальная революция превратила минеральные энергоресурсы в дорогой товар. Обострилась борьба за новые территории. Еще несколько лет назад Э.Тоффлер, оценивая перемены в современном мире, утверждал, что основное противостояние будет пролегать в пространстве науки и технологий (*Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001*). Он писал: «Знания сами по себе, следовательно, оказываются не только источником самой высококачественной власти, но также важнейшим компонентом силы и богатства».

Если ценностью обладает только знание, почему же многие государства внезапно стали драться за Антарктиду, полагая, что там размещены неопределимые и пока неизвестные ресурсы? В наши дни 90% ископаемых ресурсов принадлежат государствам, на территории которых они залегают. При быстром росте мировой экономики в нее влились около 2 млн. людей. Кризис в то же время увеличил ряды безработных.

Обозначился и рост спроса на продовольствие. Достоинства аграрной стадии исторического развития, названной Тоффлером «первой волной», вновь

обретают значимость. Земля, дающая продукты питания, становится ценнейшим ресурсом. Историческое концепции, абсолютизирующие линейность социального процесса, утрачивают свою состоятельность. Оказывается, аграрная стадия развития цивилизации не является анахронизмом. Губернатор Тулеев личным примером призывает горожан сажать картошку. Никто пока не спрашивает: где знания? Чаще раздаются иные голоса: где продовольствие, вода, воздух?

Повысилась политическая активность населения. Жители Земли, еще недавно готовые обменять свою политическую индифферентность на экономическое благосостояние, теперь, напротив, рвутся к политической деятельности. Появляются новые игроки, участвующие в политике. Политизация замещает былую индифферентность масс. Мир оказывается на грани новых столкновений, многим странам в новой ситуации придется бороться за элементарное выживание. Если прежде существовали политические страсти, то сегодня мы наблюдаем необузданность в сочетании с глубоким отвращением к политике.

Политики пытаются канализировать политическую энергию масс в социальный энтузиазм. Однако обращение российского президента к народу вызвало массовую критику не только политиков, но и интеллигенции, простых тружеников. На любой странице Интернета можно прочитать слова, пронизанные горечью и злобой, разочарованием и унынием. Нет, не встрепнулось общественное сознание, не откликнулось на радостный призыв главного лица страны. Скорее, оно натолкнулось на политическую усталость и чувство протеста. Мы живем в мире абсурда. Президент утверждает, что ЕГЭ помог ликвидировать взятки в вузах. А Департамент экономической безопасности МВД установил, что в этом году было выявлено вдвое больше преступлений, чем в прошлом.

Только что состоявшиеся выборы в Мосгордуму обнажили предельную циничность власти. Диалог между кормилом управления и обществом безнадежно утрачен. «Круглый стол», проведенный нами во второй половине года, показал, что никакой подъем национального самосознания в условиях кастрированной демократии уже невозможен.

Что грядет? Бурное потрясение страны или совместное загнивание власти и социума?

Еще три года назад в книге «Глобализация как постидеология» З.Бжезинский отмечал, как американская мощь достигла беспрецедентного уровня. Весь мир ощущает инновационный эффект технологического динамизма. Лучшим свидетельством роли Америки в современном мире З.Бжезинский считал американскую массовую культуру, которая проникла во все уголки земного шара. Он писал о том, что повсюду ощущается притягательность многоликой и часто незатейливой американской художественной продукции (*Бжезинский Збигнев*. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006).

Между тем известно, как отчаянно сопротивляются американской массовой культуре хотя бы французские интеллектуалы, где контроверза американскому вызвала к жизни даже определенный духовный стиль. Французы часто и открыто заявляют, что глобализация означает гомогенизацию. Любые проявления глобализации рассматриваются через призму их совпадения с угрозой распространения американской культуры. Официальная позиция Китая тоже отражает явственную культурологическую враждеб-

ность в отношении поддерживаемой США глобализации, противопоставляя ей собственную концепцию «азианизма».

Активизировались и антиглобалисты. Обострился интерес к культуре как фактору социального развития. Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например, Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Широкое распространение получает в философской литературе идея о том, что адекватно «схваченное» ядро культуры, проницательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, ее особенностей могут содействовать прогрессу общества и, в конечном счете, всего человечества. Напротив, искаженное или поверхностное понимание сущности духовного наследия, его специфики способно породить мучительные кризисные процессы.

С этой точки зрения, глобализация — так, как она реализуется в современном мире — обладает огромным разрушительным потенциалом. Развитие и укрепление транснациональных монополистических образований приводит к наступлению капитала на национальный суверенитет многих государств. Это грозит экономической катастрофой, что и случилось в Латинской Америке в 80-е годы прошлого столетия. Речь идет не только о стирании культурно-цивилизационных особенностей различных стран, но и об утрате полярностей, без которых цивилизация мертва. Такое разведение полюсов было известно человечеству издавна.

Расизм как идеология несостоятелен. Он не имеет оснований для своих биологических притязаний. Но он обнаруживает идеологический соблазн, который живет в ядре каждой структурной системы. Расизм выражает право на различие. Он противоречит тотальной гомогенизации мира. Стремление же окончательно стереть расизм обернулось тем, что он принял мимикрические формы, явился в формах эксцентричных, агрессивных. Оказалось, что различия нет разумного основания. Это обнаруживает не только расизм, но и все антирасистские и гуманистические усилия, направленные на поддержку и защиту различия.

На наших глазах рождается новая эпоха глобальной конкуренции. Более того, обозначается новый виток межэтнических и геополитических столкновений. Говоря о глобализации, мы вынуждены сегодня признать, что некоторые народы только делают вид, что ведут западный образ жизни, хотя на самом деле никогда до конца не принимают и втайне презирают его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Когда они ведут переговоры с Западом, когда вступают с ним в сделку, они считают основополагающими свои собственные ритуалы. По этому поводу французский философ Жан Бодрийяр пишет: «Может быть, однажды исчезнут и сами белые, так и не поняв, что их белизна есть лишь результат шокирующего сближения и смешения всех рас и всех культур, подобно тому, как белый цвет представляет собой амальгаму всех цветов» (*Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2006, с. 60).

Бодрийяр считает, что ни Марокко, ни Япония, ни ислам никогда не станут западными. Европа никогда не заполнит пропасть, отделяющую ее от Америки. По его мнению, могущество Японии — это всего лишь форма гостеприимства, оказываемая технике и иным разновидностям современного стиля жизни. Но она не сопровождается ни внутренним психологическим принятием, ни глубиной. Это гостеприимство в форме вызова, а не примирения или признания.

Страны мира по-разному пытаются выйти из кризиса. Это, несомненно, приведет к новому распределению сил в общепланетарном масштабе. Не исключено, что кое-где начнут укореняться и нетривиальные мысли. Целесообразно ли сводить многообразные жизненные и практические ценности человека к наживе, к материальному благосостоянию? Не впадут ли массы, парализованные кризисом, после его ухода в еще большую потребительскую паранойю? Правомочно ли общество, в котором господствует только стихия рынка, предназначенность человеческой жизни сводится к наживе, интересы финансово-олигархического капитализма регулируют всю жизнь, бездуховность оказывается неизбежным спутником сложившегося уклада?

Может быть, человечество могло бы вернуться к идее конвергенции общества, в котором уравновешены социалистические и капиталистические принципы? Об этом говорили в свое время П.Сорокин, У.Ростоу, Дж.К.Гэлбрейт, Я.Тинбергер, Р.Арон, Э.Фромм. А может быть, мир буквально катапультируется в новое цивилизационное пространство? Но каким образом?

В ходе мирового кризиса родилось немало полуоформившихся социальных моделей, неожиданных общественных экспертиз. К примеру, Китай показывает, что именно отказ от демократии может в определенных условиях вызвать стремительный экономический рост. Самые безумные прогностические идеи получают неожиданное подкрепление. Стоило одному футурологу указать на грозящий Америке распад как единого государства, как одному из штатов захотелось полного суверенитета.

Сбывается неожиданное, подчас несуразное.

Речь идет о радикальном переосмыслении социального бытия.

ПОЛИТИКА

Александр ДУГИН

СТРУКТУРА РУССКОГО СОЦИОГЕНЕЗА

Формула социогенеза России: константы и переменные

При рассмотрении социальной специфики России, взятой на всем протяжении ее исторического пути, включая все этапы и все метаморфозы, мы можем выделить два набора критериев, на основании которых станет возможным корректный анализ ее содержания. Для актуальной ситуации это поможет в дешифровке *смыслов* происходящего, а в отношении будущего позволит делать более или менее достоверные *прогнозы*.

Эти критерии можно представить в виде следующей схематической последовательности из четырёх логических шагов, в которой фигурируют как *константы*, так и *переменные*:

1) *этнос* (где славянское ядро — это константа, а неславянские этнические меньшинства — переменные) складываются в *народ* (константа);

2) народ (константа) производит *государство* (переменная);

3) государство (переменная) становится *цивилизацией* (константа);

4) цивилизация (константа) формирует *общество* (переменная).

Это можно назвать «*формулой социогенеза России*».

Итак, мы имеем набор констант и набор переменных.

Можно свести логические этапы российского социогенеза к двум рядам парадигм.

Константы	Переменные
Россы (славяне)	Этнические меньшинства
Народ	Государство
Русская цивилизация	Общество

Пояснения о константах

Этническое ядро — это совокупность этнических групп (племен, племенных союзов, родовых и соседских общин, родо-племенных образований и т.д.), которая формирует культурный тип народа — его язык, культуру, исторический облик, его традицию.

Народ есть исторический *субъект*, наделенный волей и целенаправленностью. В нем корень *преемственности*. Только наличие народа как константы делает возможной *историю* (в противном случае не ясно, с кем происходит то, что происходит, и что именно происходит, так как смысл истории народа лежит в его *собственном* глубинном содержании).

Народ имеет *ядро* (этническую константу) и *периферию* (этнические переменные).

Фиксация культурного типа народа в диалоге с внешними и внутренними *дифференциалами* (международный контекст и внутреннее этническое многообразие) дает цивилизацию (неизменный набор основных ценностей — в частности, коллективный характер социальной и политической антропологии, созерцательность, метафора семьи, мессианство и т.д., различимые на всех этапах русской истории). Ее тип — *евразийский* (и по внешним признакам — Россия находится географически между Европой и Азией, и по внутренним — сочетание европейского и азиатского стилей в культуре народа).

Константы связаны между собой, но далеко не тождественны. Между ними существует определенная последовательность и размерность: начальная (наименьшая по масштабности) константа — это этническое ядро, результирующая (наибольшая по масштабности) — цивилизация; народ находится между ними.

Этническое ядро дает изначальный *жизненный импульс* социогенезу. И этот импульс *сохраняется* на всех этапах его дальнейшего развертывания. Это ядро, будучи константой, наличествует постоянно и постоянно оживляет своей энергией бытие народа. Наглядно это видно в *языке* и преемственности культурных *кодов*. Частично — в фенотипе.

Народ — это этнос (или группа этносов), *вступивший в историю*, *осознавший время и поставивший себе в этом времени цель*. Народ — этнос, наделенный *миссией*. Этнос живет *в настоящем и в прошлом*. Когда он становится народом, у него открывается *будущее*. Народ добавляет к этносу структуру *упорядоченной воли*, переводит гармоничное этническое бытие в неравновесное историческое деятельное состояние. Этническая энергия в народе обретает фокусировку, из рассеянной становится сконцентрированной, *лучевой*.

Цивилизация — это *продукт масштабного воплощения упорядочивающих энергий народа в развитой, универсально понятной, духовной, материальной, политической, социальной и этической структуре*.

Эта структура может утверждаться как внятный *социальный код* в среде разных народов и этносов, которые по тем или иным причинам будут интегрированы в эту цивилизацию. *Цивилизация выражает в себе универсальную масштабность миссии народа.*

Сразу оговоримся, что данные константы социогенеза применимы не ко всем обществам. Они достоверно описывают логику и этапы русской истории, у других народов и культур процессы социогенеза могут развиваться иначе. Это не всеобщее правило, но следствие индуктивно-го эмпирического анализа России и русского общества.

Пояснения о переменных

Переменными являются в русском социогенезе *этнические меньшинства*. Их количество, структура и номенклатура постоянно меняются. Одни приходят, другие уходят. Третьи помышляют о том, как выйти. Поэтому они и отнесены к разряду переменных. Одну этническую картину мы встречаем на первом этапе социогенеза, у истоков Киевской государственности. Другую — в расцвете Киевской Руси. Третью — на «удельном» этапе. Четвертую — в условиях «Золотой Орды». Пятую — в Московской Руси и параллельно ей развивавшейся Руси Литовской. Шестую — в Руси XVII века. Седьмую — в Империи Петра. Восьмую — в XIX веке. Девятую — в СССР. Десятую — сейчас.

В каждой из этих картин фигурируют разные этносы. Список этносов, входящих в каждую из этих мозаик, был бы огромен, а изменения в нем — велики.

Этносы трансформируются, раскалываются, сливаются, отходят, приходят новые и т.д. И на всем протяжении этногенеза вращается вокруг определенной четко *фиксируемой оси*, состоящей из восточных славян, которые и формируют *нормативную этноидентичность всего целого*.

Следующей переменной является *государство*. Государство за тысячу лет русской истории не раз меняло и свое *название*, и свою *идеологию*, и свои *границы*, и свое *содержание*, и свою *политическую систему*, и свой *экономический уклад*, и свою *правовую модель*. Оно по-разному называлось и представляло собой разные реальности.

Государственность была постоянно, государство же менялось. Всякий раз государство заново запускал *народ*. Он есть воплощение государственности, но не государства. Государство есть продукт *отчуждения* от народа. Это механическая модель, надстраиваемая *над* органическим целым.

Государство — это конкретная и формализованная (через право, законы, власть, территории) система, которая представляет собой набор критериев, отвлеченных от непосредственно народной стихии. В этом государство близко цивилизации. Но в отличие от цивилизации

государство и его порядки *преходящи* и *временны*, могут быть изменены и перестроены по стечению исторических обстоятельств или по воле народа. Цивилизация же неизменна и не зависит от коротких исторических циклов.

Каждое новое созданное народом (константа) государство (от Киевской Руси до современной РФ) проецировало («вниз» или «назад») на народ *нормативную* модель на основе своих представлений о том, каким оно хотело видеть образцовое устройство. Это и есть *общество* (социум).

Общество есть продукт проекции государством на народ нормативного социального императива. Общество всегда отчасти народно (спонтанно, органично — и в этом постоянно), отчасти *государственно* (искусственно, механистично — и в этом переменчиво). На каждом историческом этапе социогенеза мы имеем дело с *разным обществом*. Это является основанием для отнесения общества к переменным.

Переменные представляют собой крону, меняющуюся от сезона к сезону, тогда как постоянные можно уподобить вечно растущим корням.

Версии государства

Мы перечислили версии этнических картин. Другая переменная — государство — менялась по следующей цепочке исторических трансформаций: *Киевская Русь* (приход аллогенной княжеской элиты — интеграция восточно-славянских и финно-угорских племен — принятие христианства, централизация) — *удельная Русь* (дезинтеграция на княжества, децентрализация) — вхождение в Орду (татарская элита — продолжение раздробленности — постепенный подъем Москвы) — *Литовская Русь* (русско-литовская, позже польско-литовская элита, позже ситуация католического гнета с частичной утратой православной и русской идентичности) — *Московская Русь* (русская монархически религиозная элита — Святая Русь, Третий Рим — пик исторического самосознания) — *реформы Петра* (германская элита — светская Российская Империя — империализм — колонизация) — *СССР* (преимущественно инородческая, часто еврейская, большевистская элита — советская идея — экспорт коммунизма в планетарном масштабе) — *Российская Федерация* (невнятная постсоветская элита — утрата мирового и регионального влияния — либеральная демократия).

Все эти государства, к которым можно добавить серию ранних городов-государств и зоны казацких «республик», имеют между собой мало общего, если сравнивать их друг с другом формально. Преемственность и историчность их обеспечивалась за счет констант, лежащих в *иной* области — за счет этнического ядра, народа и цивилизационных признаков.

Поместим эти данные в общую таблицу.

Структура русского социогенеза

Периоды русской истории	Государство	Элиты	Преобладающая группа (массы)	Идеология (религия)	Политика	Доминирующий в государстве этнос
Киевский период	Киевская Русь	Великокняжеская дружина, земское боярство, вече	Свободные землепашцы	Язычество, христианство, двоеверие	Централизация	Поляне и их соседи
Удельная Русь	Восточнославянские княжества и городогосударства	Княжеские дружины, вече	Свободные землепашцы	Христианство, двоеверие	Раздробленность	—
Монголо-татарский период	Золотая Орда (Улус Джучи)	Монголо-татарская знать, русские князья	Свободные землепашцы	Ордынский порядок, православная идентичность	Подчинение монголам, усвоение имперских навыков	—
Литовская Русь	Литовское, позже Польско-Литовское княжество	Литовско-русская, польско-литовская знать	Угнетенное крестьянство, казачество	Православная идентичность при католическом гнете	Сопроотивление угнетателям, впитывание европейско-католических начал	Поляки, литовцы
Московская Русь	Московское царство	Русский царь, боярство	Черносошвенные (государственные) крестьяне, начало закрепощения	Москва — Третий Рим, Русское Православие, универсальная миссия русских	Построение Всемирного Православного Царства	Великороссы
Петровская Российская Империя	Российская Империя	Русский царь, дворянство, рост иностранной знати	Крепостные крестьяне	Секуляризация, вестернизация, модернизация	Светский империализм европейского образца	Великороссы
Романовская Империя XIX века	Российская Империя	Царь, дворянство	Крепостные крестьяне	Православие, самодержавие, народность	Расширение влияния России и поиск идентичности, модернизация	Великороссы, малороссы, белорусы (россы)
Советский период	СССР	Большевики	Трудовой советский народ	Коммунизм, марксизм, атеизм	Построение социализма, коммунизма, мировая революция	Великороссы, малороссы, белорусы (рост тюркского фактора)
Современный период	Российская Федерация	Чиновники, олигархи	Люмпены	—	Сохранение статус-кво	Великороссы

Версии общества

Другая переменная — общество — менялось по следующей исторической цепочке: Свободные славянские *общины* — *закрепощаемые* княжеской властью свободные славянские *общины*, с постепенно возрастающим осознанием народного единства — *закрепощаемые* славянские *общины*, в процессе *христианизации* и воцерковления все более сознательные в отношении народной и религиозной *миссии* — перенимающие некоторые *ордынские* социальные институты (организация общества как войска) *закрепощаемые* славянские *общины*, сплоченные православием и ностальгией по потерянной государственной независимости (суверенитету) — *тотальное* общество с преобладанием *крестьян с ориентацией на тягловый идеал всеобщего* спасения через религию и государство с яркими *мессианскими* чертами — жестко *сословное* общество *светского* образца, лишенное религиозной миссии, с четким выделением социального типа *элиты* и социального типа *массы* окончательно *закрепощенных* (несвободных) *крестьян* (вплоть до различия языка, обычаев, формы одежды и т.д.) — *советское общество*, основанное на идеалах равенства, интернационализма, коммунистического мессианства, тоталитарное и мобилизованное — *либерально-демократическое общество*, индивидуализированное, расслабленное, вестернизированное, лишенное цели и смысла, ориентированное на личную карьеру, комфорт и материальное благополучие.

Политэкономические формы нерелевантны

Политэкономические формы соответствовали каждому из изданий общества и являлись эпифеноменом социальной структуры. Государство есть средоточие политики. Оно же влияет в огромной степени на регламентацию экономических процессов. Но часть политической воли сосредоточена в обществе, которое и является главным экономическим актором. Поэтому экономические периоды русской истории являются функциями от государственных и социальных периодов, а не чем-то самостоятельным. Марксистский детерминизм смены формаций к русской истории абсолютно неприменим, а продолжать по инерции привлекать его для исторического анализа совершенно иррелевантно и анахронично (ненаучно).

Необходимо поставить во главу угла и сделать приоритетным социологический подход к истории. Только он позволит корректно описать социогенетический процесс России.

Русская ось

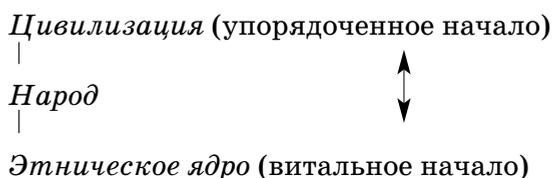
Обратимся снова к нашей первой формуле четырех логических шагов российского социогенеза. Теперь, определив, что мы понимаем

под константами, а что под переменными, мы можем описать ее следующим образом.

Три константы образуют иерархическую структуру, которая имеет перманентный, архетипический характер; она — относительно — атемпоральна.

*Этническое ядро русских —
русский народ — русская цивилизация*

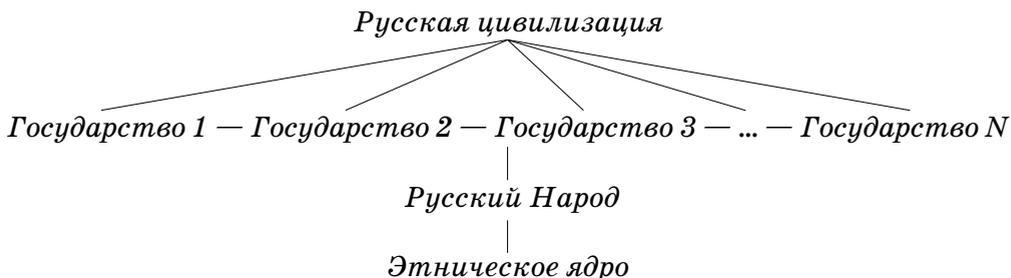
Можно представить ее как вертикаль, где внизу располагается *витальный*, жизненный полюс, а вверху — *рациональный* и концептуальный.

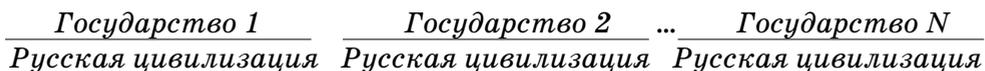
Эту схему можно назвать «русской осью». Вдоль этой оси циркулируют энергии жизни и культуры, средоточением которых является народ.

Цивилизация и государство

Но народ не порождает цивилизацию напрямую (по меньшей мере, в нашей истории). Он создает прежде государственность или серию государственных форм, государств. Цивилизация является для всех этих государств — *общим знаменателем*. Все они составные части этой цивилизации, несут на себе ее отпечаток. Это можно отразить на следующей схеме:

И на другой —

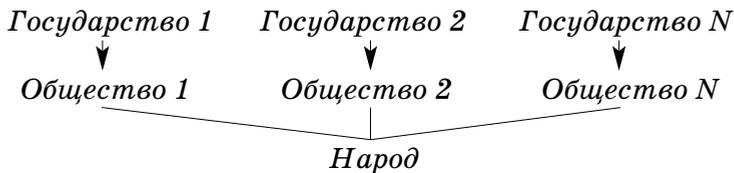
На этих схемах везде под «государством» следует понимать либо то или иное государство, созданное русским народом, либо иное государство, в котором он волею судьбы оказался (например, «Золотая Орда» или Польско-Литовское королевство).

Государство концептуально формализует общество. Поэтому можно говорить, что каждому государству, которое существует в русской истории, соответствует одна и та же цивилизация, проступающая сквозь него *по-разному*. Иногда это происходит *прямо* (как в Московской Руси, особенно в период правления Ивана IV), иногда *косвенно* (как в XIX веке или в СССР). В некоторых случаях государство может быть в *прямой оппозиции* этой цивилизации (как, например, в Смутное время или в эпоху Елизаветы и Анны Иоанновны в XVIII веке). В любом случае *русское государство всегда так или иначе коррелировалось с русской цивилизацией*, открывало тот или иной ее аспект.

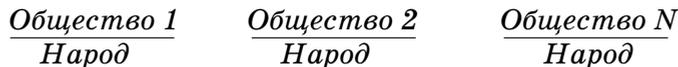
Дробь общество/народ

С типами общества мы имеем следующую картину. На сей раз общим знаменателем является *народ*. Он остается константой независимо от того, какой тип общества утверждается как нормативный в условиях того или иного государственно-политического режима.

Это можно схематически представить так:

Или иначе —

Эти схемы чрезвычайно важны для построения корректных моделей российского социогенеза. В частности, на второй схеме наглядно видно, что любой исторический социум России — как древний, так и настоящий (а с определенной долей вероятности, и будущий) — может быть рассмотрен на двух уровнях: со стороны числителя и со стороны знаменателя условной «дроби» *общество/народ*. Со стороны числителя мы будем иметь дело с более *рациональной* и логически оформленной структурой, сопряженной с государством, правящей идеологией, правовой и административной системой, хозяйственным укладом и т.д., а со стороны знаменателя — с живой, спонтанной и волевой одно-

временно инстанцией, упорно направляющей социальную жизнь к реализации изначальной миссии и *перетолковывающей* эту миссию сквозь формальные социальные установки (подчас вопреки им).

Особенно наглядно это видно в сравнении православно-монархической модели Российской империи XIX века с Советской Россией. Полярно противоположные общества (сословное и бесклассовое), существующие в рамках радикально различных типов государства, оживляются *общей мечтой* — в одном случае, оформленной в терминах православной эсхатологии и славянофильской философии, в другом — в терминах марксистской коммунистической утопии. *Оба общества фундаментально различны в числителе и тождественны в знаменателе.*

Социогенез и анализ актуального российского общества

Описанная нами в самых общих чертах модель социогенеза российского общества имеет большое значение для исторического анализа основных силовых линий развития России и русского народа. Еще более оперативна она для корректного описания и понимания процессов, протекающих в настоящем.

На данном историческом этапе на наших глазах происходит становление и закрепление *нового* (для русской истории) *типа государства* (Российская Федерация) — либерально-демократического, современного западного образца — и попытки искусственного конструирования, со стороны этого государства, *нового типа общества* — гражданского, либерального, индивидуалистического, гедонистического, эгоистического и потребительского, соответствующего западным социальным стандартам.

Народ с его этническими составляющими государство стремится превратить в *буржуазную нацию*, то есть в *однородную массу*, объединенную гражданством, системой права и соучастием в общем политэкономическом процессе.

Такой тип государственности и социальности входит в противоречие с константами русской истории — с народом, его русским ядром, с русской цивилизацией, основанной на несовместимой, *контрарной* ценностной системе. На предыдущих этапах истории такие попытки навязать народу тип общества, полностью противоположный его структуре, предпринимались только в периоды Смутного времени или «бироновщины» и заканчивались либо постепенным *возвратом* к константам, либо *коллапсом* государственности и началом нового цикла.

Однако длительность провальных экспериментов правящих государственных элит над народом заведомо определить невозможно. Смутное время длилось 15 лет (1598–1613), постпетровское правление

не обрусевших европейцев — около 40 лет (от Елизаветы до второй половины царствования Екатерины Великой), Февральская революция продержалась полгода. Российская Федерация подходит ко второму десятку.

Противоречия между константами и переменными в сегодняшней России

Несовместимость формально декларируемого российской элитой курса на вестернизацию, либерализацию и модернизацию российского общества с набором констант можно описать несколько шире. Естественно, это противоречие затрагивает только переменные (это явствует из самого определения констант и переменных).

Современное российское государство и его конституция строго калькируют западные образцы с точки зрения институтов власти, права, политической системы, экономического уклада. Переменная государства ориентируется на матрицу *иной* цивилизации, не русской и не евразийской, но, напротив, *западной и атлантической*. Конечно, эта калька не абсолютна, и коды русской цивилизации продолжают свою работу. Но приходится при этом перетолковывать совершенно чуждый и внешний язык политической демократии и экономического либерализма на привычные интуитивные формы. Ярче всего это видно в отношении фигуры Владимира Путина. Сам себя он мыслит, по его словам, как «менеджер», а с цивилизационной точки зрения он — «царь» и полновластный легитимный правитель.

Другая переменная — этнические меньшинства. В 1990-е годы, в период распада СССР и формирования Российской Федерации, мы были свидетелями того, как целая серия этносов бросилась врассыпную от России и поспешила создать свои собственные государства. Меньшинства попытались повторить это и в пределах России, что вылилось в парад внутрироссийских суверенитетов национальных республик (Татарстан, Башкортостан, Коми, Саха) и в кровавый конфликт в Чечне, который удалось погасить ценой огромных жертв.

В эпоху ослабления народа этносы-попутчики предпочли максимально дистанцироваться от него (доказав тем самым *переменный* характер своего соучастия в общей истории).

И, наконец, третья переменная — современное российское общество — кроится по западным образцам общества гражданского, абстрактного и никак не связанного (по меньшей мере, в теории) с народными корнями и этнокультурными закономерностями.

Получается, что существующий политический режим и набор переменных, с ним связанных (государство, этническая мозаика и гражданское общество), находятся в *прямой оппозиции историческим константам*, которые (если их принять во внимание) продиктовали

совершенно *иные* — жестко альтернативные — модели и для государства, и для этнической структуры, и для социального устройства.

Данный анализ вскрывает глубинное противоречие современной России на уровне социальных структур. Это противоречие давно привело бы к непоправимой катастрофе, если бы оно не уравнивалось *непрерывной работой констант*, смягчающей разрушительные процессы на уровне переменных. Особенно это стало заметно при Путине, который разрядил ситуацию между либеральным западничеством элит и консервативными ожиданиями масс, частично и де-факто (но не де-юре) пойдя на встречу этим ожиданиям, после антинародного, антиевразийского и антирусского периода правления Ельцина. Это дало всей социальной системе дополнительную устойчивость. Но при этом ни в коей мере *не сняло фундаментальных противоречий*.

Нынешний период, таким образом, есть *законсервированный* (отложенный, отсроченный) кризис, но далеко еще не обращение к консерватизму (константам), как к пути выхода из него. В эпоху президентства Медведева эти противоречия снова стали постепенно нарастать. Попытки осуществить новую волну либерализации, модернизации и вестернизации закономерно ведут к новому обострению.

«Партия констант» и «партия переменных»

Можно сказать, что в современном российском обществе есть две гипотетические неформальные «партии» — *«партия констант»* и *«партия переменных»*.

«Партия переменных» стоит на стороне либерально-демократической государственности, гражданского общества и проведения такой этнической политики, в которой значение великорусского этнического ядра было бы занижено, а стремлениям этнических меньшинств к самоопределению был бы дан зеленый свет. Альтернативным сценарием той же самой «партии», ведущий, пусть другим путем, но к той же цели, является создание *«российской нации»* (которой никогда исторически не существовало и попытки создания которой привели бы к полной нивелировке этносов — и великоросского, и всех этнических меньшинств). Эта «партия» сегодня преобладает в политической элите.

«Партия констант» в элите представлена слабо и эпизодически, но имеет своей опорой *широкие слои населения*. Здесь мы сталкиваемся с интуитивным ощущением того, что Россия — это самостоятельная цивилизация («русская» или «евразийская» — так уверенно в последние 10 лет без колебаний отвечает более 70% россиян на сформулированный именно таким образом вопрос ВЦИОМа); что народ имеет историческую миссию, которую ему надлежит исполнить; и что этот народ в своем ядре опирается на великоросский этнос, сформировавший осевую идентичность — язык, культуру, психологический и духовный

тип, но открытый тем этносам, которые готовы и желают связать с ним его судьбу и стать частью единого народа.

Путинская модель политического управления базируется на компромиссе между двумя «партиями», каждая видит в Путине своего представителя. С Дмитрием Медведевым ситуация несколько изменилась, так как его «имидж» более соответствует классическому представителю «партии переменных».

Прогноз будущего социальной системы России

Кратко сформулируем прогноз. Теоретически можно рассмотреть три варианта дальнейшего функционирования России как системы.

Первый случай описывает ситуацию, когда *верх возьмет «партия переменных»*. Это означает, что тенденции либеральной демократии, модернизации гражданского общества, вестернизации, экономического либерализма и этносепаратизма возобладают над сдерживающими силами русских констант. В такой ситуации нас ждет *крах российской государственности*.

Отдаляясь от констант, власть будет расшатывать почву у себя под ногами, а элиты снова, как в 1990-е, вступят в фазу нагнетания конфликта с массами. Одно это в условиях экономического кризиса и нерешенности множества социальных задач, а также при учете полиэтнической системы Российской Федерации может стать путем к политическому коллапсу и распаду страны. В 90-е годы XX века с СССР произошла точно такая же трагедия, при том, что система была более консолидирована и больше отвечала константам, чем заимствованная с Запада либерально-демократическая модель.

Сюда же следует добавить два дополнительных фактора: *давление со стороны США*, которые по стратегическим соображениям кровно заинтересованы в ослаблении России, а значит, будут затрачивать серьезные усилия на ее дальнейшую дестабилизацию, и *сам процесс глобализации*, который ведет к планетарному распространению западной модели общества и демонтажу национальных государств. Двигаясь по пути модернизации, Россия движется *прямо к собственной самоликвидации* (точно так же, как «ускорение» Горбачева только ускорило конец СССР). Самым «модернистским» («современным») является отказ от государственности как таковой и интеграция в «единое человечество» под управлением «мирового правительства».

Второй вариант состоит в том, что политическая система остается прежней, но постепенно меняет смысл, насыщаясь все более и более элементами русской цивилизации. Можно назвать этот случай *«обрушением» режима*. Пока (по крайней мере, в период президентства Путина) события разворачивались именно по этому сценарию, что обеспечивало системе определенную (хотя и относительную) устойчивость.

Данная версия сводится к замораживанию всех процессов в обществе, которое консервируется как оно есть — в полубольном-полуздоровом состоянии.

И, наконец, третий вариант, довольно маловероятный на сегодняшний день, теоретически состоит в победе «партии констант» и построении совершенно *иной* государственности, укорененной в евразийской цивилизации, с опорой на русский народ и те этносы, которые солидарны с его судьбой и с новой формулировкой исторической миссии для XXI века. Этот сценарий не гарантировал бы нам легкой жизни, но зато поставил бы наших современников на один уровень с предками, которые в течение долгих веков шли к *великой цели*. И шли не для того, чтобы их потомки отказались от ее достижения в самый последний момент.

Сергей КОРТУНОВ

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЕВРОБЕЗОПАСНОСТИ¹

Полтора года назад Россия выступила с инициативой о заключении нового, всеобъемлющего договора о европейской безопасности, который, как разъяснил президент РФ Д.Медведев, призвана «объединить всю Евро-Атлантику на основе единых правил игры», вести к формированию единого пространства безопасности на континенте без разделительных линий.

Напомним, как развивались события. 5 июня 2008 года на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии (Берлин) президент Российской Федерации впервые сформулировал эту инициативу — инициативу о создании новой архитектуры европейской безопасности. Тогда она не была конкретизирована и в известной степени по этой причине в западном сообществе была воспринята достаточно сдержанно и даже холодно.

Конкретизация российской инициативы состоялась осенью в Эвиане на Конференции по мировой политике (8 октября 2008 года), когда Д.Медведев сформулировал некоторые ключевые элементы предстоящих переговоров о новой архитектуре европейской безопасности. В июне 2009 года элементы ДЕБ были сформулированы уже на юридическом языке и распространены Представительством РФ при ОБСЕ в качестве вклада в работу ежегодной Конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности (Вена, 23–24 июня 2009 года).

Логика Д.Медведева

В чем состоит логика предложений Д.Медведева?

За последние двадцать лет мир кардинально изменился, что не могло не повлиять на систему европейской безопасности, поставив в международную повестку дня вопрос о ее трансформации. Это обусло-

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта № 09-01-0010 «Россия в мировой политике после кризиса», выполненного при поддержке программы «Научный Фонд Государственного университета — Высшая школа экономики».

влено сочетанием новых вызовов и угроз, процессами глобализации, кризисом глобального управления и существующих механизмов обеспечения безопасности.

Отметившая 60-летний юбилей в апреле 2009 года НАТО и активно развивающий Европейскую политику безопасности и обороны (ЕПБО) ЕС, который к началу 2009 года завершил уже десять миссий кризисного реагирования, позиционируют себя как ключевых игроков в системе не только европейской, но и евроатлантической безопасности. С такой позицией не согласна Россия. Ведь она не только не способствует глубокому пониманию причин текущего кризиса системы евробезопасности, но и выработке дальнейших направлений ее трансформации с прицелом на формирование евроатлантической системы, разумеется, с участием России.

Если сравнить ситуацию начала 90-х годов XX века и ситуацию конца «нулевых» XXI века, то можно легко увидеть, что по всем параметрам европейская безопасность распалась. Это касается и размывания режима контроля над вооружением, и деградации ОБСЕ, и нераспространения ядерного оружия, и роста количества несостоявшихся государств. Это касается и общего падения управляемости мировой политики и мировой экономики, что подтвердил мировой экономический кризис 2008–2009 годов.

Двадцать лет назад, после завершения «холодной войны», казалось бы, были созданы все условия для формирования нового, более справедливого мирового порядка. В начале 90-х годов XX века Россия вышла из Советского Союза, встала на путь демократического развития, начала либеральные экономические реформы. Во внешней политике она провозгласила партнерство с Западом, в качестве главного внешнеполитического вектора была обозначена интеграция в мировое сообщество.

Помнится, в те годы кто-то из российских руководителей даже публично заявлял, что у России нет национальных интересов, отличных от интересов Запада. Как бы то ни было, но тогда был положен конец идеологическому противостоянию между Востоком и Западом, была принята Парижская хартия для новой Европы, которая провозглашала формирование европейского пространства безопасности без разделительных линий. Никакого соперничества на постсоветском пространстве между ЕС и Россией тогда не наблюдалось. НАТО была провозглашена в качестве партнерской организации всех новых независимых государств. Действовали Договор об обычных вооруженных силах в Европе, Договор о ракетах средней и меньшей дальности, Договор по ПРО, Договор СНВ-I.

В начале 90-х годов Россия и Соединенные Штаты начали деликатные консультации по вопросам Глобальной системы защиты, т.е. о будущей совместной архитектуре противоракетной обороны. ОБСЕ всеми воспринималась как универсальная организация, вокруг которой и должна формироваться архитектура европейской безопасности. Чуть позже было заключено Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (СПС). В то время США являлись признанным лидером мирового сообщества: с этим не спорила даже ослабленная и на некоторое время потерявшая внешнеполитические ориентиры Россия. В Европе действовал «тандем» Франция — Германия, который был основным

мотором евроинтеграции. Региональные конфликты, конечно, имели место, но создавалось впечатление, что они вполне управляемы и контролируемы.

Теперь — ситуация конца «нулевых». В России проведены либеральные реформы, но в области политической демократии, как нам говорят наши европейские партнеры, наметилось попятное движение. В России была создана модель так называемой управляемой демократии, которая означает выстраивание декоративных демократических институтов при произволе властей. Во внешней политике партнерство с Западом поставлено под вопрос. Россия подчеркивает, что ее национальные интересы могут серьезно отличаться и не совпадать с интересами западных стран. Вместо идеологического противостояния возобновляется противостояние геополитическое, в том числе на постсоветском пространстве между Россией и ЕС. Парижская хартия для новой Европы выброшена в мусорное ведро. В Европе обозначаются четкие разделительные линии.

В этих условиях, не в последнюю очередь после трех волн² расширения Североатлантического альянса, партнерство между Россией и НАТО тоже поставлено под вопрос. Получается, что мы снова живем в биполярном мире — Россия и все остальные. ОБСЕ, вопреки своему мандату, превращается, по существу, в антироссийскую организацию. В декабре 2007 года истекает срок Соглашения о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, а перспективы заключения нового договора становятся весьма туманными. Соединенные Штаты, как мировой полицейский, проваливаются в Афганистане и полностью провалились в Ираке. Франко-германский тандем уже не работает. Договор по ПРО разрушен США. Договор об обычных вооруженных силах в Европе, который в целом обеспечивал предсказуемость военно-политической ситуации, достаточное стратегическое предупреждение и, по существу, устранил опасность внезапного нападения, не действует.

Происходит упадок всего режима контроля над вооружениями, с таким трудом созданного в годы «холодной войны».

Какой из этого следует вывод? Положение дел в области европейской безопасности за последние двадцать лет ухудшилось. Европейская безопасность превратилась в своего рода «лоскутное одеяло». Анализ этой ситуации, как представляется, и привел Д.Медведева к пониманию того, что нужно что-то менять. Либо создавать новую архитектуру европейской безопасности, либо совершенствовать ту, которая есть.

Второе соображение, которое, на наш взгляд, лежит в основе предложений президента РФ, связано с кризисом американского лидерства. Можно уверенно констатировать: попытка установить американский мировой порядок — во всяком случае, на данном этапе — потерпела крушение. Такой порядок не имеет перспектив в качестве безальтернативной тенденции мирового развития. Дальнейшие попытки его

² Первая волна — вступление в НАТО Польши, Венгрии и Чехии в 1998 году; вторая — Литвы, Латвии, Эстонии, Словакии, Словении, Румынии и Болгарии в 2001 году; третья — Хорватии и Албании в 2009 году, возвращение Франции в военную организацию НАТО в 2009 году.

навязывания миру встретят еще большее сопротивление со стороны других субъектов международных отношений.

Третье соображение президента РФ, как представляется, связано с тревогой по поводу судьбы международного права.

Мировой порядок, основанный на международном праве, практически был разрушен еще в 1999 году агрессивным нападением НАТО на Югославию. Поэтому действия международных террористов против самих США 11 сентября 2001 года, строго говоря, произошли уже в ситуации рухнувшего мирового порядка, когда нарушать, с точки зрения права, уже было нечего. Иными словами, террористы действовали на основе реального прецедента 1999 года, в целом принятого и одобренного мировым «цивилизованным» сообществом. В свою очередь, и военные действия США в Ираке и в Афганистане происходят в условиях, когда мировой порядок, основанный на международном праве, уже давно не действует.

В результате сегодня весь мир лишней раз убедился в том, что человечество вступило в новый век, в котором, как и раньше, главенствующими являются не принципы разума и гуманизма, и даже не нормы международного права, а фактор силы, который делает мир еще более хрупким и незащищенным. Инициатива Д.Медведева своевременна поэтому и в том отношении, что речь в ней идет о подтверждении соблюдения ранее принятых обязательств, в том числе касающихся норм международного права.

Итак, мир изменился, он стал менее безопасен, появились новые вызовы и угрозы, против которых прежние механизмы не работают, в худшую сторону изменилась обстановка в Европе.

Это первая группа аргументов, которые, как представляется, лежат в основе инициативы Д.Медведева о новой архитектуре европейской безопасности.

Вторая группа аргументов связана с тем, что они отражают неудовлетворенность России своим местом и ролью в формирующемся мировом порядке, в том числе в Европе. Россия сегодня представляет собой существенно другой международный субъект по сравнению с тем, каким она была двадцать лет тому назад. В начале 1990-х годов Россия была в глубоком экономическом кризисе и цивилизационном шоке после распада СССР. В Европе Россия воспринималась тогда чем-то вроде этакой «большой Польши», к которой вполне можно было применить те же критерии и стандарты, что и по отношению к странам Центральной и Восточной Европы. Со своей стороны, Россия воспринимала Европу в качестве успешной интеграционной структуры, в которую она была готова влиться даже на правах «смирного ученика».

Сейчас ситуация стала принципиально иной. Евросоюз, как полагают многие в России, находится в состоянии глубокого кризиса, связанного с его расширением и неспособностью быстро «переварить» новые страны-члены. А провал Евроконституции высветил к тому же кризис

его идентичности. Россия же, напротив, вышла (или уверенно выходит) из кризиса, с каждым годом все прочнее ощущая себя самостоятельным и самостоятельным центром силы.

Реальный политический и экономический вес России за последние двадцать лет серьезно вырос, и Россия ставит вопрос о том, что ее потенциал для решения ключевых вопросов европейской безопасности не соответствует той роли и месту, которое она сейчас занимает. Это вполне логичная и обоснованная постановка вопроса: Россия уже не пассажир в корабле общеевропейской безопасности, а полноправный участник и должна получить то место, которое соответствует ее экономическому и политическому потенциалу.

Ключевым регионом мира, определяющим глобальную безопасность, остается Евразия. Принципиально важное положение состоит в том, что Россия как евразийская страна не может быть каким-то второстепенным партнером, если от нее ждут действенного участия в борьбе с новыми вызовами и угрозами, включая транснациональный терроризм на этом важнейшем пространстве.

С другой стороны, Россия сегодня, как представляется, в большей мере, чем двадцать лет назад, осознает европейское измерение своей национальной идентичности. Для российского общества абсолютно очевидно, что Россия является частью Европы. Конечно, в геополитическом плане Россия — евразийская страна, но в культурном отношении, да и в политическом — это, безусловно, страна европейская. Европейская идентичность России в политическом и культурном измерении сомнению не подлежит. И в Европе с этим мало кто спорит — разве только Польша и страны Балтии.

Кроме того, российское руководство год назад наконец сформулировало долгосрочную Стратегию развития России на период до 2020 года. Эта стратегия была подтверждена Стратегией национальной безопасности, которую президент РФ утвердил 12 мая этого года. И главный пафос этой Стратегии состоит в том, что Россия должна преодолеть сырьевую ориентацию своей экономики и перейти на инновационный тип развития. Если такая стратегия действительно является просчитанной, обоснованной и серьезной, а в этом у нас сомнений нет, то совершенно очевидны наши приоритеты во внешней политике. Главный внешнеполитический замысел «Стратегии–2020» состоит в том, чтобы Россия стала частью технологического и инновационного пространства Большой Европы.

Третья группа аргументов. Изменились отношения между Россией и западным трансатлантическим сообществом, что дает основания достаточно реалистично оценивать постепенное формирование новой архитектуры европейской безопасности. Эти отношения прошли серьезное испытание в 2004–2008 годах. События этих лет показали, что, несмотря на временное охлаждение отношений, угрозы возврата к «холодной войне»

сегодня нет. И хотя риторика «холодной войны» использовалась с обеих сторон, желания возвращаться к ней ни у кого сейчас нет, да и ресурсов — ни у России, ни у Запада — чтобы вернуться к биполярному противостоянию, тоже нет. Нет такого желания ни у политического руководства России, ни у политического руководства западных стран, ни у наших народов. А к конфронтационной риторике следует относиться спокойно, во многом она ориентирована на внутреннего потребителя.

Изменилось и отношение России к НАТО. Ни в одном официальном документе — ни в концепции внешней политики 2008 года, ни в Стратегии национальной безопасности 2009 года — не найти слов, что «НАТО является военной угрозой для России». Более того, даже российские военные прекрасно понимают, что вероятность военного конфликта России с НАТО равна нулю. Другой вопрос, что если на наших границах находится самая мощная в истории человечества военная организация, военный блок, то лица, которые отвечают за безопасность и оборону страны, в частности, в Министерстве обороны, в Министерстве иностранных дел, в других ведомствах, должны этот фактор учитывать. Они просто честно выполняют свою работу.

Россия, на наш взгляд, стала понимать и то, что расширение НАТО — это не столько угроза, сколько цивилизационный вызов для России, поскольку оно приводит к тому, что создаются разделительные линии между Россией и Европой. Процесс расширения НАТО создает у российской элиты впечатление, что Россию выталкивают из евроатлантического сообщества, из Большой Европы, частью которой Россия себя считает. Однако логика расширения НАТО сегодня, похоже, уперлась в тупик, о чем совсем недавно написал З.Бжезинский: «Дабы сохранить свою историческую релевантность, НАТО не может до бесконечности расширяться в мировых масштабах... Усилия, направленные на создание такого альянса, способны, кроме того, уничтожить трансатлантическую идентичность НАТО»³.

Важные позитивные сдвиги наметились, как представляется, и в сознании лидеров трансатлантического сообщества. Администрация Б.Обамы продемонстрировала свою решимость учитывать интересы России, вести с ней конструктивный диалог по проблемам международной безопасности. США притормозили планы приема в НАТО Украины и Грузии, возобновили переговоры с Россией о ядерном разоружении, объявили об отказе от развертывания третьего позиционного района ПРО в Европе. И хотя все эти решения были весьма прагматичными, они, разумеется, учитывали интересы безопасности и озабоченности Москвы. Что касается западноевропейцев, то они сегодня начинают играть более активную роль в решении вопросов безопасности, понимая, что, во-первых, эти вопросы нельзя отдавать на откуп «старшему парт-

³ Бжезинский З. Повестка дня для НАТО // Россия в глобальной политике. №4, 2009.

неру» в условиях кризиса американского лидерства, а, во-вторых, что все вопросы безопасности, затрагивающие интересы Европы, США и России, так или иначе, взаимосвязаны. Например, процесс противодействия распространению ядерного оружия, которым в равной степени озабочены и США, и Западная Европа, и Россия (и в частности, успех предстоящей в 2010 г. Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия), непосредственно связан, в том числе, и с тем, как решаются проблемы сокращения стратегических наступательных вооружений между Соединенными Штатами и Россией.

Наконец, говоря о перспективах будущих переговоров о новой архитектуре европейской безопасности, следует упомянуть еще один немаловажный фактор, создающий предпосылки для их успеха. Это мировой экономический кризис, объективно способствующий формированию платформы общих интересов стран евроатлантического региона и кооперационных моделей решения ключевых проблем мировой политики.

Что не устраивает наших партнеров?

Инициатива Д.Медведева, конечно, имеет пока некоторые недостатки и неясности. И это вполне закономерно, поскольку обсуждение столь масштабного и многопрофильного вопроса только начинается. К сожалению, эта инициатива не была конкретизирована с самого начала, и поэтому была воспринята нашими партнерами, как очередная попытка упразднить НАТО. Только потом, спустя полгода, Д.Медведев разъяснил, что Россия не ставит вопрос о роспуске уже имеющихся и действующих организаций в области европейской безопасности.

Кроме того, западные и отечественные эксперты отмечают, что в этой инициативе, по существу, нет ничего нового, в том числе и в тех элементах будущей новой архитектуры европейской безопасности, которые были переданы нашим партнерам. Речь идет, собственно говоря, о подтверждении ранее принятых обязательств, включая и те, которые были приняты в Парижской хартии для новой Европы. Там все эти элементы есть. Другое дело, что Хартия была забыта. Но сегодня еще раз подтвердить эти обязательства, которые составляют корпус международного права (все эти элементы есть и в Уставе ООН), было бы бесполезно.

В предложениях Д.Медведева пока не прописан механизм реализации. Но это тоже понятно. Этот механизм должен быть выработан в ходе переговоров, если и когда они начнутся.

Неясен и переговорный формат, хотя президент РФ предложил провести общеевропейский саммит, на котором можно было бы дать старт процессу разработки нового договора, подчеркнув, что все государства Европы должны участвовать в нем в своем национальном качестве, оставив блоковые и иные групповые соображения за дверью.

Очевидно и понятно желание наших партнеров использовать для обсуждения инициативы Д.Медведева формат ОБСЕ. Но данный переговорный формат уже сам по себе очень сложный. И если мы в него добавим других акторов, а именно НАТО, ЕС, ОДКБ, то переговоры могут стать практически невозможными. Во всяком случае, невозможным будет быстрый выход на конкретные договоренности. Кстати, ни ОДКБ, ни НАТО пока еще не уполномочили своих переговорщиков вести переговоры от их лица, т.е. это не те юридические субъекты, которые могут вести переговоры.

Большинство отечественных и зарубежных экспертов сегодня полагают, что шансов на заключение полномасштабного, юридически обязывающего договора о новой архитектуре европейской безопасности в рамках ОБСЕ сейчас немного. В настоящее время условий для заключения договора и в других форматах практически нет⁴. Даже если такой договор будет заключен, возникнут огромные проблемы с его ратификацией, и на это может уйти не один год. Тем более, если в переговорах будут участвовать все вышеупомянутые организации, а такие новые страны-члены НАТО и ЕС, как Польша, Чехия, Эстония, Латвия и Литва, для которых выстраивание политического кордона между РФ и Западом является своего рода бизнесом, сделают все для того, чтобы не допустить создания системы коллективной безопасности с участием России.

Важность и ценность этой инициативы состоит, однако, в том, что она впервые за последние двадцать лет формирует для Европы позитивную, а не негативную повестку дня. И если удастся запустить такие переговоры, это будет большой удачей для всех. Поэтому, на наш взгляд, здесь важен сам процесс. Так, переговоры могут привести к заключению важных секторальных соглашений в области безопасности, что будет выгодно всей Европе. Если переговоры будут идти 10, 15 или 20 лет, ничего страшного здесь тоже нет. Ведь наличие переговоров гораздо лучше, чем их отсутствие. Один из печальных итогов последних 10–15 лет состоит в том, что переговорный процесс по вопросам безопасности был остановлен и, по существу, разрушен. И не по нашей вине. Администрация Дж.Буша бежала от переговоров по вопросам безопасности, как от чумы. И это нанесло большой ущерб интересам всех.

Инициатива Д. Медведева хороша тем, что предлагает возобновить переговоры по ключевым вопросам евроатлантической безопасности. Самое главное, что в этом случае будет создана новая площадка, на которой будут обсуждаться реальные вопросы европейской безопасности.

Варианты развития событий

В складывающейся ситуации в евроатлантическом регионе развитие событий может пойти по трем сценариям.

⁴ См., например: *Караганов С.* Взгляд с Востока // Российская газета. 11.09.09.

Первый сценарий — переговоры не начинаются или блокируются разного рода политическими «увязками», и все остается, как есть. Это наихудший сценарий, поскольку в этом случае происходит дальнейшая деградация режима контроля над вооружениями, распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, диффузия военной силы в виде, в том числе, и бесконтрольной торговли оружием, попадания этого оружия в руки террористов и т.д.

Второй сценарий — переговоры начинаются, однако договор в ближайшее время не заключается, но мы выходим через этот формат на важные секторальные соглашения в области безопасности. При этом может быть заключена некая политическая декларация на манер Хельсинкской, что тоже хорошо, поскольку это будет некое «зонтичное соглашение», в рамках которого переговоры могут продолжаться и дальше. Это хороший сценарий.

И третий сценарий — переговоры начинаются, но реальная европейская безопасность и новая архитектура по-прежнему выстраиваются вокруг НАТО. Но с участием России. НАТО постепенно трансформируется из закрытого военного блока в миротворческую организацию коллективной безопасности, партнерство с Россией выстраивается через механизм Совета Россия — НАТО (СРН) и полную реализацию того потенциала, который заложен в Римской декларации 2002 года.

В этом случае необходима, с нашей точки зрения, серьезная трансформация Североатлантического альянса из закрытого блока в миротворческую организацию с участием России. Естественно, что и Россия в этом случае должна серьезно измениться, я имею в виду облик ее Вооруженных Сил, она должна провести соответствующую военную реформу для того, чтобы вписаться в эту новую архитектуру европейской безопасности.

Наиболее оптимальным вариантом было бы сочетание двух последних сценариев, когда параллельно с переговорами и выходом на секторальные договоренности в области европейской безопасности происходит трансформация Североатлантического альянса, и через механизм СРН, который сейчас, похоже, снова заработал, стороны выходят на новый уровень партнерства между НАТО и Россией.

В соответствии с Заявлением СРН от 28 мая 2002 года (Римская декларация), стороны договорились предпринимать усилия по сотрудничеству в широком диапазоне проблем международной безопасности. Здесь и борьба против терроризма, и кризисное регулирование, и нераспространение, и контроль над вооружениями, и меры укрепления доверия, и взаимодействие в области ПРО на ТВД, и поиск и спасание на море, и сотрудничество между военными и в сфере военных реформ, и чрезвычайное гражданское планирование и реагирование, и новые угрозы и вызовы. Если все предусмотренные Римской декларацией процедуры будут неукоснительно соблюдаться, то они создадут основу

для равноправного механизма взаимодействия России и НАТО в вопросах европейской безопасности.

Политика России в отношении альянса должна сейчас состоять в том, чтобы, используя имеющиеся возможности и наработки, развивать с ним сотрудничество в целях отстаивания национальных интересов, наращивания возможностей влияния на европейские и международные процессы, трансформации НАТО на выгодных нам условиях и создания предпосылок для вступления России в обновленную евроатлантическую организацию.

Конечно, трудно надеяться на то, что трансформация НАТО, устраивающая Россию, составит содержание готовящейся сегодня новой Стратегической концепции альянса⁵. Судя по сообщениям западных СМИ, ключевыми элементами концепции станут, наряду с неизменным принципом коллективной обороны и готовностью к силовым ответам на угрозы и вызовы XXI века, развернутый комплекс упреждающих мер (в том числе разведывательных и контрразведывательных), направленных на предотвращение возможного нападения на кого-либо из членов НАТО или нанесения им того или иного ущерба, включая превентивные удары. Важная роль при этом будет отведена Силам реагирования НАТО, как наиболее технически продвинутым силам повышенной готовности. Не исключено, что новая концепция будет официально предусматривать — в качестве крайнего средства — применение НАТО первым ядерного оружия.

Новая стратегия будет содержать дежурные положения о сотрудничестве с международными институтами и реверансы в отношении Устава ООН, однако одновременно (например, под предлогом конца Вестфальской системы и эрозии роли международного права в современном мире) она будет исходить и из возможности жесткого применения силы без санкции Совета Безопасности ООН там и тогда, когда НАТО сочтет это необходимым⁶.

Все эти потенциальные «новации» вряд ли можно назвать подлинной трансформацией НАТО в сторону европейской системы коллективной безопасности. Сомнительно, что они будут приветствоваться Россией и способствовать ее партнерским отношениям с альянсом.

Что нужно для того, чтобы дать старт реальному процессу трансформации НАТО? Для этого нужно, чтобы Европа отказалась от «натоцен-

⁵ Принятая в 1999 году Стратегическая концепция НАТО расширила географическую зону ответственности блока: теперь он может осуществлять военную деятельность — вопреки Вашингтонскому Договору 1949 года — вне пределов территорий стран-членов. Это дало «правовое основание» вторжению НАТО в 1999 году в Югославию. Иными словами, действующая Стратегическая концепция НАТО по существу превращает альянс из оборонительного союза, зоной ответственности которого была Европа (и то не вся), в наступательную военную организацию, действующую за пределами театра военных действий, обозначенного Вашингтонским договором.

⁶ См., например: «Политика», 2.04.09.

тризма» и совершила интеллектуальное усилие в смысле пересмотра своего, порой предвзятого, а порой настороженного отношения к России. При этом мы, конечно, не должны забывать, что важнейшим актором в европейской безопасности являются Соединенные Штаты Америки, и если с ними по поводу трансформации НАТО договориться не удастся, то новая архитектура, конечно, не состоится.

Но и Россия должна сделать некоторые встречные шаги, пересмотрев в ряде аспектов свое негативное отношение к НАТО. Сегодня требуется полная деидеологизация наших отношений с альянсом в контексте широкого и одновременно прагматичного видения международных процессов, протекающих в Европе и в мире в целом, а также в контексте правильного понимания наших национальных интересов.

Для успеха предстоящих переговоров недопустимо то, что на дипломатическом языке называется политическими увязками (*linkage*). А наши западные партнеры нередко пытаются их делать. Например, увязывать перспективу переговоров о новой архитектуре европейской безопасности с признанием Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Это означает дипломатический тупик в обсуждении инициативы президента РФ. Поскольку эта ситуация, очевидно, необратима: в России даже в кошмарном сне никто не может себе представить, что наше государство отзовет свое решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии.

Возникает и такой вопрос: следует ли выстраивать радикальную альтернативу существующей системе или же стремиться к тому, чтобы отремонтировать имеющуюся архитектуру? На этот вопрос ответа нет, он должен сложиться в ходе переговоров, паче чаяния они начнутся. Но нельзя в одночасье и «до основания» разрушать старое для того, чтобы создать новое. Надо строить новый дом, не разрушая старый, иначе мы останемся вообще без дома. Нужно сделать попытку не радикально изменить мир, а постараться его усовершенствовать. Как говорил Артур Шопенгауэр: «Тот, кто пришел в этот мир для того, чтобы его изменить, должен быть рад, что ему удалось унести ноги».

Слово за дипломатией

Складывающаяся международная обстановка, как представляется, дает нам определенные шансы для продвижения в позитивном направлении. Хотя дипломатическая борьба обещает быть чрезвычайно жесткой (в особенности с «новыми» европейцами), возможности для нее в настоящий момент созданы. Не следует забывать, что расширение НАТО — своего рода «игра», за которой стоят куда более глубокие процессы: объединение континентальной Европы, перегруппировка сил внутри самого Запада, формирование нового мирового порядка.

Эти процессы создают для России немалое поле для внешнеполитического маневра.

Наиболее дальновидные политические деятели Запада сегодня понимают, что главная проблема евроатлантической безопасности — не вовлечение в нее стран ЦВЕ, Балтии, Грузии или даже Украины. Главная проблема — участие в ней России. Ибо построить такую безопасность без стран ЦВЕ, Балтии, Грузии и Украины можно, а без России — нельзя.

Большая Европа — это, в первую очередь, тот «треугольник», о котором говорил президент РФ еще в Берлине: это, собственно, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки и Россия. Данные три субъекта международных отношений, как подчеркивал Д.Медведев, объединяют общечеловеческие ценности. Действительно, это ветви единой христианской цивилизации, и никто из серьезных философов, историков и культурологов, таких, как О.Шпенглер или А.Тойнби, этого не отрицал. Наши же партнеры нередко по-прежнему строят в Европе искусственные разделительные линии, несмотря на то, что вместе с ними мы «холодную войну» похоронили много раз. Эту логику нужно преодолеть, и призыв сделать это является важной составной частью инициативы Д.Медведева.

Кроме того, основные тенденции мирового развития (возвышение Азии, всплеск антизападного исламистского экстремизма, транснациональный терроризм, распространение ядерного оружия и т.д.) таковы, что либо евроатлантическая цивилизация будет едина, либо она погибнет по частям.

При обсуждении вопроса о новой архитектуре европейской безопасности обсуждается куда более серьезный вопрос — вопрос об отношении России к Западу (пока он един) и Запада к России. Россия определяет себя по отношению к Западу и тем самым определяет свою национальную идентичность. Запад же решает свою извечную дилемму: возможно ли подлинное партнерство с Россией? Ранее, в переломные моменты мировой истории, Запад, как известно, решал эту дилемму не в пользу России. Все, без исключения коалиции Запада и России, в конечном счете, рассыпались — и не по нашей вине.

Снимает ли проблему культурно-исторического (но не цивилизационного) единства России и Запада инициатива Д.Медведева? Нет, пока не снимает. Пока основные противоречия загнаны вовнутрь. Они, несомненно, себя еще проявят. Но уйти от них не удастся. Сейчас вновь появился шанс на реальное партнерство с Россией. Этот шанс может быть реализован, если, конечно, Запад не будет и впредь стремиться решить свои проблемы за счет нее.

Предложив новую повестку дня для Большой Европы, Россия сказала, что к такому партнерству она готова. Теперь слово за Западом.

Джаянта ДХАНАПАЛА (Шри-Ланка)

СПОСОБЕН ЛИ ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ОСТАНОВИТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ?

С 3 по 28 мая в Нью-Йорке под эгидой Организации Объединенных Наций пройдет 8-я Международная конференция по выполнению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в ее работе примут участие делегации стран-участниц Договора, который по числу государств, его подписавших, уступает только Уставу ООН. Заседания конференции, которая продлится целый месяц, будут проходить на фоне серьезных и широко распространившихся сомнений в сохраняющейся важности и жизнестойкости Договора как оплота против распространения ядерного оружия и единственного юридического обязательства со стороны пяти ядерных держав обезвредить и в конечном счете уничтожить свои смертоносные арсеналы.

«Если эта штука не сломается, не переделывай ее», — такова частичка американской доморощенной народной мудрости. Что ж, возможно, ДНЯО и не «сломался» окончательно, зато в последнее время его уж точно выставляют как изобилующий прорехами. Некоторые из этих прорех были намеренно проделаны еще при создании договора: скажем, формулировки основополагающих запретов в Статьях I и II по передаче и контролю за ядерным оружием, позволявшие странам НАТО и Варшавского Договора осуществлять «географическое распространение» ядерных вооружений, принадлежавших США и Советскому Союзу. Еще одна прореха — положение о сотрудничестве США и Великобритании в области ядерных оружейных технологий в соответствии с соглашением 1958 года. Это тоже открыто не запрещалось ДНЯО, несмотря на настойчивые заявления о том, что такое «ядерное совместительство» противоречит духу Договора.

Другие прорехи тоже, так сказать, врожденные — наподобие свищей в сердце. Решение прокрустовой задачи совместить возвышенное представление президента Эйзенхауэра об «Атоме ради мира» с запретом на разработку ядерных вооружений привело к появлению Статей III и IV.

А это фактически породило ситуации, подобные тем, что мы имеем в Корейской Народно-Демократической Республике и Иране (и кто знает, где еще), когда государствам-участникам позволено развиваться ядерную энергетику в мирных целях, а это значит, что потребуются всего лишь гайка с болтом (а также, разумеется, немалая доза *malafide*, недобросовестности), чтобы одолеть порог на пути к ядерному оружию, оставив в неведении Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и даже выйти после этого из Договора. Именно этот аспект Договора является средоточием недавних разоблачений и замечаний по адресу ДНЯО.

Есть и прорехи, которые обнаружились после нескольких лет действия Договора и его «притирки». Нелегальная программа Ирака, ее выявление и устранение инспекторами Совета Безопасности ООН из Специальной комиссии ООН и МАГАТЭ инициировали переговорный процесс под эгидой МАГАТЭ по формуле «93 плюс 2», итогом которого стал Дополнительный протокол 1996 года, направленный на ликвидацию лазеек в соглашениях МАГАТЭ по мерам безопасности, выявленных в деятельности режима Саддама. Другую лазейку (в Статье X.1) еще предстоит залатать, она связана с тем, что делать с государствами-участниками, которые, будучи пойманными, что называется, с поличным, возьмут да и выйдут из ДНЯО. Может ли Совет Безопасности запретить государствам выходить из ДНЯО и, если так, относится ли это ко всем договорам или только к договорам по оружию массового уничтожения, а в связи с ними будет ли запрет применим ко всем или только к небольшим государствам, доставляющим беспокойство?

С этим связана и такая проблема: как поступать с государствами-участниками, в отношении которых установлено, что они нарушают ДНЯО, и как — с желающими вернуться в ДНЯО? Дополнительную неотложность всему этому в атмосфере, и без того уже сильно наэлектризованной после трагедии 9/11, придают разоблачительные материалы о развитой и изощренной сети подпольной торговли технологиями по изготовлению ядерного оружия и расщепляющимися материалами частными лицами, вроде пакистанца доктора А.К.Хана (Dr. A.Q.Khan), и опасность возможного участия в этом террористических группировок. ДНЯО, пусть и несовершенный по замыслу и исполнению, тем не менее, помог избежать того кошмарного сценария, который рисовался в воображении президенту Джону Ф.Кеннеди: он предвидел такое положение (до ДНЯО), когда в мире ядерным оружием обладали бы двадцать — двадцать пять государств. Подавляющее большинство входящих в ДНЯО стран искренне убеждены, что обладание ядерным оружием не отвечает интересам их безопасности. В наши дни всего девять государств располагают ядерными вооружениями, три из которых никогда не были участниками ДНЯО. Стокгольмский Международный институт исследования проблем мира (СИПРИ) в своем ежегодни-

ке за 2009 год заявляет, что в мире насчитывается 23300 единиц ядерных вооружений, 8392 из которых размещены в готовности к запуску по тревоге в считанные минуты. Общеизвестно, что 95% таких вооружений принадлежат США и Российской Федерации.

С середины 1990-х годов в области нераспространения имелись неудачи и кое-какие успехи. «Согласованные рамки» (у нас иногда документ не совсем точно называют «Рамочным соглашением». — *Пер.*) 1994 года, которые заморозили северокорейскую ядерную программу, не были осуществлены подобающим образом. К тому же они не включали в себя достаточное количество основных игроков и не находились под деятельным и непрерывным присмотром международного сообщества. Как только в администрации Джорджа Буша возобладал грубый подход в отношении к Пхеньяну, Северная Корея вышла из ДНЯО и в 2006 году произвела испытание ядерного оружия. Благодаря возобновленной дипломатической активности Северная Корея вновь остановила осуществление программы вооружений и была на пути к поддающемуся проверке свертыванию своих возможностей, когда возникли разногласия, и в 2009 году проведено очередное ядерное испытание. Последовали санкции Совета Безопасности, и шестисторонние переговоры оказались в подвешенном состоянии.

Нарушение Ираном соглашения по мерам безопасности с МАГАТЭ и продолжающиеся настойчивые усилия в развитии возможностей по обогащению урана вопреки резолюциям Совета Безопасности породили подозрения, что иранские планы развития ядерной энергетики могут привести к созданию ядерного оружия. Не вызывает сомнений то, что эту проблему нельзя решить в одностороннем порядке, что требуется политико-дипломатический процесс, в ходе которого должны сотрудничать и находить компромиссы все стороны. ДНЯО не запрещает обогащение урана. Иран заявляет, что его программа является сугубо мирной. Ведение диалога с Ираном — насущная необходимость. Угрозы военных действий, в особенности со стороны Израиля, опасны и ведут к противоположным результатам.

Уже имеется большое число предложений по улучшению нынешнего положения с ДНЯО: государствам-участникам Договора будет что рассмотреть. Рост цен на нефть и озабоченности из-за перемен климата, вызванных деятельностью человека, вновь породили спрос на атомную энергию. А это, в свою очередь, разожгло беспокойство по поводу возможностей ядерной энергетики, ведущих к способности производить ядерное оружие. Высказано много предложений с целью не урезать «неотъемлемое право» на мирное использование ядерной энергии, закрепленное в Статье IV ДНЯО, а интернационализировать топливный цикл.

Целый ряд предложений выдвинуты Генеральным директором МАГАТЭ, Российской Федерацией и другими. Некоторые предложения

уже были осуществлены в одностороннем порядке в форме решительных мер по противодействию распространению ядерного оружия, как, к примеру, выдвинутая группой стран Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового поражения (ИБОР). Генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед эль-Барадей ратует за взаимокрепляющую связку между ядерным нераспространением и ядерным разоружением. Говоря попросту, нет хороших ядерных бомб и плохих ядерных бомб, нет хороших поборников распространения и плохих поборников распространения. Как нет и добрых рук и зловердных рук для обладания ядерными вооружениями. В мире, ставшем глобальным, не существует непроницаемых границ или стен для транснациональной материальной и интеллектуальной собственности. Мы больше не в силах поддерживать тот мир апартеида, в котором одни государства владеют ядерным оружием, а другие им не владеют, и менее всего — идя на применение силы, какой бы крайней ни была ситуация.

Только общее согласие, обманчивое ныне, сможет спасти ДНЯО, который в 1995 году по воле, в основном, западных держав был бессрочно продлен, и тем самым сделать мир более защищенным и более предсказуемым. Ведь именно общее согласие, достигнутое на конференции по выполнению ДНЯО 2000 года (после консультативного заключения Международного Суда 1996 года и испытаний ядерных устройств в Индии и Пакистане 1998 года), дало ей силы создать 13-ступенчатый путь к осуществлению целей ДНЯО. Неискренность государств, не обладающих ядерным оружием, которые нарушают свои обязательства по ДНЯО, некоторым видится зеркальным отражением неискренности государств, обладающих ядерным оружием, которые мало продвинулись к ядерному разоружению.

Ни одному из предложений, положенных на стол обсуждения конференции, не под силу в одиночку остановить ядерное распространение без заслуживающих доверия шагов всех государств, располагающих ядерными вооружениями, по сокращению и уничтожению своих арсеналов. Угрозы для ДНЯО исходят и изнутри, и извне, и слова американского президента Эйзенхауэра (генерала, ставшего президентом, который предостерег нас от всевластья военно-промышленного комплекса) очень подходят к нынешней ситуации. В своей второй инаугурационной речи он сказал: «Сложность обороны состоит в том, насколько далеко можно зайти, не разрушив изнутри того, что стараешься уберечь извне».

Ханс БЛИКС (Швеция)

РАЗОРУЖЕНИЕ И РАЗРЯДКА В МИРЕ, КОТОРЫЙ СТАНОВИТСЯ ВСЕ ТЕСНЕЕ

Президент Обама стал лауреатом Нобелевской премии мира, и тут же появились негодующие статьи, что он-де только ведет разговоры о разоружении и ничего в действительности не достиг. Что ж, Эл Гор получил Нобелевскую премию за то, что внес тему изменения климата в повестку дня обсуждений всего мира. Не скажешь, что он взял да и остановил глобальное потепление. Внести тему разоружения в повестку дня глобальных обсуждений — уже важно. В 1980-х годах люди шли по улицам в демонстрациях против ядерного оружия. Теперь — нет, теперь они проводят демонстрации против глобального потепления. Нобелевский комитет хочет, чтобы колоннами шли, протестуя и против того, и против другого, и я с этим согласен.

Хотя большая часть славы достается мистеру Обаме, он неодинок в усилиях вдохнуть жизнь в разоружение. В январе 2008 года четверо старейшин на ниве американской государственной деятельности — двухпартийная группа бывших госсекретарей Шульца, Киссинджера, Пери и бывшего сенатора Нанна — опубликовала в «Уолл-стрит джорнэл» важную статью. Они призвали Соединенные Штаты стать вместе с Россией застрельщиками в движении мира к ядерному разоружению. С их точки зрения, опора на ядерные вооружения, которую сами они некогда полностью поддерживали, после окончания «холодной войны» перестала себя оправдывать. Убедить мир, что ядерное оружие необходимо в руках немногих государств и неприемлемо ни в чьих других руках, — это тоже было неправдоподобно долговременной политикой. Ядерное распространение представлялось неизбежным.

В ходе президентской предвыборной кампании мистер Обама, если угодно, поставил пятую, свою, подпись под статьей четверки государственных деятелей США, а 25 мая 2009 года, когда он в Лондоне встретился с президентом России Медведевым, оба лидера заявили о своей готовности «преодолеть мышление категориями «холодной войны» и

наметить свежий курс». С тех пор США и Россия успели нажать на кнопку перенастройки в нескольких областях, что крайне необходимо, поскольку разрядка, многообещающе начавшаяся в начале 1990-х годов, медленно почилла в бозе.

Годы сразу после окончания «холодной войны» принесли очередные дивиденды и в политике, и в разоружении. После того как в 1991 году Совет Безопасности принял решение санкционировать применение силы для прекращения агрессии Ирака против Кувейта, президент Буш-старший заговорил о «новом международном порядке». Поскольку постоянные члены Совета больше не были разделены, многосторонняя система безопасности по Уставу ООН сработала, как изначально и предвиделось. В 1993 году была выработана Конвенция по химическому оружию, в 1995 году продлен без какого-либо временного ограничения Договор о нераспространении ядерного оружия, а в 1996 году принят Договор о запрете всех испытаний ядерного оружия. США и Россия на двусторонней основе в 1991 году заключили соглашение по СНВ-1, заложив основополагающие правила в отношении своих ядерных возможностей. В то время как на пике «холодной войны» ядерных боеголовок в мире насчитывалось примерно 55000, ныне, как считается, их около 23000, а в результате параллельных действий США и России были ликвидированы целые категории нестратегических ядерных вооружений.

Этот процесс совместной безопасности следовало бы продолжить. Не вышло. Если Варшавский пакт распался, то НАТО расширилось. В 1999 году Сенат США отверг Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний. Администрация Буша-младшего никаких симпатий к разоружению не испытывала. Дабы заручиться полной свободой рук в создании ракетного щита, она вышла из Договора по противоракетной обороне (ПРО). Как раз после ужасающего нападения террористов на Всемирный центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года она увидела в собственной чудовищной военной силе инструмент отражения угроз, откуда бы они ни исходили и безотносительно к одобрению ООН. В «Стратегии национальной обороны» 2005 года можно было прочесть: «У нас нет и не будет никакого равного по силам глобального соперника, и мы останемся не имеющими себе равных в обычных военных возможностях», — и далее: «Окончание холодной войны и наши возможности воздействовать на глобальные события открывают перспективы для новой и мирной системы в мире».

Неудача с принуждением Ирака к миру и демократии посредством оккупации привела к тому, что администрация Буша сделала открытие: у военной силы есть некие пределы, и есть потребность в дипломатии и сотрудничестве — даже для ООН. Тем не менее контроль за вооружениями и разоружение никогда не значились в повестке дня той администрации. Работа над ракетным щитом продолжалась, были

запланированы звенья для размещения в Польше и Чешской Республике, не взирая на возражения России и слабую заинтересованность двух указанных государств.

В последние годы администрации Буша от разрядки, последовавшей за окончанием «холодной войны», мало что осталось. Господин Горбачев справедливо писал о «провале политического руководства, которое оказалось неспособным воспользоваться возможностями, открывавшимися с окончанием холодной войны» («Уолл-стрит джорнэл», 31 января 2007 год). Если на воинственную администрацию Буша во многом возлагалась вина (и, на мой взгляд, она и на самом деле в том повинна) за такое развитие событий, то сокрушительный российский отпор военной операции Грузии на территории Осетии в августе 2008 года многие на Западе рассматривали, как тревожный признак утверждения власти России над странами ее «ближнего зарубежья».

В таком прохладном климате США продолжали деятельно готовиться к возможной космической войне, Великобритания держала открытым вопрос о новой ядерной программе «Трайидент», Китай сбил свой собственный спутник, демонстрируя имеющиеся у него некоторые космические возможности ведения боевых действий, а Россия осуществляла дальние перелеты самолетов, способных нести ядерные заряды, и испытывала новые ракеты.

Подсчитано, что в 2008 году военные расходы в мире составили около 1400 миллиардов долларов. Из этой суммы около 45% выпадают на долю США, примерно по 5% — Великобритании и Китая, около 4% — на доли Франции и Японии и около 3% — на доли Германии, России, Саудовской Аравии и Италии. В то время как правительства заламывают руки, страдая от затрат на стабилизацию глобального финансового климата и на стабилизацию глобального природного климата, мир, похоже, совершает глупость, позволяя себе такие астрономические военные расходы.

Это не только глупость, но и головоломка какая-то, поскольку после «холодной войны» между крупнейшими военными державами не было никаких серьезных конфликтов. Несомненно, имеет место состязательность за доступ к нефти, газу и другим товарным продуктам, но не будет ли эта состязательность находить выражение, скорее, в ценах, нежели в военных действиях? Разве не станет убыстряющаяся взаимозависимость государств, в том числе и крупных военных держав, настраивать их на взаимные согласования? Европа зависит от российского газа, но и Россия зависит от доходов от продажи газа и от европейских инвестиций. В распоряжении Китая государственных ценных бумаг США больше, чем у кого бы то ни было еще, но и он тоже зависим от продажи своей продукции на зарубежных рынках США и других стран. Тайвань и Кашмир являются пороховыми бочками, однако едва ли несут угрозу вызвать взрыв мирового конфликта. Существует обеспокоенность из-за

действий террористов и риска ядерного распространения, однако едва ли можно посчитать это оправданием появления новых авианосцев, подводных лодок и сверхзвуковых истребителей.

Что можно сделать? Я разделяю мнение, что застрельщиками здесь должны выступить США и Россия, и приветствую шаги в этом направлении, предпринятые за последний год. Доклад международной Комиссии по оружию массового уничтожения, в которой я председательствовал («Вооружения страха: Как избавить мир от ядерного, биологического и химического оружия»¹), содержит 60 рекомендаций. В 2006 году перспективы любой из них были смутными. Сегодня я настроен более оптимистично.

Кое-кто придерживается мнения, что нашей целью должно стать полное уничтожение ядерных вооружений — ядерный нуль. Я согласен: видеть перед собой такую задачу необходимо, только не должно быть никаких иллюзий. Мистер Обама говорит, что мир, свободный от ядерного оружия, возможно, станет реальностью еще при его жизни. Наверное, он прав. И все же, как можно быть уверенным в том, что возможно через, скажем, 50 лет? В период между 1910 и 1950 годами мы пережили две мировые войны. Лига Наций была первой хилой и провалившейся попыткой создать всемирную систему безопасности. Организация Объединенных Наций — вторая, продолжающаяся и несовершенная, попытка. Мы стали свидетелями начала космических путешествий, Интернета, мобильных телефонов, взлета и падения нацистской Германии, принятия коммунистической модели и отказа от нее, нынешнего объединения в Европе и т.д. Много может произойти в период между 2010 и 2050 годами.

Я остаюсь оптимистом. На сегодняшней и завтрашней повестке дня по разоружению стоит не тот вопрос, как демонтировать последние из 200 оставшихся в мире ядерных боеголовок, а о том, как достичь существенных сокращений ныне имеющихся более чем 20000 боеголовок. Речь идет о всеобщем запрете всех испытаний ядерного оружия, о всеобщем прекращении производства ядерных материалов для видов вооружений, о снятии ядерных вооружений с режима повышенной боевой готовности и т.д.

Тем не менее нам не осилить ядерное разоружение в отрыве от всего остального. Мы должны уделять внимание связям с обычными видами вооружений. Более того, все разоружение осуществляется в политическом контексте. Нам необходима совместная работа для разрешения давних и мучительных региональных споров. Нам необходимо сотрудничество для учета потребности всех народов в надежном доступе к энергии. Для усилий по восстановлению разрядки было бы целесообразно, как то предложено Россией, обсудить «архитектуру безопасно-

¹ www.wmdcommission.org

сти» Европы. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) значима в этом отношении, но значимы и НАТО, и Европейский Союз, и, на самом деле, ООН. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) ныне пребывает в подвешенном состоянии. Необходимо, чтобы он снова стал полностью действующим.

Меры по разоружению главным образом потребуют обязывающих соглашений с другими странами, и мистер Обама дал понять, что ныне США располагают администрацией, готовой для достижения подобных соглашений использовать как двусторонние средства, так и ООН и другие многосторонние механизмы. Американской исполнительной власти, однако, потребуется не только искусно вести переговоры с другими государствами, но и убедить имеющий отношение к делу Конгресс США, а также мощный военно-промышленный комплекс. Сенат США в 1999 году отверг Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний, и хотя ныне мистер Обама намерен вновь представить этот договор на ратификацию, он пока не располагает необходимыми для этого 66 голосами в Сенате. Возможно, ему сумеют помочь более мягкий международный климат и наделенное силой американское общественное мнение.

По моему мнению, для дальнейшей разрядки и разоружения в нынешних условиях многое могут сделать отдельные государства. Деятельность и сотрудничество России и США имеют самое первостепенное значение. Наряду с оказанием Россией помощи в транспортировке американских грузов в Афганистан, решение США не размещать установки ракетного щита в Польше и Чешской Республике, а также явная приостановка дальнейшего расширения НАТО, дают основание полагать, что такое сотрудничество идет по хорошей траектории. Тем меньше должно быть трудностей с заключением вслед быломu ядерному СНВ-1 нового соглашения, могущего стать стартовой площадкой для дальнейшего ядерного разоружения.

Что еще могла бы сделать Россия? Раскатистая международная реакция на вооруженный конфликт между Россией и Грузией по большей части утихла, особенно после недавнего появления доклада ЕС по этому вопросу. Тем не менее характер отношений между большой Россией и ее соседями неизбежно оказывает воздействие на восприятие внешним миром российского стратегического мышления. По моему мнению, российское стремление быть добрым соседом, а не большим братом, будет содействовать доверию и дальнейшей разрядке, точно так же, как и в западном полушарии отношения шли бы к лучшему, если бы США следовали той же политике. Нет нужды оговаривать, что добрососедство должно быть двусторонним. Наверное, моделью здесь могли бы послужить российско-финские отношения.

И Китай, и Индия могли бы содействовать глобальной разрядке, продолжая действовать благоразумно в вопросах, соответственно, Тай-

ваня и Кашмира, и стремясь к урегулированию пограничных расхождений. Китай одобрительно относится к вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрете испытаний и мог бы помочь осуществлению этого, предприняв уже сейчас шаг к ратификации этого договора. Для Китая договор не стал бы обязывающим до тех пор, пока его не ратифицируют США и ряд других государств, однако, действуя сейчас, а не позже, Китай, возможно, существенным образом подтолкнул бы к ратификации других, в том числе и США.

На климат глобального разоружения неизбежно влияет успех или неудача на переговорах с Северной Кореей и Ираном. Россия, Китай и США играют на этих переговорах ключевые роли и нуждаются в сотрудничестве для предотвращения программ создания ядерных вооружений. Главное в этих переговорах — какие можно предложить стимулирующие и сдерживающие средства, но три этих государства не подвергнутся риску быть обвиненными в двойных стандартах, если признают за самими собой обязательство, налагаемое ДНЯО — продвигаться к ядерному разоружению, и будут наглядно убеждать, что действительно делают это.

Владимир РОЩУПКИН

АФГАНСКИЙ «ТЕАТР ВОЙНЫ»: НОВЫЙ СЦЕНАРИЙ И РЕЖИССУРА

Спустя шесть лет после начала второй войны в Ираке, в самом конце июня, американские части были выведены из крупных иракских городов. Контроль в них, по крайней мере, номинально, перешел к иракским военным формированиям, выпестованным американцами. Вывод «джи-ай» из городов лежит в русле решения президента Барака Обамы о полном выводе войск США из Ирака к концу 2011 года.

А как же Афганистан, где тоже находятся американские и натовские подразделения в составе многонационального контингента, официально именуемого Международными силами содействия безопасности в Афганистане (International Security Assistance Force — ISAF)? Ведь события в этих двух странах взаимосвязаны, несмотря на раздельность расстоянием и геополитические различия.

В свете этой взаимосвязи резонно задать вопрос: почему двумя неделями раньше вывода американских частей из городов Ирака, 15 июня, был назначен новый командующий американскими и натовскими войсками в Афганистане? Это двухзвездный генерал (генерал-лейтенант) Стэнли Маккристал (Stanley McChrystal). Он сменил своего предшественника Дэвида Маккирнана, в мае месяце отправленного в отставку.

Как объяснили в Вашингтоне, «смена состава» вызвана принятием «новой стратегии борьбы с терроризмом». Ее инициатором выступил сам президент Обама. Суть новой стратегии — смещение эпицентра этой борьбы из Ирака к пакистано-афганской границе. А для этого необходимо усилить военное присутствие иностранных войск на территории Афганистана. Другие пункты «новой стратегии» Обамы предусматривают более активное вовлечение в Афган стран-участниц Североатлантического альянса и других союзников Вашингтона, в том числе Исламабада. Одновременно расчет делается на экономическую

помощь Кабулу, создание рабочих мест в качестве альтернативы наркоторговле.

Кстати, положения «новой стратегии» нашли отражение еще в предвыборной кампании Обамы. Он пообещал прекратить войну в Ираке, но все усилия сосредоточить в Афганистане и Пакистане. По мнению главы американской администрации, именно в этих странах находится гнездо талибов. В этой связи Обама подписал указ о переброске дополнительно 21 тысячи американских военных в Афганистан. «С учетом военных обязательств, которые взяли на себя США и их партнеры по ISAF, мы будем иметь там к концу года около 100 тысяч военнослужащих, — отметил министр обороны Роберт Гейтс в интервью CNN. — Это всего на 10 тысяч меньше, чем имели там русские».

Генерал Маккирнан, экс-командующий войсками США и НАТО в Афганистане, прослужил в этой должности менее года. Гейтс отозвался о Маккирнани как о генерале, успешно справлявшемся со своими обязанностями. Тем более, что у него солидный опыт руководства боевыми действиями и авторитет специалиста по проведению общевойсковых операций. Ведь именно Маккирнан командовал в Ираке всеми сухопутными войсками сил коалиции. Начав в марте 2003 года наступление на Багдад, они за 16 дней сломили иракскую оборону.

Тем не менее генерал покинул свой пост. После Второй мировой войны это второй прецедент, когда командующий войсками в зоне боевых действий уходит до истечения срока его полномочий — в данном случае через 11 месяцев вместо положенных полутора лет. Ранее подобное случилось с генералом Дугласом Макартуром, потерявшим должность в 1951 году во время войны в Корее.

Ну а Маккирнан? Негоден он или неугоден? По мнению экспертов, есть скрытые, не лежащие на поверхности причины его замены. Это давние трения в отношениях между шефом Пентагона Робертом Гейтсом и генералом Маккирнаном, а также не очень высокое доверие к нему со стороны высшего командования. Тот недолгий период (менее года), когда он возглавлял группировку, характеризуется активизацией боевых операций со стороны талибов. В стране выросло число терактов, совершаемых членами группировки «Талибан». Сам Маккирнан признал ситуацию в Афганистане как патовую.

А ведь не кто иной, как генерал Маккирнан, был одним из разработчиков прежней афганской стратегии! И не кто иной, как он, в свое время добился увеличения американского военного присутствия в этой стране более чем вдвое. Да и в последнее время он продолжал стоять на своём. Это серьезно противоречило позиции главы Пентагона. Роберт Гейтс неоднократно говорил, что урегулирования в Афганистане нельзя добиться бесконечным увеличением военного присутствия. Как это обычно и бывает, причем не только за океаном, возобладала позиция не профессионального военного, а политика.

Напомним, что формально Гейтс — гражданская персона, но, как бывший шеф ЦРУ, обладает большим опытом в политической и разведывательной сфере. В свое время именно он претендовал на лавры одного из главных разра-

ботчиков стратегии «изматывания Советов» в Афганистане. К слову, там он в 80-е годы неоднократно бывал лично. Гейтс не только занимался организацией финансовой и военной помощи афганской вооруженной оппозиции, но способствовал приходу на политическую арену талибов. Поговаривают, что к феномену бен Ладена он тоже тогда приложил руку.

Но вернемся в наши дни. Как сообщалось, недовольство Гейтса Маккирнаном было столь велико, что в сердцах он даже посчитал смещение этого генерала «вероятным концом его военной карьеры», которой он отдал 37 лет из своих 58. Но прилюдно все было чин по чину. Гейтс с одобрения президента Обамы лично слетал в Кабул и сообщил генералу Маккирнану о предстоящей отставке. Как пишут американские СМИ, экс-командующий стойко перенес это известие, ставшее для него унижением.

В официальных объяснениях «смены комсостава» в Кабуле Роберт Гейтс вполне корректен: «Нам необходимо свежее военное мышление и новые взгляды». А таким «свежим мышлением», по мнению военно-политического руководства США, как раз и обладает новый командующий международными силами в Афганистане генерал Стэнли Маккристал. «У нас новая политика и новая стратегия. Теперь необходимо и новое командование» — детализировал Гейтс мотивы смены военного руководства.

«Жесткий спецназовец, к тому же с интеллектом»

Решение о назначении генерала Маккристала командующим многонациональной военной группировкой в Афганистане министр обороны Роберт Гейтс принял после консультаций с председателем объединенного комитета начальников штабов адмиралом Майком Малленом и начальником Центрального командования США генералом Дэвидом Петреусом.

55-летний Маккристал прошел многочисленные ступени командной и штабной службы. «Он хорошо разбирается в разведке, знает толк в тайных операциях и в партнерских отношениях», — считает Генри Крэмpton, ответственный за секретные операции ЦРУ в Афганистане после терактов в США 11 сентября 2001 года. «Он — долговязый, смысленный, жесткий спецназовец, к тому же с интеллектом», — добавил генерал-майор в отставке Уильям Нэш.

Но расскажем о военной биографии генерала Маккристала подробнее. Он родился 14 августа 1954 года в семье военного. Отец, генерал-майор Герберт Маккристал, после Второй мировой войны служил в Германии, а затем в Пентагоне (министерстве обороны США). Четверо братьев Стэнли тоже избрали военную карьеру, а сестра вышла замуж за офицера.

По окончании в 1976 году военной академии в Вест-Пойнте Стэнли Маккристал получил первичное офицерское звание второго лейтенанта и был направлен командиром взвода в 1-й батальон 504-го парашютного полка 82-й воздушно-десантной дивизии. В ноябре 1978 года поступил на офицерские курсы сил специального назначения в Форт-Брагге (штат Северная Каролина). После учебы на курсах в апреле 1979 года возглавил отряда «зеленых беретов» в 1-м батальоне 7-й воздушно-десантной группы войск специального назначения.

С июня 1980 по февраль 1981 года — учился на курсах усовершенствования офицеров пехоты в Форт-Беннинге (штат Джорджия). Получил назначение офицером разведки в Южную Корею. С 1982 по 1989 год служил командиром роты и батальона в 24-й пехотной дивизии и 75-м полку рейнджеров. Затем — год учебы на курсах командного состава в военно-морском колледже в Ньюпорте (штат Род-Айленд). С 1993 по 1996 год командовал батальонами в 504-м полку 82-й воздушно-десантной дивизии и в 75-м полку рейнджеров. Год отучился в Школе управления им. Джона Кеннеди в Гарвардском университете, по окончании которой с июня 1997 года по август 1999 года командовал 75-м полком, где ранее уже проходил службу.

В январе 2001 года Маккристал получил звание бригадного генерала и был назначен на должность заместителя командира 82-й дивизии по оперативным вопросам. Тогда же его направили в оперативную группу американских и коалиционных войск в Кувейте. С июня 2001 года по июль 2002 года в качестве начальника штаба 18-го воздушно-десантного корпуса участвовал в разработке и осуществлении операции против талибов и «Аль-Каиды» в Афганистане.

В марте 2003 года началась вторая война против Ирака. Генерал Маккристал встретил ее в должности заместителя начальника ОКПСО. Именно тогда он обрел публичную известность, так как проводил в Пентагоне брифинги о ходе боевых действий. А эти брифинги показывали все телеканалы США. В начале апреля, когда Багдад пал, он заявил: «Я бы предположил, что главные бои остались позади». Да, главные бои, с применением крупных сил пехоты и авиации, прекратились, но боевые действия продолжались...

В сентябре 2003 года Маккристал возглавил объединенное командование сил специальных операций (ОКПСО) армии США. Эти силы, по сведениям печати, превышают 50 тысяч человек (для сравнения: в России, по опубликованным данным, общая численность армейского спецназа — менее 20 тысяч). Ветеран американского ССО Стэнли Маккристал лично участвовал в различных секретных операциях, в том числе и на территории Ирака. «Действуя в 2006 и 2007 годах из своего штаба в Катаре, Маккристал руководил специальными операциями и авиационными налетами против арабов в Ираке, основываясь на разведывательных данных об их связях с «Аль-Каидой», — отмечает американское издание Defense News.

Маккристал возглавлял Объединенное командование по проведению специальных операций на протяжении пяти лет. В его распоряжении были лучшие из лучших в спецназе — бойцы армейской «Дельты» и морские диверсанты «Силз» («Морские котики»). И хотя штаб-квартира управления располагается в Форт-Брагге, Маккристал, к тому моменту генерал, больше времени проводил в Ираке, Афганистане, а также в Катаре, где находится передовая штаб-квартира Центрального командования ВС США. Как отмечала американская пресса, это отнюдь не радовало его жену и сына...

По словам сослуживцев, Маккрystal, отличающийся завидной работоспособностью, явно не относится к числу «кабинетных военачальников». Многие операции проводились по ночам, но наутро он, как всегда, в строю. Отмечается и другое: генерал ест всего раз в сутки — вечером, чтобы в сон не клонило и бодрости не терять. При любой возможности совершает многокилометровые пробежки: утром — из дома на службу, а по окончании рабочего дня — домой.

О том, что именно созданная и руководимая Маккрystalом оперативнотактическая группа под кодовым наименованием 6-26 сумела определить местонахождение главаря иракского отделения «Аль-Каиды» Абу Мусаба аз-Заркауи и ликвидировать его с помощью наведенного авиаудара, никто бы так и не узнал, если бы об этом не проговорился президент Джордж Буш. Его настолько впечатлили действия и генерала, и его спецназовцев, что тогдашний хозяин Белого дома прилетел к разрушенному бомбой зданию, чтобы лично убедиться в смерти террориста №2. Буш публично воздал хвалу Маккрystalу, тем самым нарушив все писанные и неписанные законы секретности.

Но за группой 6-26 закрепилась и недобрая слава. Стало известно, что ее бойцы, мягко говоря, особо не церемонились с задержанными в Ираке террористами и их пособниками. Сведения о том же Заркауи и других главарях вооруженных экстремистских формирований они буквально выбивали в лагере Кэмп Нама (Camp Nama) близ Багдада. Заключенных там нередко раздевали догола, не давали заснуть, подвергали воздействию очень низких температур, заставляли принимать болезненные позы и избивали. На базе «Тигр» узников морили голодом, помещали в экстремально жаркие условия. 35 членов группы были впоследствии подвергнуты дисциплинарным взысканиям, а пятерых рейнджеров даже осудили за издевательства над узниками. Бывшие сослуживцы по Ираку отмечают, что генерал был буквально одержим стремлением выведать все возможное о жизни и деятельности террористов и неустанно наставлял подчиненных, что нужно ликвидировать как можно больше боевиков «Аль-Каиды».

В августе 2008 года Маккрystal сменил генерал-лейтенанта Уолтера Шарпа на посту руководителя аппарата сотрудников Объединенного комитета начальников штабов (КНШ). Глава комитета адмирал Маллен попросил Маккрystalа «встряхнуть» 1,2 тыс. своих подчиненных. Как сообщалось, тот за дело взялся рьяно. Начал с того, что ежедневно в 6.30 утра стал проводить видеолетучки с участием 25 старших офицеров и с командующими американскими военными контингентами, дислоцированными по всему миру. Маллен, по словам его помощников, был весьма доволен Маккрystalом. Именно адмирал Маллен порекомендовал Гейтсу назначить Маккрystalа командующим в Афганистан.

Известное дело: новая метла по-новому метет. От нового командующего ожидают внедрения новых методов ведения боевых действий в Афганистане, где за последние три года талибы значительно активизировались. Предполагается, что обычные воинские части в основном будут нести задачи по охране объектов, коммуникаций и патрулированию. Их будут привлекать лишь при проведении операций против крупных отрядов исламских боевиков.

В целом же американская стратегия в Афганистане будет основываться на применении спецназа и других элитных подразделений — с учетом большого опыта нового командующего в руководстве такими силами. В пользу этого курса отчасти говорит и назначение заместителем Маккрystalа генерал-лейтенанта Дэвида Родригеса, за плечами которого — командование элитной 82-й воздушно-десантной дивизией. Но если Маккрystal будет занят решением стратегических задач, то Родригес, также обладающий боевым «афганским» опытом, займется повседневной борьбой с боевиками. Еще один заместитель нового командующего будет отвечать за подготовку афганских военнослужащих и полицейских.

По мнению генерала Маккрystalа, существенным минусом нынешней операции в Афганистане является недостаточное внимание к подготовке «джи-ай» в специфических местных условиях. Сейчас они служат там не более года, причем значительная часть времени уходит на знакомство с афганскими реалиями и адаптацию к ним. Но по возвращении в США их опыт остается невостребованным. Маккрystal настаивает на том, чтобы уже в ближайшее время наиболее отличившиеся бойцы занимались в Штатах обучением коллег, которые сменяют их в Афганистане.

Меч над Гильмендом

Как бы то ни было, военные аналитики полагают, что новый командующий должен быть морально готовым к тому, чтобы приложить максимум дипломатических усилий на предмет увещевания европейских союзников действовать в Афганистане более активно. А главное, быть готовым к возможному росту потерь (за семь лет с начала военной операции потери ISAF составили более 1100 человек).

И если север страны живет относительно мирной жизнью, то в районах южнее перевала Саланг война не прекращается. Острое положение складывается в восточных, южных и юго-западных районах, примыкающих к пакистанской границе. Но основным оплотом талибов считается юго-западная афганская провинция Гильменд. Это, пожалуй, самая болевая точка и для англосаксов, и для режима Хамида Карзая. Одновременно это и главный центр производства наркотелья (площадь посадок — более 103 тыс. га). Боевые действия там идут с той поры, когда в страну вошли подразделения западных стран во главе с США. Только в 2009 году в провинции погибли 25 американских и британских военнослужащих и были осуществлены многочисленные теракты.

В начале июля в Афгане, а конкретно — в южной провинции Гильменд, произошел очередной всплеск военной активности американцев. Совместно с подразделениями главы нынешнего кабульского режима

Карзая они начали масштабную операцию против талибов под условным наименованием «Канжар» («Удар меча»). Это первая масштабная военная операция США после отправки в Афганистан в начале 2009 года нового контингента численностью 21 тыс. человек.

Судя по всему, «Удар меча» призван показать в действии новую афганскую стратегию Барака Обамы. В операции участвуют 4 тысячи морских пехотинцев второй бригады армии США, около 50 самолетов и вертолетов, а также 650 афганских солдат и полицейских. Между тем, как отмечает печать США, самая острая потребность американских военных в Афганистане — в помощи со стороны местных афганских сил. Председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал Майк Маллен недавно огласил численность афганской армии: чуть больше 80000 военнослужащих. Но эту цифру, по мнению Маллена, надо увеличить как минимум до 134000 человек. В местной полиции служат около 82000 человек, но об уровне их подготовки говорить не приходится. В свете вышесказанного США в срочном порядке направляют в Афганистан около 4000 военных инструкторов.

Время покажет, оправдает ли себя смена военных приоритетов США в Стране гор. И соответственно — смена командующих. Ведь, как уже неоднократно отмечали аналитики, одними военными методами проблему не решить. За примерами, в том числе и из отнюдь не древней истории, далеко ходить не надо. Известный афганский писатель и правовед Вадир Сафи полагает, что тысячи иностранных солдат, отправляемых на юг Афганистана, не смогут изменить положение. Ибо натовские военачальники, как утверждает Сафи, пользуются рекомендациями афганских чиновников, преследующих свои цели, но отнюдь не цель скорейшего завершения войны.

А ситуация такова, что за последние 30 лет многие афганцы, родившиеся в годы военных действий, обрели солидный боевой опыт. Эти люди часто вообще ничего не умеют делать, кроме как воевать. Исключение — наркозелье и наркотрафик. За весь период иностранного военного присутствия внутриафганский диалог так и не был налажен. Правительственные структуры слабы, коррупция повсеместна. Экономика парализована, 42 процента афганцев живут менее чем на 1 евро в день.

Как тут не вспомнить слова выдающегося государственного деятеля Америки, ее великого сына Франклина Рузвельта: военная безопасность тесно связана с безопасностью экономической. Экономическая же помощь Кабулу, упомянутая в новой афганской стратегии, пока не фигурирует как основополагающая...

Что же касается России, то нужно сделать серьезные выводы в связи с тем, что сейчас США перенацеливают свои усилия из Ирака на Афганистан. Это значит, что и бывшие советские республики, а ныне независимые государства Центрально-Азиатского региона, в ближайшие десятилетия будут находиться в зоне заокеанских интересов.

Валерий БУЯНОВ

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ? (К 10-ЛЕТИЮ СОЮЗА)

В декабре 2009 года исполняется 10 лет со дня подписания Договора о создании Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь. Процесс формирования Союза происходит сложно, противоречиво, подчас драматично. Об этом свидетельствует интервью президента Беларуси А.Г.Лукашенко, которое он дал редакторам российских СМИ в июне 2009 года. Он заявил тогда, что острота российско-белорусских отношений на современном этапе такова, что «Россия может потерять Беларусь, а Беларусь может потерять Россию».

Попытаемся разобраться, действительно ли Россия и Беларусь теряют друг друга, если да, то каковы причины и, как всегда, ответить на извечный вопрос «Кто виноват?».

* * *

Сегодня приходится констатировать, что взаимоотношения двух стран, при официально провозглашаемом желании строить Союзное государство, переживают кризис. Движение к объединению буксует. Накапливается обоюдная усталость от малорезультативных усилий. Качественный прорыв в создании Союза так и не произошел.

Нарастают взаимные обвинения. Минск упрекает правящий класс РФ в создании малоэффективной экономической системы, которая в условиях глобального кризиса со всей очевидностью показала свою ущербность. Педалируется тезис о том, что пореформенная Россия так и не смогла выработать привлекательную для постсоветских стран модель развития, способную конкурировать с ЕС или другой успешной формой интеграции. В свою очередь Москва прямо или косвенно говорит о «советизме» и «социализме» в Беларуси, о сохранении в республике прежних административно-волевых методов управления, об амбициозности и неуступчивости первого лица РБ. В российских СМИ раскрывается тема «нахлебничества» Беларуси, ее стремления под залог

дружбы выторговать у России как можно больше преференций. Некоторые стали говорить о «геополитической измене» союзника.

В чем причины обострения отношений? На наш взгляд, расхождение лежит в плоскости объективных условий и субъективных факторов, в существенных различиях экономических, политических и иных сфер жизни России и Беларуси.

В *экономической и финансовой сферах* отличия особенно заметны. В России — нецивилизованный, периферийный капитализм. Большинство предприятий, в том числе часть производств стратегического значения, находится в частных руках. РФ — страна ресурсной экономики, экспорт в основном сырьевой, инновационный путь развития и модернизация пока лишь декларируются. Финансово-экономический кризис отбросил страну назад, ее потери, если брать ВВП, самые большие из членов стран «двадцатки», перспективы дальнейшего экономического роста малоутешительны.

Беларусь — страна нерыночной экономики, основные предприятия остаются в руках государства. Республика обделена природными ресурсами, которые ограничены лесом, торфом, калийными солями. Машиностроение, оставшееся от СССР, неконкурентоспособно, однако сельское хозяйство довольно развито. Основной рынок сбыта — Россия. Страна более чем на 85% зависит от внешних энергоносителей. Вместе с тем по ряду важных экономических показателей Беларусь превосходит Россию, но это не столько победа белорусской модели, сколько недостаток российской.

Беларусь оказалась в сложном финансовом положении, залезая в большие долги. РФ предоставила РБ кредит в 2 млрд. долл., три четверти которого проплачены; с МВФ достигнута договоренность о предоставлении Беларуси кредита на сумму чуть больше 2 млрд. долл.; КНР выделила 3 млрд. долл.; ведутся переговоры о предоставлении кредита со стороны ЕС. Удивительное, однако, для союзных отношений дело: Минск согласился кредитоваться у Китая в юанях, но категорически отказался оставшиеся от кредита у России 500 млн. долл. принимать в рублях. Белорусская сторона уже который год уклоняется от ранее принятого решения о введении единой валюты.

Отношения между странами отравляют постоянно ведущиеся торговые войны: «пивная» (2002 год), «мясная» (2005 год), «конфетная» (2006 год), «газовая» (2004, 2006 годы), «нефтяная» (2007 год), «молочная» (2009 год) и вновь назревающая «углеводородная» война.

В *политической сфере* расхождения тоже весьма значительны. Россия — федеративная, Беларусь — унитарное государство. Обе страны имеют президентскую форму правления, но в Республике Беларусь «суперпрезидентский», авторитарный режим, что послужило основанием для некоторых политиков на Западе назвать руководителя РБ «последним диктатором Европы». В России провозглашен курс на

строительство демократического общества, и при всех недостатках его реализации в стране существует свобода слова, печати и пр. В Беларуси до последнего времени преследовали оппозицию, неугодных журналистов, исключали студентов из вузов за «политическую неблагонадежность». Поправки к Конституции Республики Беларусь позволяют батьке переизбираться бесконечно.

Несопоставимы геополитические силы двух стран. Россия — гигантская по размерам держава, раскинувшаяся на двух континентах, половина ее — «крайний север». Беларусь — компактная европейская страна с населением в 10 млн. человек и площадью 208 тыс. кв. км. Россия — крупнейшее ядерное государство, и положение на мировой арене как глобального игрока не позволяет ей постоянно лавировать между Востоком и Западом, как это делает руководство Беларуси.

Россию удивило первоначально «скромное молчание» Минска по поводу войны на Кавказе в августе 2008 года, его нейтрально-отстраненная позиция. Белорусский лидер до сих пор не дал «отмашку» своему парламенту о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Далеким Никарагуа и Венесуэла сделали такое признание, а союзная Беларусь — нет.

В *социальной сфере* Беларусь на фоне России выглядит лучше. В республике отсутствует безработица. Осуществляется бесплатное образование и медицинская помощь. Засеяны все поля. Минск и другие населенные пункты отличаются чистотой и ухоженностью. Обеспечивается порядок, общественная и личная безопасность, криминал подавлен. Высок уровень заботы о детях и пенсионерах. По официальным данным, среднестатистическая зарплата равняется 435 долл., при этом разница в доходах 10% наиболее богатых граждан и 10% наиболее бедных (децильный коэффициент) составляет 6 раз, примерно столько же, сколько в Западной Европе.

В России, при всех усилиях нынешнего руководства, в социальной сфере множество нерешенных проблем. За чертой бедности, только по официальным данным, живет почти 25 млн. человек, или более 17% населения. Постоянно растет разрыв в доходах, децильный коэффициент по государственной статистике в 2008 году составил 16 раз, а по неофициальной — 35. Общество разъедает невиданная коррупция, массовое неуважение к законам и властям.

Но справедливости ради, следует отметить, что знаменитая белорусская «социалка», являющаяся визитной карточкой руководства Беларуси, во многом основывается на сравнительно дешевых энергоресурсах, поставляемых РФ, на особых условиях снабжения республики другой продукцией. По оценкам специалистов, Беларусь ежегодно получает от России различные преференции на сумму порядка 4 млрд. долл.

Среди причин, затрудняющих интеграцию двух стран, — противодействие Евросоюза и США. По отношению к Беларуси Запад активно

использует политику «кнута и пряника». То запрещают въезд президента и высших чиновников РБ в страны ЕС и в Штаты, арестовывают счета крупных компаний и вводят против страны торгово-экономические санкции, то отменяют «черный список», вовлекают Беларусь в «Восточное партнерство», посылают в Минск Х.Солано и других еврокомиссаров. Не исключено, что Запад затеял новую игру с Беларусью, цель которой — оторвать РБ от РФ. Складывается впечатление, что в свою очередь руководство республики вступает в эту игру, демонстративно заигрывая с Западом и постоянно намекая на возможный дрейф в его сторону.

В строительстве Союзного государства трудно переоценить значение *президентского фактора и правящей элиты*.

Лидер Беларуси пришел к власти в 1994 году на волне народной поддержки (им было получено более 80% голосов избирателей). Одним из пунктов предвыборной программы Лукашенко было всемерное сближение с Россией, которое юридически оформлено Договором о создании Союзного государства. Что касается первого президента России, то его шаги по созданию Союза были продиктованы несколькими обстоятельствами: стремлением повысить свой резко упавший авторитет, осознанием стратегического характера двуединого государства, а также психологическим ощущением вины за Беловежские соглашения 1991 года, оформившие развал СССР.

Министр иностранных дел России того времени Е.М.Примаков вспоминает: «Некоторых, находившихся вблизи от Ельцина в то время, когда готовились и согласовывались документы о союзе, действительно можно было отнести если не к прямым противникам сближения, то, во всяком случае, к недоброжелателям этого процесса. Но уверен, что никто из них не осмеливался «в лоб» высказываться Президенту против союза. Может быть, здесь сказывался у Ельцина и «беловежский комплекс», когда в одночасье были приняты далеко не во всем продуманные решения, но так или иначе Ельцин был — у меня нет в этом никаких сомнений — за союз с Беларусью»¹.

В.В.Путин, являясь преемником Б.Н.Ельцина, свой первый зарубежный визит предпринял именно в Беларусь. В июне 2002 года президент России на встрече с сотрудниками Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева расставил новые акценты в российско-белорусских отношениях. В частности, он отметил, что экономика Беларуси составляет лишь 3% от российской, и в этой связи высказался против желания Беларуси зарезервировать за собой право вето на принимаемые решения. Тем самым Путин в отношениях с Беларусью провозгласил принцип прагматизма, что не нашло понимания у Лукашенко, который, давая оценку этому выступлению, сказал, что «Союз

¹ Примаков Е.М. Годы в большой политике. — М., 1999. С. 388.

нужен простым людям, а не президентам, у российской стороны нет желания двигаться в направлении единения братских народов Беларуси и России».

Знаковой стала встреча президентов двух государств в августе 2002 года. Президент России, в противовес идее создания Союзного государства на основе полного равноправия обеих сторон, предложил создать единое государство с фактическим соблюдением принципа равенства регионов Беларуси и России как субъектов единого государства. Для белорусского президента такой вариант был неприемлем. Он назвал высказывание В.В.Путина «неуважительным» и пообещал хранить белорусский суверенитет «как зеницу ока»². Пожалуй, именно с этой встречи президентов, особенно учитывая их эмоциональность, начался период так называемого преобладания «личностного фактора» в отношениях.

Достаточно показательным лавированием президента Беларуси при возникновении ставших уже традиционными энергетических конфликтов с Россией. Каждый раз президент Беларуси сожалеет об ориентации на Россию и выражает готовность к сотрудничеству с Западом. К примеру, в ситуации газового кризиса 2004 года. Лукашенко в очередной раз придал экономической ситуации политическую окраску. На состоявшемся 19 февраля этого года экстренном заседании правительства Беларуси он заявил: «Сейчас весь мир борется против терроризма. Я считаю, что это акт терроризма на самом высоком уровне, когда в 20-градусный мороз страну — не чужой народ, население, у половины которого течет русская кровь, лишают природного газа. Белорусско-российские отношения, видимо, надолго будут отравлены этим газом».

Россия в данном случае уже не могла молчать, так как под удар, кроме российско-белорусских отношений, была поставлена ее международная репутация в качестве надежного поставщика энергетических ресурсов. В феврале 2004 г. МИД России выступил с официальным заявлением, осуждающим высказывание и действия президента Беларуси: «На президенте Беларуси лежит ответственность за те системные ошибки во внутренней и внешней политике страны, которые тормозят социально-экономическое развитие государства и которые уже привели к изоляции Беларуси на международной арене... Спровоцировав кризис вокруг поставок российского газа, Лукашенко таким образом пытается отвести от себя критику и переложить ответственность за свои ошибки на Россию»³.

Свое раздражение политикой России А.Лукашенко перенес и на российско-белорусское сотрудничество в военной и транспортной сфе-

² Из выступления А.Лукашенко 6 ноября 2002 года. Официальный сайт Президента Беларуси: www.prezident.gov.by

³ Из официального заявления МИД России 19 февраля 2004 года. Официальный сайт МИД России: www.mid.ru

рах: «Беларусь за копейки обслуживает Россию — противоздушную оборону, автотранспорт, железнодорожный транспорт»⁴. И многократно цитировавшаяся фраза: «Летают, ползают, ходят — все это фактически бесплатно».

С нынешним президентом России Д.А.Медведевым руководитель Беларуси поначалу стремился улучшить отношения и найти пути к большему взаимопониманию. Но и сейчас глава белорусского государства при любом удобном случае критикует позиции России, инициирует напряженность в отношениях двух стран. Они вновь обострились весной-летом 2009 года, особенно после сигналов Евросоюза и США о смягчении своего отношения к Беларуси и к ее лидерам, а также после встречи А.Г.Лукашенко с Папой римским Бенедиктом XVI в Ватикане. Белорусский президент стал пространно рассуждать о необходимости многовекторности внешней политики РБ, о том, что республика находится в центре Европы и ее народ разделяет европейские ценности. Он сравнивает Беларусь с пешеходом, который, находясь на перекрестке, должен смотреть в разные стороны, иначе собьют и т.д. Отсюда, мол, интерес к «Восточному партнерству», все большая ориентация не только на Запад, но и на Китай.

Интерес Лукашенко к более сложной и самостоятельной внешней политике можно объяснить, но трудно понять его логику растущей конфронтации с Россией. Летом 2009 года состоялся визит в Минск министра финансов РФ А.Кудрина, который, не обременяя себя дипломатией, в нелестной форме отозвался о состоянии экономики и финансов Беларуси. В ответ Лукашенко сравнил его с местными отморозками, которые «вякают на западные деньги», и предложил своим министрам «не кланяться России и искать счастья в других уголках планеты». Дальше — больше. Не без ведома руководства РФ главный санитарный врач страны Г.Онищенко ввел запрет на ввоз белорусского молока под предлогом несоответствия белорусских продуктов российским стандартам. Президент Беларуси брошенную перчатку поднял и ответил более чем ассиметрично: не прибыл в Москву на сессию Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), где принималось решение о создании в рамках этого военно-политического альянса коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). На следующий неформальный саммит ОДКБ, который состоялся в августе 2009 года в Киргизии, лидер Беларуси приехал, но так и не подписал документы о КСОР⁵.

В этих коллизиях весь Александр Григорьевич — клянущийся в любви к России и постоянно конфликтующий с ее руководством, лави-

⁴ Независимая газета, 22.03.2004 г.

⁵ 20 октября 2009 года в секретариат ОДКБ поступили документы, подписанные Республикой Беларусь.

рующий между Западом и РФ, слишком импульсивный в суждениях и оценках, зачастую играющий на политическом поле не по правилам, а иногда и на грани фола.

Вместе с тем надо отдать должное президенту Республики Беларусь — это талантливый и волевой политик, популярный у своего народа и последовательно отстаивающий его интересы. Но драма его в том, что, правильно определив стратегическую линию на союз с Россией в начале своей президентской карьеры, он впоследствии начал двигаться вопреки собственной внешнеполитической концепции, постоянно испытывая терпение своего восточного соседа и его лидеров.

Интеграции двух стран препятствует и часть их правящей элиты. В Российской Федерации есть политические силы, которые выступают против союза. В данной связи несложно понять слова А.Лукашенко, произнесенные им на встрече в Минске с руководителями региональных СМИ России (сентябрь 2006 года): «Вы говорите о Союзном государстве... Когда россияне спрашивают, в чем дело, я задаю один вопрос: скажите нам, наконец, чего вы хотите от Беларуси в этом союзе? Ничего вы не хотите, вы не хотите этого союза. Элита ваша этого не хочет».

Вместе с тем и элита Беларуси тоже не горит желанием соединиться с Российской Федерацией. Отдельные правительственные чиновники предпочитают смотреть на Россию сквозь «черные очки», через подвластные СМИ они пытаются убедить белорусов в том, что все происходящее у них в стране — хорошо, а в России — все плохо. Другие понимают, что построение Союзного государства выгоднее Беларуси, чем России, но неопределенность собственной судьбы и неясность своего статуса в новом государстве сковывает их инициативу. Серьезные сбои в союзном строительстве обусловлены и тем, что его установление ведется «сверху», на уровне госаппаратов. Огромный потенциал общенности двух стран оказался незадействованным.

Между нашими государствами отсутствуют непреодолимые противоречия, груз взаимных претензий и обид. Сама история и современная действительность создали объективные предпосылки для единения России и Беларуси. Русские и белорусы — единокровный православный народ, в Беларуси в ходу прибаутка: белорусы — это те же русские, но со знаком качества. У нас общее прошлое и схожие проблемы сегодня, мы взаимозависимы.

Для Беларуси Россия — крупнейший рынок сбыта, источник дешевого газа, нефти и кредитов, надежный гарант безопасности республики — прикрывает ее «ядерным зонтиком». Для России Беларусь тоже имеет исключительно важное значение: это естественный геополитический союзник, щит между НАТО и РФ. Беларусь прикрывает российскую границу с Западом, в Барановичах и Вилейке расположены российские военные объекты: радиолокационная станция и узел даль-

ней связи с кораблями ВМФ. Подписано соглашение о создании единой системы ПВО. Республика Беларусь является кратчайшим транспортным коридором на Запад, через ее территорию проходит нефтепровод «Дружба», автомобильный и железнодорожный транзит товаров в Европу и обратно.

Признавая принципиальную важность строительства Союзного государства, тем не менее приходится обозначить ряд неутешительных выводов. Во-первых, заключенный 10 лет назад Договор о его создании во многом оказался политически конъюнктурным, уязвимым с экономической, финансовой, правовой сторон. Не решены принципиальные вопросы: модель Союза, единая валюта, общее экономическое и политическое пространство и др. Взять, к примеру, проблему принятия решений в рамках Союзного государства. Принцип «одна страна — один голос», предлагаемый РБ, неприемлем для РФ, учитывая несопоставимость в численности населения, размере ВВП, оборонном потенциале и т.д. Вариант же пропорционального представительства не годится для Беларуси, ибо в таком случае у нее остается лишь право совещательного голоса.

Во-вторых, строительство Союза оказалось чрезмерно персонифицированным, в результате неудачи в создании объединенного государства и в Беларуси, и в России относят на счет их руководителей. В РФ в последнее время довольно часто звучит тезис: строительство Союзного государства все еще возможно, но без Лукашенко. Такой подход чрезмерно упрощает ситуацию или даже заводит ее в тупик. Судя по всему, в ближайшие годы лидер Республики Беларусь не сдаст своих позиций. К тому же нельзя забывать, что именно он был инициатором Союза и затянувшийся «долгострой» ощутимо бьет по его авторитету. Да и не факт, что другой руководитель РБ будет более лояльным по отношению к РФ. Представляется, что политику интеграции следует строить на более прочных основаниях, чем диалог президентов.

В-третьих, пореформенная Россия, которая вот уже много лет находится в состоянии системного кризиса, так и не стала примером для своих соседей, не смогла организовать успешную реинтеграцию постсоветских государств, обеспечить внятную политику власти в этом направлении. Отсюда — напряженность в отношениях с рядом близких нам стран и отсюда же — потеря веры в идею Союза.

Однако не следовало бы ставить крест на этом проекте. Вспомним, что Европейский Союз к своему нынешнему состоянию шел 50 лет. К тому же можно строить союзнические отношения и без создания общих государственных структур, где камнем преткновения будет, к примеру, вопрос типа: а может ли глава Республики Беларусь стать президентом объединенного государства? История знает немало примеров, когда союзы государств разваливались, едва успев формально соорганизоваться. И, наоборот, примером отличных союзнических

отношений являются США и Канада, которые успешно развивают эти отношения без надгосударственных органов.

Главное сейчас в российско-белорусских взаимодействиях — не допустить их развития по худшему сценарию, когда может произойти полное взаиморазочарование и окончательный «развод». Чтобы не допустить этого, руководящему составу двух стран следовало бы очень основательно и критично обсудить итоги десятилетнего пути и, поступившись амбициями, определить меры по коренному улучшению союзного строительства. Или же, отказавшись от иллюзий, предложить иной путь союзничества, основанный на реалистичных и твердо соблюдаемых договорах в экономике, политике, обороне и в гуманитарной сфере.

Геннадий БОЧАРОВ

КАНАЛ, КОТОРОГО В РОССИИ ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Мир давно переполнен идеями грандиозных и дерзких преобразований. Спасение человечества в том, что лишь ничтожно малая часть из них становится реальностью. Свою привлекательность прогрессирующая множественность замыслов утрачивает при первой же экстраполяции на ресурсную базу планеты.

Великие идеи и прожекты превращаются в иллюзии.

Но что-то все-таки остается. Что-то создается. И видоизменяет мир. Однако даже лучшее, что выстрадано, выверено и высокоэффективно, не отвечает чистоте первоначальных замыслов. Не оправдывает благих надежд. Причина: дуализм человеческих деяний. Вот только несколько примеров.

Больше пяти столетий назад зародилась идея создания летательного аппарата. Современный пассажирский лайнер, пересекая небо над Атлантическим океаном, переносит человека из Старого Света в Новый за восемь часов. Идея реализовалась.

За те же восемь часов огнедышащие турбины самолета сжигают несколько тонн чистого кислорода из земной атмосферы.

Обнаружили, что в земле есть нефть. Газ, соль, минералы, уголь, руда. Нашли применение. Но чтобы добыть эти богатства и создать мирохозяйственный комплекс, землю стали сверлить миллионами буров. Уродовать гигантскими карьерами. Рыть глубинные шахты.

Мировой океан обеспечивает половину пищевого рациона человечества. Способы добычи морепродуктов довели до совершенства. Океан приспособили под грандиозные масштабы перемещения людей и грузов. Одновременно загрязненность океана подошла к пределу.

Оборотная сторона преобразований и масштабных дел мало интересовала человека. Человек испокон веков стремился к сиюминутной выгоде. Эволюция сознания — вещь сверхзамедленного действия. Первые отчетливые голоса в защиту окружающей среды зазвучали

лишь в начале прошлого века. В его середине не замечать разрушительные процессы стало невозможно. Сформировалось вполне научное понятие — экология. И, наконец, наиболее продвинутая часть мира признала необходимость обязательной экологической экспертизы — как при реализации новых масштабных проектов, так и при доминирующем пока промышленно-индустриальном комплексе, которые достались нам от вчерашнего дня.

Это одна из тем, которая напрямую затрагивается предметом нашего разговора. Разговора, в центре которого стоит судьба грандиозного проекта — сооружения судоходного канала «Евразия». Канала, призванного «раскрыть» закрытое Каспийское море и соединить море с Мировым океаном.

Долгое время Каспийское море находилось в тени мировых интересов. Сегодня Каспий — это ударный энергетический кулак, нефтяная бочка огромной емкости. Плюс важнейший стратегический элемент мирового транспортного коридора. И, наконец, — это захватывающая экономическая и геополитическая перспектива. Ведущую роль в ней призвана сыграть одна из крупнейших водных магистралей мира — канал «Евразия».

Вторая тема, также связанная с идеей канала, — значение временного фактора. Только время — иногда века — способно быть критерием целесообразности и значения той или иной идеи. Создание авиации, строительство Суэцкого или Панамского каналов, деятельность человека в космосе и многое другое подтверждают это с неизменной логикой.

Все проходит через изнурительное испытание временем.

Судьба мега-проекта «Евразия» не исключение.

Наконец, третий аспект: оценочный. Стоимостной. Способна ли страна, в частности, Россия, испытывающая острую нужду в финансовых и иных ресурсах, приступить к реализации подобного проекта, когда, казалось бы, куда более важные жизненные нужды требуют своего разрешения? И бывает ли вообще подходящим или неподходящим время для подобных дел, если смотреть на века вперед, а не жить и действовать лишь в пределах сегодняшнего дня?

Поиск ответов

Чтобы понять величие замысла, следует определиться с его практической значимостью. Канал «Евразия» будет способен обеспечить стремительно растущие потребности в надежных транспортных связях между Европой и Азией. Именно он даст возможность выхода в Мировой океан странам Каспийского бассейна.

Проект — международный. В его строительстве могут быть заинтересованы многие государства, помимо России — это уже подтверждается главами пяти стран Центрально-Азиатского региона и Китая. К

проекту применимы и определения, которыми Россия совершенно правомерно и разумно обозначает свои национальные интересы: экономические, интеграционные, инвестиционные, наконец, геополитические.

Сооружение канала предполагает использование российской водно-транспортной системы в транспортной интеграции государств Каспийского, Черноморского и Средиземноморского регионов. Важно и то, что проект полностью соответствует целому ряду рекомендаций и решений, заложенных в итоговых документах международных организаций и «Транспортной стратегии России на период до 2030 года».

Чтобы получить более полное представление о проекте, я обратился к президенту Международного конгресса промышленников и предпринимателей, сенатору Совета Федерации России **Виктору Константиновичу Глухих**. В его разъяснениях не только необходимая конкретика, но и ассоциативные ответы на те общие вопросы, которые я затронул во вступлении к этому интервью.

Маршрут. Цели. Валюта для страны

Геннадий Бочаров (Г.Б.): Виктор Константинович, расскажите, пожалуйста, более полно о маршруте канала.

Виктор Глухих (В.Г.): Очевидным достоинством канала является то, что он проходит исключительно по территории Российской Федерации. Это ни на йоту не расходится с задекларированной правительством России задачей увеличения экспорта транзитных транспортных услуг. Замечу, кстати, что Франция, например, по некоторым данным, получает около 40% прибыли от транспортировки товаров именно в рамках транзитных услуг. То есть этот маршрут — дополнительная прибыль для страны. Авторы предполагают использование наиболее благоприятных географических условий Кумо-Манычской впадины и уже существующего Манычского водного пути. Длина «Евразии» при этом — около 700 км.

Г.Б.: То есть он будет короче канала Волго-Дон почти на 1000 км?

В.Г.: Да. Но о нем я скажу немного позже. По «Евразии» предполагается проход морского и речного транспорта с использованием судов, в том числе типа «река-море» грузоподъемностью до 10 тыс. тонн. При наличии канала основные перевозки из Европы могут осуществляться по системе внутренних водных путей Майн–Рейн–Дунай, Черному морю, а далее через канал «Евразия» до каспийских портов. Эффективность транзитных перевозок определяется, конечно, не только расстоянием. Но и тем, сколько дней или часов суда стоят без движения, как автомобили на улице Тверская в Москве. Видели, что делается на Волго-Доне? Он работает 55 лет. Ни одной реконструкции или капитального ремонта! Ситуация близка к критической.

Г.Б.: Видел. Видел и пробки на Суэцком и Панамском каналах.

В.Г.: Да, ситуация на Суэцком канале драматическая. Могу добавить, что огромное количество грузов, перевозимых, например, из Азии в Европу вокруг материка через Суэцкий канал, занимает от полутора до двух месяцев. Что же касается Панамского канала, то уже обнародовано решение правительства Панама вложить в его реконструкцию свыше 5 миллиардов долларов. Это увеличит его пропускную способность.

Г.Б.: А что сулит канал «Евразия», прозванный «Малым Суэцем»?

В.Г.: Десять дней.

Г.Б.: Серьезный фактор даже в мировых масштабах.

В.Г.: Да. По компетентным расчетам, время перевозки грузов из Европы в Азию и обратно (при условии использования судов класса «река–море») после создания канала «Евразия» может быть сокращено чуть ли не наполовину. А, кроме того, особо подчеркну принципиально важную суть сооружения канала, его мировое значение, о котором в одном из своих выступлений говорил Владимир Владимирович Путин: канал «не просто даст выход прикаспийским государствам в Черное и Средиземное моря, то есть в Мировой океан, а качественно изменит их геополитическое положение, позволит стать морскими державами».

В конечном счете, именно в этом и заключается революционность идеи, ее историческое предназначение. Вспоминаются и заявления президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, неоднократно озвученные им в печати и, кстати, на весеннем Петербургском международном экономическом форуме. Его позиция: для выхода товаров на рынки Европы необходимо более активно использовать инфраструктуру России и Казахстана. Дословно он сказал следующее: «Центральная Азия не имеет выхода к Мировому океану, этот выход может обеспечить Россия». Разумеется, речь о морском канале «Евразия». Можно добавить и заявления ряда руководителей субъектов Южного федерального округа России — практически круглогодичная эксплуатация канала (продолжительность навигации на Волго-Доне составляет около 250 суток в году) «Евразия», несомненно, улучшит социально-экономическую ситуацию в гигантском регионе страны. В Калмыкии, Ставропольском и Краснодарском краях, в Дагестане, в Ростовской области и так далее. Уместно, я думаю, привести здесь и слова генерального директора института «Севкавгипроводхоз» К.Н.Носова: «Следует признать, — написал он в Минсельхоз России, — что... развитие огромной территории в четырех регионах Северного Кавказа, тяготеющих к Кумо-Манычской впадине, начнется только с приходом пресной воды. Когда, в каком количестве и на какие цели — можно однозначно сказать: со строительством канала «Евразия». Других экономически обоснованных вариантов стока поверхностных вод с переброской в бассейн Маны-

чей пока не предусматривается...». Коснусь и частности: на этой предполагаемой территории могут получить работу более 1700 человек. А эксплуатация канала потребует еще как минимум 700 специалистов.

Кто вращает колесо?

Г.Б.: Думаю, что вполне уместно назвать инициаторов проекта.

В.Г.: Да. Это Международный конгресс промышленников и предпринимателей, «Фонд транспортных проектов», учрежденный МКПП, Международной инженерной академией и Международной академией транспорта (ФТП), ЗАО «Центр инвестиционных проектов и программ», а также Экспертный центр по безопасности гидротехнических сооружений «Гидротехэкспертиза» (ГТЭ).

В 2006 году было создано ООО «Дирекция проекта международного морского канала «Евразия». Его директором был назначен председатель комитета по транспорту Международного конгресса промышленников и предпринимателей, авторитетный специалист Леонид Николаевич Козлов. Основной задачей на первом этапе было обоснование целесообразности строительства канала «Евразия» с учетом экономических, экологических, социально-политических, геополитических и других основополагающих факторов.

В настоящее время по поручению правительств России и Казахстана на Евразийском банке развития (ЕАБР) организована сравнительная оценка технико-экономических характеристик проектов строительства новой судоходной артерии между Каспийским морем и Азово-Черноморским бассейном. Под судоходными артериями подразумеваются Волго-Дон-2 и «Евразия». Работу возглавляет ОАО «Институт Гидропроект». Соисполнителями являются ведущие проектные и научные организации России и Казахстана: ОАО «Гипроречтранс», ОАО «Севкавгипроводхоз», Южный научный центр РАН, ГНИУ «Совет по изучению производительных сил» (СОПС), АО «Казахский институт нефти и газа», ООО «Экспертный центр по безопасности гидротехнических сооружений «Гидротехэкспертиза».

Канал — отец нового флота

Г.Б.: Я знаком с Леонидом Николаевичем Козловым. Его соображения по поводу не только «водной» составляющей канала «Евразия», но и государственных приоритетов представляются мне чрезвычайно актуальными. Например: реализация судоходного канала «море—море» для России означает потребность в создании современного специализированного флота, т.е. ускоренное развитие отечественной судостроительной промышленности. Плюс инновационные технологии в строительстве и эксплуатации. Важнейший момент.

В.Г.: Совершенно справедливо.

Г.Б.: Кроме того, по мнению Л.Козлова и других стратегически мыслящих людей, мегапроект канала сыграет свою положительную роль в преодолении мирового экономического кризиса и принципиально необходим в посткризисный период, характеризующийся промышленным ростом и, как следствие, увеличением перевозок сырья, промышленных товаров и сельхозпродуктов, в том числе водным транспортом.

В.Г.: Это важно. Вы говорите о тех или иных факторах, связанных с необходимостью строительства канала «Евразия», ссылаясь на компетентное мнение специалистов. Но есть и еще одна сторона дела: страна должна иметь большую, современную, разветвленную транспортную инфраструктуру, в том числе и водную.

Стране выгодно иметь не один или два или даже три канала, если позволяет территория и экономика, а значительно больше. «Евразия» — не соперник канала «Волго-Дон» или «Волго-Дон-2», а стратегически важное дополнение транспортного «богатства» страны. Чем больше каналов, тем лучше для России. Сравнить их достоинства — дело, мягко говоря, инженерное. А их количество — дело разумных политиков.

Деньги плюс деньги

Г.Б.: Прямой вопрос: каким, по вашему мнению, может быть бюджет сооружения «Евразии»?

В.Г.: Прямой ответ: примерно 6 миллиардов долларов. Это — данные предварительных проработок независимыми экспертами. Средства для великих проектов есть. Ими необходимо лишь грамотно распорядиться. При этом — заметьте — сумма, о которой идет речь, при реализации проекта для России, несомненно, уменьшится.

Г.Б.: С чего бы это?

В.Г.: Речь ведь идет о международном канале, в котором заинтересованы, как уже подчеркивалось, не только прикаспийские страны, но и страны Евросоюза и Азии, входящие в Шанхайскую организацию сотрудничества. Это лучшая гарантия крупномасштабных инвестиций в реализацию проекта. Казахстан и Китай, кстати, уже сегодня готовы к практическим действиям.

Исключительно целесообразным представляется ситуация, при которой финансированием, включая инвестиционную составляющую «Евразии», смог бы заняться Евразийский банк развития, который создали Россия и Казахстан.

Г.Б.: Можно, кстати, привести и слова руководителя среднеазиатского Института стран СНГ Андрея Грозина: «Ясно, что Россия заинтересована в подобного рода крупных проектах...».

Вода — это политика. Политика — это экономика

В.Г.: Я знаком с анализом проекта «Евразия», проделанным А.Грозиным. Он совершенно справедливо говорит не только об очевидной экономической выгоде канала для России. Но и о его политических аспектах. Например: «Россия, реализовав подобные проекты, явно усилит свое геополитическое влияние ... во всей Центральной Азии. Если грузы пойдут через российскую территорию, гармонизировать взаимные претензии будет гораздо проще, чем если они пойдут через южно-кавказские республики».

При этом нелишне, наверное, заметить, что речь идет о грузообороте до 45 миллионов тонн — столько сможет нести на своих водах «Евразия» при полном развитии. И вдвое больше — при строительстве второй нитки. Хочу привести еще одно мнение. «При реализации проекта «Евразия» в экономику Южного федерального округа будет вложена беспрецедентная по своему объему сумма», — заявил, например, директор Института эффективного управления «Система» Дмитрий Савельев. При этом, говорит он, речь идет не только о бюджетных средствах, но и о деньгах инвесторов.

Экологический светофор

Г.Б.: Есть одно обстоятельство, без учета которого сегодня никакой проект — ни великий в своем дерзновении и целесообразности, ни самый выгодный с экономической точки зрения — не может быть реализован. Это обстоятельство — экология. Человечество подошло к черте, за которой борьба с окружающей средой становится смертельной. Как для человека, так и для природы. Так?

В.Г.: Так.

Г.Б.: Какое место в работе над предпроектной документацией занимает эта тема?

В.Г.: К проработке экологических аспектов строительства «Евразии» были привлечены специалисты профильных институтов и научных центров РАН, часть которых участвует в работе по заданию ЕАБР. Это ЮНЦ РАН, Новочеркасская государственная мелиоративная академия, «Севкавгипрорудхоз» и другие. Их компетенция не подлежит сомнению. Но, разумеется, не исключает научных дискуссий и с другими профильными организациями. Это наша принципиальная позиция.

Г.Б.: Главный специалист «Гидротехэкспертизы» профессор Станислав Николаевич Левачев в нашем с ним разговоре наибольшее внимание уделял району Кумо-Манычской впадины. Это, как я понимаю, один из самых ответственных и «исторических» участков проекта. Что вы можете сказать по этому поводу?

В.Г.: Я могу повторить лишь то, что уже сказали специалисты. В восточной части Кумо-Манычской впадины положение, с точки зре-

ния экологии, близко к критическому. Причина? Из-за постоянного дефицита водного баланса, сброса коллекторных и дренажных вод здесь происходит процесс минерализации земель, грунтовых вод и водоемов. Выход? Скорейшая подача в регион дополнительных объемов пресной воды. Это изменит водный баланс. И вслед за этим улучшит экологическую обстановку и сельскохозяйственное освоение земель Прикумья и соседних Черных Земель. Специалисты также утверждают, что подача в Кумо-Маньчскую впадину части полноводного стока рек Терек и Кубань, позволит снизить угрозу наводнений в обширных районах Северного Кавказа. То есть канал «Евразия» — это спасение, а не угроза.

Г.Б.: Профессор Левачев рассказал мне еще об одной вроде бы частной истории с птицами. Некоторые экологи утверждают, что в районе существующих водохранилищ при строительстве канала могут быть разрушены природные гнездовья птиц.

В.Г.: Надеюсь, он рассказал вам и о том, что в этом факте правда, а что — нет.

Г.Б.: Да. Сказал, что для спасения отнюдь не природного гнездовья необходимо будет выделить специальную акваторию. И птицы ее примут. Как приняли нынешнюю, отнюдь не природную, а рукотворную. Тем, кто заботится о птицах, следовало бы знать, что птицы разумнее людей. Птицы распорядились водохранилищами (Веселовским, Пролетарским), построенными для транспортных целей, лучше людей. Это не естественные водоемы. «Естественными» их сделала человеческая хозяйственность. Водоохранилища когда-то соорудили для транспортных целей, но ими не пользовались. А птицы воспользовались.

В.Г.: Хотел бы добавить, что прорабатывается вариант трассы канала по южному склону Кумо-Маньчской впадины вдоль водохранилищ, практически не затрагивающий их акватории, как и акваторию озера Маньч-Гудило. Такой вариант практически исключит отрицательное воздействие на их экосистему.

Г.Б.: А откуда взялись эти водохранилища в регионе Кумо-Маньчской впадины? Рукотворные каналы, следы активной мелиоративной деятельности? И почему этот район оказался чуть ли не в центре «проектной» мысли инициаторов «Евразии»?

В.Г.: Это исторический роман.

Отложив остальные дела, я взялся за изучение исторического романа.

Султан Селим II, Петр I и Сталин

Кому первому пришла в голову мысль о соединении Каспийского закрытого моря с Черноморско-Азовским бассейном, установить сегодня уже невозможно. Но зато точно известно, что в... 1569 году турецкий султан Селим II предпринял первую практическую попытку реализовать идею.

Вторая попытка пришлась на 1677 год. Идею вознамерился осуществить Петр I. Попытка оказалась не более результативной: в 1701 году активное строительство похоронила Северная война со Швецией.

Можно продолжать грустный рассказ о новых и новых начинаниях и продолжениях работ. Народ никогда не оставляет в прошлом того, что может пригодиться в будущем. Причины неудач были разными.

Самый прочный крест на проекте Петра I был поставлен в 1710 году. Прошла пара столетий.

Помолодевшая идея возродилась в новом, невиданном мире — социалистическом, в 1932 году. Необходимость работы по соединению Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов с использованием Кумо-Маньчской впадины была предложена Постановлением Совнаркома СССР. Работы велись достаточно интенсивно. В 1935 и 1936 годах сразу по трем гидроузлам: Усть-Маньчскому, Веселовскому и Пролетарскому. В передовых был третий участок — он пролегал от реки Кума до Каспия. Собственно, эти первые километры и были частью канала «Евразия». Тогда же в Маньче и появилось водохранилище, заселенное впоследствии птицами. И более 300 км канала.

Но вскоре и эти работы в сталинское время также уперлись в стену. Это была стена из огня и свинца. Финская война... Великая Отечественная война...

После войны востребованным стал Волго-Донской канал, поскольку это был период расцвета речного флота в СССР. И в 1952 году его ввели в эксплуатацию с подачей воды на водораздел насосными установками. Его назначение и работа важны до сих пор. Особенно в связи с «реконструкцией политического пространства» бывшего СССР — образованием самостоятельного государства Украины.

Сравнивать приоритеты канала Волго-Дон с «Евразией» некорректно. Подчеркнем еще раз: Волго-Дон соединяет две реки. А «Евразия» — моря. Предназначение канала — соединить могучий, нарастающий товарооборот между Китаем, странами Центральной Азии и России с европейским рынком. В этом — его главное отличие и уникальность.

Эпилог

...Возможно, в наше время дело обретет куда более реалистический характер, чем в далеком прошлом — интеграционные и технические возможности XXI века не чета лопатам и киркам времен Селима II, Петра I и даже сталинским.

За века каспийская пружина достигла той степени потенциальной энергии, при которой бездействовать и ждать ее внезапного высвобождения уже не только безответственно, но и крайне опасно.

Всмотритесь в географическую карту.

ДЕБЮТ

В сегодняшнем номере — статья студентки 3-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ Марии Павловой.

Мария ПАВЛОВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

«Демографическая ситуация в стране такова, что сейчас, по существу, все понимают: демографический фактор, демографическая ситуация будут одним из самых узких мест, сдерживающих развитие России и, вообще, в известном смысле, ставящих под вопрос ее будущее».

А.Г.Вишневецкий

«Кризис — это время для размышлений».

С.А.Караганов

Несмотря на значительное продвижение в осознании правительством необходимости демографической политики, этот вопрос остается одним из наиболее проблемных — принимаются государственные программы, проводятся конференции, исследования, консультации с ведущими российскими и западными специалистами, а существенных, соотносимых с затратами, результатов как не было, так и не ожидается.

Мировой финансовый кризис дал России уникальную возможность и шанс задуматься над тем, куда именно наша страна идет, зачем и какими путями продвигается. Это время, чтобы остановиться и задуматься над тем, на что именно тратятся средства федеральных и местных бюджетов, какие из существующих демографических программ действительно эффективны и можно ли в действительности влиять на процессы смертности и рождаемости, брачности и разводимости существующими политическими инструментами.

Сегодня демографическая проблема — одна из наиболее важных и срочных — если время будет упущено, возможности исправить эту

ошибку история нам может и не предоставить. Кризис — это шанс для России пересмотреть свои задачи и приоритеты. У нас больше нет и не будет финансовой возможности работать с демографической ситуацией методом «научного тыка». Собственно, времени на столь смелые эксперименты у нас тоже не осталось.

С момента первой Всероссийской переписи 1897 года население России росло не непрерывно: в XX веке наблюдалось 4 остановки. Первый перерыв — гражданская и Первая мировая война, второй — голод 1932–1933 годов, третий — Вторая мировая война и, наконец, 1992 год — сокращение населения, которое не было вызвано ни войной, ни природной катастрофой, но которое не остановилось до сих пор — и мало вероятно, что мы сумеем остановить его в ближайшем будущем.

Если бы мы могли исключить указанные выше факторы: население РФ в текущем, 2009 году, достигло бы отметки в 250–260 млн. На практике ситуации было суждено сложиться совсем по-другому: своего пика население нашей страны достигло в 1992 году — 148 млн. — величины незначительной, учитывая огромный ресурсный и территориальный потенциал нашей страны; величины, которая через несколько десятилетий будет казаться недостижимой и желанной мечтой. К сожалению, это не преувеличение — демографические тенденции, подобно любым социально-экономическим процессам, имеют тенденцию к инерциальному движению.

Рассмотрим коэффициент нетто-воспроизводства, отражающий количество девочек, которые приходят на смену поколению матерей. Напомню, что нетто-коэффициент, равный единице, означает простое воспроизводство, при котором количественные показатели населения остаются на стабильном уровне; нетто-коэффициент, превышающий единицу, отражает ситуацию расширенного воспроизводства; меньший единицы — суженного. В последнем случае некоторое время еще может продолжаться номинальный рост численности за счет более высокой рождаемости в прошлом и многочисленного поколения матерей, но чем дольше население находится за чертой простого воспроизводства, тем сложнее будет преодолеть естественную убыль. Для того чтобы противостоять тенденции, недостаточно увеличить рождаемость до уровня 2,2 ребенка на одну женщину — население все равно продолжит сокращаться. Необходим еще более значительный рост рождаемости при одновременном снижении смертности, однако рождаемость в данном контексте приоритетна.

Рассмотрим еще один, уже упомянутый, показатель — суммарный коэффициент рождаемости, представляющий собой среднее число рождений на одну женщину. Как и нетто-коэффициент, он не зависит от возрастной структуры. Простое воспроизводство обеспечивается значениями коэффициента в пределах 2,1–2,2 ребенка, в зависимости от показателей смертности. Даже во Франции, в стране с наивысшим

в Европе уровнем воспроизводства, коэффициент колеблется в пределах 1,8–1,9 ребенка на одну женщину. В США ситуация несколько лучше — 2,4, однако разница обеспечивается носителями преимущественно неевропейской культурной традиции.

Можно ли какими-либо методами повлиять на рождаемость? Однозначного ответа на данный вопрос до сих пор нет. Европейская практика демографической политики стойкого положительного результата дать не смогла. Да и суммарный коэффициент рождаемости более опытных соседей России нам не очень подходит — придется разрабатывать свои, уникальные методики. Ситуация еще сильнее осложняется тем, что, как было отмечено ранее, уровень 2,2 необходим для поддержания воспроизводства в стабильных условиях — в текущей ситуации рождаемость необходимо повысить, как минимум, до уровня 2,5–3 детей на одну женщину, чтобы компенсировать малочисленное поколение женщин 1990-х.

Здесь необходимо остановиться и задуматься: а нужно ли что-то разрабатывать, тратить деньги, пытаться переломить общеевропейскую тенденцию? Можно ли, а главное, нужно ли сражаться с объективными законами развития общества? На этот вопрос нет единственно правильного ответа — все зависит от того, как мы видим будущее нашей страны.

По прогнозам ООН, население России к 2050 году сократится до 116 млн., что, на мой взгляд, представляет собой реальную угрозу безопасности нашей страны, особенно в условиях соседства с Китаем. Никто не говорит о перспективах военного вторжения, более того, Россия всегда отличалась мультиэтническим составом населения, однако перспективы строительства русско-китайской империи отклика в моем сердце почему-то не находят. Во время последних выборов в Америке один из высокопоставленных чиновников с иронией заметил: «Почему русские так обеспокоены проблемами снижения численности населения: чтобы обслуживать трубу, вполне хватит и 50 млн.». Действительно, хватит и 20, а при соответствующем развитии технологий и 10 млн... Только я желала бы нашей стране более достойного ее потенциала и истории будущего. Говоря же о резерве повышения рождаемости, я бы хотела привести небольшое статистическое сравнение: в США число абортс на 100 живорождений составляет 29, в Швейцарии — 15. В России показатель за последние 15 лет снизился на 58%, составив в 2005 году беспрецедентную для развитого мира цифру — на 100 родившихся в России приходится 119 абортс.

Что на самом деле влияет на рождаемость? Для международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы» в 2006 году Т.М.Малевой и О.В.Синявской был подготовлено и проведено исследование «Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызо-

вы социальной политике». Обратимся к краткому итогу исследований, согласно которым для всех женщин значимые социально-экономические детерминанты репродуктивных намерений включают:

- 1) тип поселения (город/село): абсолютное число рождений в расчете на одну женщину на селе по-прежнему оставалось выше;
- 2) образование: наибольшую потребность в детях демонстрируют женщины с высшим образованием;
- 3) состояние в браке или наличие партнера в домохозяйстве: женщине с партнером в домохозяйстве проще строить планы относительно рождения детей, однако при наличии партнера факт регистрации брака не влияет на желание завести ребенка;
- 4) религиозность: сильная степень религиозности (православие, другие христианские вероисповедания или ислам) повышает вероятность желать еще одного ребенка;
- 5) занятость женщины и партнера: занятые женщины в среднем более готовы к рождению ребенка по сравнению с незанятыми, но от занятости партнера желание иметь ребенка в основном не зависит;
- 6) душевой доход членов домохозяйства: чем выше доход, тем больше намеревающихся родить ребенка;
- 7) социально-психологические факторы: наиболее сильное влияние на желание завести ребенка (вообще или в ближайшие 3 года) оказывает то, как, по мнению женщины, отнесутся к ее решению ее близкие (партнер, родители); положительное отношение близких к возможному рождению ребенка компенсирует негативное влияние на репродуктивные намерения как дохода, так и имеющегося числа детей¹.

Таким образом, становится очевидным, что потенциал для повышения рождаемости у России действительно есть. Однако, как показало обследование, желание иметь ребенка во многом зависит от отношения первичной группы, т.е. ближайшего окружения. Чуть меньше влияет жилищная обеспеченность — решение данной проблемы в будущем даст существенно более ощутимый эффект по сравнению с материальными выплатами. Однако на сегодняшний день правительство стимулирует рождаемость именно деньгами (материнский капитал, сертификат роженицы и т.д.). Исследование, кроме того, наглядно показало несостоятельность политики, направленной на возрождение традиционного института брака — факт регистрации никак не влияет на желание женщины завести ребенка.

Таким образом, можно сделать вывод, что в долгосрочной перспективе государству было бы выгоднее направить потраченные на суще-

¹ Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М.Малевой, О.В.Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСИ, 2007. 640 с.

ствующие программы стимулирования рождаемости средства в создание и развитие необходимой для родителей и детей инфраструктуры, так как недостаточная оснащенность детских поликлиник, неразвитость сети детских государственных досуговых учреждений, недостаточное количество яслей и детских садов — одни из самых существенных барьеров на пути повышения рождаемости.

В сложившейся ситуации нельзя подходить к проблеме с какой-то одной стороны — нужна планомерная работа одновременно по всем направлениям. Физиками еще в советское время был разработан оригинальный метод решения комплексных задач с взаимозависимыми элементами — метод последовательного приближения. Согласно данной технологии, бесполезно пытаться сначала полностью преодолеть одну беду, потом — другую; необходимо постепенно, последовательно уменьшать то одну трудность, то другую, и так приближаться к цели. Но для этого, безусловно, саму цель надо четко представлять. Равно, как и начальные условия. На базисе сюрреалистической «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» серьезную и адекватную реальной демографической и социально-экономической ситуации политику построить практически невозможно.

В заключение необходимо отметить, что для достижения реальных результатов придется работать. Работать много и долго. А для этого надо обладать определенной долей уверенности, что наши усилия будут потрачены не зря — ведь к разным целям ведут совсем разные дороги. Задача удвоения ВВП и снижение зависимости страны от экспорта энергоресурсов — две абсолютно разные цели, а организовать видимость демографической политики в сотни раз легче, чем создать реально и эффективно работающую систему.

Что мы хотим построить — «инновационную империю» или «демократию по американскому образцу»? Чем мы будем измерять наш успех — уровнем роста ВВП, уровнем образования, количеством НИИ, продолжительностью жизни или количеством зарегистрированных на Лондонской бирже компаний? И только после того, как мы найдем достойные ответы на эти вопросы, мы сможем пойти дальше, уже не сомневаясь и не поворачивая на середине пути.

Остается надеяться, что все вместе мы сможем сделать правильный выбор.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ФОРУМ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЯДЕРНОЙ КАТАСТРОФЫ

«Итоги заседания Подготовительного комитета 2009 года и перспективы конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия 2010 года. Развитие ситуации вокруг ядерных и ракетных программ Ирана и Северной Кореи»

Гостиница «Гранд Отель Кемпински», Женева, Швейцария.
2 июля 2009 года.

Сокращенная стенограмма

Открытие заседания

В.Дворкин: Позвольте от имени президента Люксембургского форума доктора Вячеслава Кантора выразить глубокую признательность за то, что вы нашли возможность принять участие в заседании Рабочей группы Международного Люксембургского форума.

В ходе сегодняшнего заседания мы будем обсуждать итоги работы Подготовительного комитета 2009 года и перспективы конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 2010 года, а также динамику изменения ситуации вокруг ядерных и ракетных программ Ирана и Северной Кореи.

В этих вопросах наметились как позитивные, так и негативные изменения. Прежде всего, получает дальнейшее развитие Инициатива движения к безъядерному миру. Это движение все более усиливается, и не только на уровне общественных организаций и выдающихся международных деятелей. Новая американская администрация во главе с президентом Бараком Обамой, так же, как и российский президент Дмитрий Медведев, в целом поддержала это движение. В этом же направлении работает и Австралийская группа.

Есть надежда, что те препятствия, которые привели к неудаче предыдущих обзорных конференций, на этот раз будут сняты. В связи с этим можно рассчитывать на успех конференций по рассмотрению ДНЯО 2010 года.

Однако по-прежнему значительный негативный заряд несет в себе ситуация, складывающаяся вокруг ядерных и ракетных программ Ирана и Северной Кореи. Прошедшие в этом году президентские выборы в Иране, судя по всему, приведут к дальнейшему усилению агрессивности иранского режима. В этих условиях иранская ядерная программа военного значения будет, возможно, развиваться в ускоренном темпе.

Как признают многие международные эксперты и члены Люксембургского форума, решающие шаги, которые способны обеспечить успех конференции по рассмотрению ДНЯО 2010 года, должны делать США и Россия. Это относится, в первую очередь, к достижению до конца этого года нового Договора по сокращению стратегических наступательных вооружений.

Проблемы на пути к новому Договору известны. Во-первых, российская сторона делает достаточно жесткую увязку этого процесса с решением США по ограничению или даже отказу от планов по развертыванию третьего позиционного района ПРО в Чехии и Польше. Во-вторых, проблема сокращения стратегических носителей США. И, наконец, планы оснащения стратегических носителей высокоточными неядерными зарядами. Определенный оптимизм внушает демонстрируемая политическая решимость достичь согласия и подписать новый договор до конца текущего года.

Важно также, чтобы другие официальные члены «ядерного клуба» — Великобритания, Франция и Китая — присоединились к консультациям по транспарентности своих ядерных вооружений. Можно пригласить эти страны в добровольном порядке присоединиться к части тех мер доверия, которые в избыточной степени продолжают действовать в рамках Договора СНВ-1. Подобные меры позитивно повлияли бы на результаты конференции 2010 года.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Итоги заседания Подготовительного комитета 2009 года. Конференции 2010 года по рассмотрению действия ДНЯО

Р.Экеус: Третье заседание Подготовительного комитета состоялось в начале мая 2009 года. Предыдущая обзорная конференции 2005 года была не очень удачна, в связи с чем под вопрос были поставлены все основные достижения в сфере нераспространения.

На заседании удалось сконцентрироваться на организационных вопросах и достаточно быстро достичь согласия по всем процедурным вопросам. Достигнута договоренность о повестке дня. Мы помним успех конференции 2000 года, поэтому взяли за основу тот документ. Кроме того, было достигнуто соглашение о председателе — это филиппинский посол Липран Кабактулан.

На заседании была проведена очень интересная дискуссия по общим проблемам мира, использованию ядерной энергии, региональным вопросам и т.д. Эта дискуссия проводилась в позитивной атмосфере, что во многом связано с приходом к власти в США новой администрации. Представитель США госпожа Миллер подчеркнула важность трех столпов ДНЯО, в частности, необходимости конкретных действий в области разоружения. Это было поддержано представителем со стороны движения неприсоединения.

Что касается принципа универсальности, делегация США заявила, что Израиль — одно из государств, которое должно присоединиться к ДНЯО, наряду с Пакистаном. Данное заявление получило очень широкую поддержку.

Однако в ходе внутренних дискуссий между делегатами, в частности, в западной группе, делегат США проинформировала, что администрация США еще не завершила обзор своей будущей политики по ядерным вопросам и по-

этому не готова принимать какие-то обязательства в виде конкретных формулировок. В целом, представители «большой пятерки» проявили осторожность в отношении критики ядерной политики Ирана. При этом они заявили, что однозначно выступают за ядерное разоружение.

Неприсоединившиеся страны, как они сами себя называют, высказали удовлетворение позицией, которую заняли пять стран. В отношении ситуации на Ближнем Востоке было выдвинуто предложение провести отдельную конференцию и назначить специального координатора.

Создавалось ощущение создания хорошей рабочей атмосферы в деле нераспространения. Было выражено удовлетворение в связи с прогрессом в деле разоружения, в частности, в связи с возобновившимися переговорами между Россией и США по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Заключение, а тем более ратификация нового договора будут иметь важное значение, открывая дальнейшие перспективы к успеху конференции 2010 г.

Перспективы Конференции 2010 года по рассмотрению действия ДНЯО

Дж. Перкович: В связи с соблюдением ДНЯО многие государства озадачены заключением США и Индией договора о сотрудничестве в сфере атомных технологий. Вызывает удивление столь избирательный подход администрации США. Развивающиеся страны не получили от США четкого сигнала и не имели возможности выразить свои озабоченности по этому поводу.

Возникают и иные вопросы в связи с первой статьей ДНЯО. Например, Япония довольно громко заявляет о том, что она не согласна с риторикой администрации Обамы относительно разоружения и хочет, чтобы США недвусмысленно подтвердили в отношении нее свои ядерные гарантии. То же говорится и в Польше, и в некоторых новых государствах, которые недавно вступили в НАТО.

Статья вторая. Главная проблема здесь — Иран. Делегация США на Подготовительном комитете ни на чем не настаивала и высказывалась достаточно мягко. Проблема Ирана в мае 2010 года будет по-прежнему стоять перед нами, и к тому времени будет ясно — удалось ли администрации Обамы завязать диалог с Ираном.

Самым трудным и потенциально конфликтным вопросом являются обязательства стран по статье четвертой — использованию ядерной энергии в мирных целях. Не было в истории случаев, чтобы какая-то страна раздавала бы другим странам ядерные реакторы. И никто никогда не давал четкого толкования этой статье. Поэтому многие развивающиеся страны, которые говорят, что да, они хотят иметь ядерные реакторы, должны понимать, что они их не получают.

Есть проблемы и с шестой статьей — взятыми участниками ДНЯО обязательствами по ядерному разоружению. Президент Обама заявил, что хочет освободить мир от ядерного оружия. Его поддержал премьер-министр Великобритании. Однако на этом фоне, например, Китай модернизирует свой ядерный арсенал. И никто об этом не говорит и в контексте ДНЯО его никто не осуждает.

До сих пор не решен и столь важный вопрос, как процедура выхода из ДНЯО, предусмотренная статьей десятой. Полагаю, что в целом все ключевые страны могут понизить уровень ожидания от конференции 2010 г. Если подходить реалистично, то в лучшем случае это не будет провалом и будет найден определенный консенсус.

Дискуссия

Ю.Назаркин: На прошлых конференциях по рассмотрению действия ДНЯО поднимался вопрос о ядерном оружии в Европе. Когда у Советского Союза была огромная армия, тогда присутствие ядерного оружия в Европе было оправданно. Сейчас положение совсем иное и такое положение выглядит анахронизмом.

Очень актуальны проблема разграничения мирной ядерной деятельности и военной. В ходе консультаций, которые проводились в 1960-е годы, было достигнуто определенное неофициальное понимание этого вопроса. Это понимание подтверждало, что ни накопление нерасщепляющихся материалов, ни обогащение урана, ни экстракция плутония не являются нарушением договора, если они находятся под гарантиями МАГАТЭ. У меня в связи с этим есть предложение подумать о точном определении термина «производство ядерного оружия».

В отношении многосторонних центров, которые бы снабжали неядерные государства ядерным топливом, существуют очевидные проблемы. Подобные центры лишат сами неядерные государства права производить собственное топливо, то есть обогащать уран. Было бы полезным предусмотреть включение в заключительный документ конференции 2010 года положения о том, что многосторонние центры — это одно, а право выбора прибегать к этим центрам или производить собственный плутоний, обогащение урана остается за членами договора.

И последний вопрос — право выхода. Следует предусмотреть, чтобы Совет Безопасности был извещен тем государством, которое захочет выйти из договора. Также необходимо расшифровать, что такое «форс-мажорные ситуации».

А.Арбатов: Конечно, не нужно, я думаю, выдвигать необоснованные надежды на конференцию 2010 года. Равно как и на российско-американские переговоры по стратегическим вооружениям.

Но если не будет договора по стратегическим вооружениям, то конференция следующего года превратится в обмен взаимными обвинениями и продолжит очень тревожную тенденцию общего упадка международных форумов по ограничению распространения ядерного оружия. И общего упадка договора режима ДНЯО.

Оставаясь на почве реализма, надо бы поставить какие-то задачи перед двумя ведущими державами, от которых сейчас зависит очень многое, и перед конференцией по ДНЯО 2010 года.

Если между Россией и США будет достигнут договор, на что я очень рассчитываю, несмотря на все трудности, а конференция по разоружению пройдет, как обычно, в русле взаимных претензий и не приведет к конкретным

результатам, то это сыграет на руку многим в мире. В первую очередь тем в России и США, кто говорит, что никаких особых усилий в области ядерного разоружения предпринимать не надо, потому что вопросы нераспространения с разоружением якобы реально никак не связаны.

Вот поэтому я думаю, что надо ставить конкретные цели, а не направлять все силы на поддержку таких усилий, как «глобальный ноль». Мне кажется, что призыв к «глобальному ноллю» только дискредитирует серьезные переговоры и играет негативную роль.

Сейчас уникальность ситуации состоит в том, что США от России многого не надо в области стратегических вооружений. Нет вопросов у США с просьбой ограничить или сократить российские системы в целях укрепления американской безопасности. У России есть к США целое меню претензий и требований, что бы американцам надо было бы ограничить или сократить, что Россия считает для себя опасным. А у США к России таких вопросов нет. США эти переговоры начали из политических соображений, но конкретных предложений к России нет. Это первая уникальная черта всей ситуации.

Вторая состоит в том, что Россия реально, конечно, заинтересована в сокращении и ограничении американских стратегических вооружений и противоракетной обороны. Но влиятельные круги в России никак не хотят связывать себе руки в условиях экономического кризиса, в условиях больших трудностей с программой модернизации российских стратегических сил.

Ну и третий вопрос состоит в том, что за 10 лет рассыпались сообщества военных специалистов, гражданских, научно-технических, которые до этого в течение 30 лет постоянно работали и уже наработали огромный массив опыта в области ядерных вооружений. Сейчас все это очень трудно будет быстро восстановить.

Что я хотел бы конкретно предложить в части разоружения? Я считаю, что Люксембургский форум должен формировать какую-то позицию о необходимости достижения договора по сокращению стратегических вооружений до конференции ДНЯО в 2010 году.

Второй вопрос: чего мы хотим от этой конференции? Неплохо бы России и США для начала, а потом в рамках «большой пятерки», обсудить и поставить конкретные цели. Это и распространение Дополнительного протокола 1997 года, и его универсализация, и меры в отношении ядерного топливного цикла, включая банки низкообогащенного урана, и укрепление экспортного контроля, и более четкая детализация статьи X, относящейся к праву выхода из договора, и ряд других.

Но самым важным вопросом является универсализация Дополнительно-го протокола. Все остальное очень сложно и вряд ли быстро достижимо. Но этот вопрос следует России, США и «большой пятерке» поставить во главу угла.

И еще я хочу предложить, чтобы «большая пятерка», с учетом того, что никто из нее больше не производит ядерных материалов и технологий, выдвинула инициативу пригласить инспекторов МАГАТЭ на все свои объекты ядерного топливного цикла. Такая инициатива со стороны «пятерки» была бы крайне важна в плане продвижения Дополнительного протокола, присоединения к нему неядерных государств. Это также содействовало бы продвиже-

нию дискуссии по поводу ДЗПРМ, то есть договора о запрещении производства ядерных материалов в военных целях.

С.Миллер: Мне думается, что потребуются много лет перед тем, как стороны придут к согласию относительно единого толкования статьи десять. Главное — дать толчок в правильном направлении.

Многие вне «большой пятерки» считают, что США испытывают затруднения в отношении выполнения ДНЯО (статьи 1, 4, 6). Это означает, что очень многие считают, что в Каире, Омане или еще где-то США оказывают жесткое давление в отношении выполнения положений ДНЯО против тех, кто им не нравится. И, наоборот, они предпочитают очень мягкое и гибкое толкование того же ДНЯО, когда это касается их самих. Необходимо добиться универсального применения ограничений ДНЯО без проявления политических симпатий или антипатий.

С.Бацанов: Мы должны понимать, что чрезмерно завышать ожидания в отношении конференции 2010 года было бы неправильным. К декабрю заключение двустороннего договора по стратегическим вооружениям будет невозможно, разве что — рамочного соглашения.

В отношении ДВЗЯИ — первое слово все-таки за США. Не следует забывать и о таком важном вопросе, как зоны, свободные от ядерного оружия, в первую очередь — на Ближнем Востоке.

Сам ДНЯО достаточно дискриминационен. В то же время он соответствует интересам ядерных держав, значительной части населения земли и подавляющего числа государств.

А.Арбатов: Думаю, что продление СНВ-1 уже снято с повестки дня. Прежде всего — со стороны России. Потому что договор запрещает в силу ряда его положений разворачивать ракеты «Тополь-М» с разделяющимися головными частями, что уже стоит «в повестке дня» России. Кроме того, этот договор, кроме системы проверки, в остальном никого ничем не ограничивает. Обе стороны имеют численность ядерных вооружений намного ниже потолков и ограничений договора. Условно говоря, СНВ+ — новый договор, который должен прийти на смену СНВ-1. В любом случае полного вакуума не наступит после 5 декабря, потому что есть Московский договор 2002 года со сроком до конца 2012 года. По существу СНВ+, о котором сейчас ведется речь, это тот же московский договор с несколько пониженным потолком.

К.Шоененбергер: Эта сессия подготовительного комитета была лучше, чем пять предыдущих, но это не гарантирует успех самой конференции. Говорили, что Буш — это не единственная проблема. Есть и другие. Созданная напряженность в отношениях между странами — фактор долгосрочный, и он не исчезнет так просто потому, что сменился президент в одной из стран. В отношении обзорной конференции необходимо предпринять дополнительные усилия, чтобы помочь ей. Нужно подумать о реалистичных, разумных промежуточных шагах, например, в области ограничения тактического ядерного оружия.

Р.Нурик: Нужно помнить о той связи, которая есть между ДНЯО и разоружением. И здесь встает вопрос о ратификации будущего договора по СНВ. Не уверен, что ее можно будет обеспечить к 2010 году.

А.Калядин: Вопросы о принуждении являются ключевыми в проблеме нераспространения. И мне кажется, что в нашем заключительном документе это должно быть отражено.

В.Барановский: Проблема санкций в отношении Ирана очень неоднозначна, тем более в том виде, как она сформирована в нашем документе. Хочу предложить, чтобы здесь был поставлен вопрос об универсализации договора о нераспространении ядерного оружия.

Р.Экеус: Ядерную политику Китая не нужно использовать в качестве предлога, чтобы ничего не делать, особенно в том, что касается мер по укреплению доверия. Просто надо работать, и Китай к этой работе подключится.

Иранская ситуация сказывается и на деятельности МАГАТЭ, и на безопасности мира в целом, что сделает эту проблему приоритетной на конференции 2010 года.

Неядерные государства подписывали ДНЯО, имея в виду, что доступ к ядерным технологиям обуславливается одним требованием: не создавать ядерного оружия. Можно получить доступ к ядерным технологиям, даже не беря на себя обязательства по ДНЯО. Это то, что произошло в связи с американо-индийским соглашением. Нужно подумать о том ударе, который был нанесен ДНЯО в результате заключения этого соглашения. Надо подумать о мерах по распространению Дополнительного протокола на Индию.

Здесь прозвучало предложение о том, что ядерные государства должны согласиться с проведением инспекций на их территориях. Это предпосылка для обеспечения долгосрочного успеха, в частности, по договору о расщепляющихся материалах.

Дж. Перкович: 2010 год — время для установления приоритетов, для обсуждения наиболее важных вопросов. Нужно призвать к универсализации Дополнительного протокола. Это не дискриминационный документ. Он был подготовлен МАГАТЭ, которое опиралось на свой опыт.

Я предлагаю, чтобы страна, которая собирается выйти из ДНЯО, подвергалась проверке в отношении наличия нарушений договора. Далее — по вопросу универсальности. Индия и Пакистан не подписали ДНЯО и вряд ли подпишут. Нужно, чтобы Индия, Пакистан и Израиль взяли на себя обязательства по разоружению, соразмерные с теми обязательствами, которые берут на себя ядерные державы.

Что касается ДВЗЯИ, то тут позиция может быть другая. Мы могли бы призвать все государства, которые не подписали и не ратифицировали его, к подписанию после того, как это сделают США.

Тактическое ядерное оружие. В контексте ядерного разоружения, в контексте международной политики, любое ядерное оружие, если оно может быть использовано, получает стратегическую значимость. То есть ядерное оружие тактическим быть не может по определению.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Состояние и перспективы ядерных и ракетных программ Ирана

М.Фитцпатрик: В развитии ситуации с Ираном мы вступили в новую и опасную фазу. Мы теперь знаем, что у Ирана имеются серьезные технические возможности и большое количество обогащенного урана, наработка которого продолжается. Иранские власти могут удачно спрятать свои заводы, а попол-

няемый запас урана может означать, что Тегеран может быстро выйти из ДНЯО и быстро создать ядерное оружие, что создает серьезную опасность в сочетании с совершенствующимся ракетным потенциалом.

Пока что широко используются не очень мощные центрифуги первого поколения, которых сейчас примерно 7000. Однако нет гарантии, что более совершенные центрифуги второго поколения не изготавливаются и не устанавливаются скрытно. Если это так, то Иран сможет очень быстро увеличить свое производство. То есть — необходимы более достоверные инспекции, которые важны и для выявления возможного изготовления плутония.

Иран движется и в этом направлении: научно-исследовательский институт в Араке, который будет введен в эксплуатацию в 2011 или в 2013 году, сможет дать достаточно плутония для производства двух боеголовок в год. Иранские власти заявляли, что они согласятся отказаться от переработки плутония для ядерного оружия. Но нельзя исключать возможность его скрытного производства.

Дополнительную угрозу создает ракетный потенциал Ирана. К концу года будет отработана ракета на твердом топливе большой дальности.

Генеральный директор МАГАТЭ говорил о том, что Иран хочет иметь только возможность производить, но не хочет изготавливать ядерное оружие. Возможно, что Тегеран стремится только достичь определенного технологического уровня и иметь запас обогащенного урана. Однако точно поручиться на этот счет не может никто.

В связи с этим возникают четыре типа рисков в области распространения. Первый риск — это вероятность секретного производства ядерного оружия. На эту мысль наводит существующий «недостаток отчетности» в материалах по иранской ядерной программе, представленных МАГАТЭ.

Во-вторых, Иран отказался от части соглашения по гарантиям, которое обязывало его докладывать регулярно о любом строительстве ядерных объектов. Необходимы еще специальные инспекции для того, чтобы к Ирану снова было восстановлено доверие.

Третий риск — это так называемый «break out». Это — если Иран посчитает целесообразным, то он попросит инспекторов убраться подальше и сделает то, что сделала Северная Корея. Если удастся убедить Иран обогащать уран вне собственной территории, то это существенно снизит риски. Четвертый риск связан с тем, что другие страны попытаются скопировать действия Ирана.

Ни США, ни другие государства не хотят разрешить Ирану обогащение, не получив что-либо взамен. В первую очередь — это детальные инспекции и ограничение запасов обогащенного урана в Иране.

Нужно сделать все, чтобы удержать Иран от перехода к производству ядерного оружия. Если он перейдет определенную грань, то тогда могут быть применены вооруженные силы, в том числе и со стороны США. Иран также знает, что Израиль тоже готов предпринять военные действия, и это также является сдерживающим фактором.

Переход грани — это проведение ядерных испытаний, производство высокообогащенного урана, провозглашение себя ядерной державой или, хотя бы, заслуживающие доверия данные о том, что в Иране есть реальные планы раз-

работки ядерного оружия. Опасность состоит в том, что время идет, ядерный потенциал Ирана растет во многом бесконтрольно, что требует конкретных действий от мирового сообщества.

Дискуссия

П.Котто-Рамузино: Иран действительно хочет создать свой ядерный потенциал. Что касается скрытого ядерного обогащения, я думаю, что любая страна может заняться этим и даже Дополнительный протокол подпольные операции запретить не сможет.

Но есть и пример Бразилии. Она серьезно занимается деятельностью по обогащению, без всякого контроля. Она просто отказалась от Дополнительного протокола и все. Но это никак не сказалось на соседних странах. Однако именно Иран является объектом дискриминации. В известной степени, они действуют гораздо более открыто, чем другие, и они, кстати, участники ДНЯО и не заявляют о своем желании выходить оттуда. Имеются также определенные стандартные процедуры проверки, которым они следуют.

Загонять в угол Иран — это не поиск решения. У Тегерана должна остаться свобода для проведения определенного вида исследований. Вот это то, от чего они не откажутся никогда. Это вопрос национальной гордости и национальных интересов. Конкретные детали договоренности могут быть определены только посредством диалога.

Что касается отношений между Ираном и Израилем, то здесь есть проблема асимметричной оценки. Я думаю, Иран не думает, что Израиль может нанести по нему удар. А в Израиле, наоборот, думают, что Иран хочет нанести удар по ним.

Может возникнуть ситуация, когда вообще все выйдет из-под контроля. Следует учитывать и то, что у иранских властей сильна степень неуверенности в связи с тем, что произошло в Ираке, в Афганистане и в Пакистане.

В.Сажин: Могу сказать, что есть много признаков, свидетельствующих, что не все чисто в иранской ядерной программе. Я согласен — к Ирану подходят с двойными стандартами. Почему никого не волнует Германия, которая может сделать ядерное оружие в ближайшее время? Япония? Бразилия? Почему волнует именно Иран? Мне кажется, главная причина в структуре власти, во внутренней и внешней политике этой страны.

Прошедшие президентские выборы показали, что не все так просто и однозначно в Иране, как это представлялось некоторым. Что отсутствует единомыслие, о котором говорили иранские власти.

Прошедшие выборы были попыткой что-то изменить демократическим путем. Буквально на следующий день после их окончания десятки тысяч, а по иным сведениям даже миллион, людей вышли на улицы Тегерана и других крупных городов страны. Иранцы, как гордый, независимый народ, не могли терпеть того, что их обманули. Для большинства было очевидным, что результаты выборов были сфальсифицированы.

Выборы показали, что идет очень серьезная борьба кланов внутри иранской элиты. Один клан возглавляет самый богатый человек Ирана, бывший президент Равсанджани, его поддерживает бывший президент Хатами и,

соответственно, Мусави, как лидер, ставший им не по своей воле. С другой стороны — Ахмадинежад и оказавший ему поддержку верховный духовный лидер Хаменеи.

Возвращение Ахмадинежада на демократический путь развития страны, после всего случившегося и пролитой крови (в беспорядках погибло несколько сот человек, многие арестованы), сейчас уже невозможно.

Значит, он будет ужесточать политику внутри страны и по отношению к Западу. Это приведет к изменению и ожесточению ядерной политики Ирана. Важной тенденцией является то, что к управлению страной «подтягивают» относительно молодых, бывших «стражей революции», что создает условия для появления в Иране диктатуры. Если даже в ближайшее время до диктатуры дело не дойдет, то ужесточение ядерной политики, скорее всего, произойдет.

Ш.Шубин: Ситуация в Иране действительно неоднозначна. По проведенным до выборов опросам восемьдесят процентов населения не поддерживали внешнюю политику Ахмадинежада.

Иран не является монолитным государством. В этот раз на выборах внешняя политика играла большую роль. В частности, в президентских дебатах политика Ахмадинежада критиковалась сильнейшим образом.

Когда говорят, что вся страна «за» ядерную программу, это нужно еще уточнить, о каком масштабе программы идет речь. Полагаю также, что чем ближе иранцы к изготовлению ЯО, тем больше риска, что они не решатся на что-нибудь серьезное и им легче будет остановиться. Они не хотят переступить через определенный порог, а хотят иметь козыри.

Уверен, что любая модель наших действий, которая является дискриминационной по отношению к Ирану, будет начисто отвергаться этой страной. Выборы, прошедшие в Иране недавно, упростили, а не усложнили задачу для Ирана, не для США. Правящий режим теперь понял, что главные проблемы у них внутри.

А.Дьяков: Предпринимавшиеся варианты решения иранской проблемы не принесли успеха. Заставить Иран отказаться от ядерного обогащения, в то время как в соответствии с документами он имеет на это право, — неправильная политика. И ее контрпродуктивность еще более возрастает, когда в открытой печати обсуждаются всевозможные методы силового решения данной проблемы.

Это только усиливает желание Ирана продолжать ту же политику. Во многом благодаря «иранскому случаю» к настоящему времени оформилось четкое движение среди многих неядерных государств в направлении универсализации всех правил, как для ядерных, так и для неядерных стран. На мой взгляд, усилия должны быть сосредоточены на принятии Ираном Дополнительного протокола.

Есть стран, которые могут обладать техническими возможностями создать ядерное оружие, поэтому необходимо подумать об универсальных мерах принуждения, которые могут быть применены к любой стране, переступившей красную линию. Только таким образом можно удержать Иран, да и другие страны, если у них появится желание создавать ядерное оружие, от того, чтобы пересекать эту красную линию.

С.Бацанов: Курс, который был взят международным сообществом в отношении Ирана, был во многом ошибочен. Авторитет Совета Безопасности стра-

дает не только от невыполнения резолюций, но и от продолжения принятых резолюций, основанных на ложных посылах.

Планы иранского руководства по обзаведению ядерным оружием были вновь возрождены во многом в результате нападения на Ирак. Но потом произошла определенная стабилизация ситуации. Это давало «окно» для достижения договоренностей, которым не воспользовались.

В настоящее время, при происходящих в Иране событиях, вести с ним переговоры трудно. Но есть время для переосмысления ситуации. Вместо выдвигания требований о прекращении обогащения следует серьезно продумать, что можно требовать реалистично, имея главной целью не вообще прекращение иранских программ, а достижение того, чтобы Иран не пошел по пути создания ядерного оружия.

С.Миллер: Думается, что упор должен быть на то, как создать максимальное число барьеров между обогащением и ядерной программой Ирана, с одной стороны, и изготовлением ядерного оружия, с другой.

До сих пор мы придерживались одной и той же позиции: никакого обогащения! Но это нереально, а мы даже не думали о том, как заставить Иран отказаться от обогащения.

По мере того как мы увеличивали санкции, Иран сокращал сотрудничество с нами. Рычаг санкций не сработал, а привел к прямо противоположным результатам. Необходимо понять, что без согласия Ирана мы не сможем контролировать то, что происходит в Иране.

Значит, надо находить пути к сотрудничеству. Надо создать такой механизм, который позволит договариваться, и был бы обеспечен необходимыми мерами проверки.

Ю.Назаркин: Все имеющиеся факты в отношении Ирана не свидетельствуют о нарушении ДНЯО. Думаю, что так называемое нулевое обогащение не только невозможно, но и контрпродуктивно. Более реалистично — добиться максимальной открытости ядерной программы Ирана и, в первую очередь, принятия им Дополнительного протокола.

Р.Нурик: В настоящий момент политическая линия в США в отношении Ирана до конца не определена. В любом случае, договоренность с Ираном, запрещающая обогащение, нереальна.

В.Барановский: Мы концентрируем внимание на таких вещах, о которых еще недавно не говорили: как создать стимулы для того, чтобы с Ираном можно было взаимодействовать. Мы пытаемся наказывать Иран за намерение, а не за реальные действия. Поэтому тот факт, что Иран в этой политической битве, в общем, оказался победителем, никакого удивления вызывать не должен.

У международного сообщества вообще не очень богатый опыт достижения каких-либо позитивных результатов. Без конструктивного взаимодействия с Ираном трудно рассчитывать на достижение какого-то результата. Этот вывод должен получить гораздо более широкое отображение в логике нашей политики в отношении Тегерана.

Полагаю в то же время, что укрепление нынешней теократической, недемократической власти может как раз способствовать сдержанности Ирана, его партнерству с внешним миром.

В.Дворкин: Признать сейчас, что ранее принятые резолюции и введенные санкции были неэффективны — значит подчеркнуть банкротство Совета Безопасности ООН. И это приведет к ликованию иранского президента Ахмадинежада, который заявлял, что пусть будет хоть десяток резолюций СБ ООН, это не изменит его политику в ядерной сфере.

Имеет или нет Иран право на обогащение урана? Генеральный директор МАГАТЭ Эль-Барадеи сказал: «Временно не имеет права, пока МАГАТЭ не получит ответы на все вопросы».

Число вопросов по военной ядерной программе Ирана нарастает. Отсутствие убедительных ответов на них подчеркивает то, что военно-прикладные исследования в ядерной сфере действительно имели место. Иран способен создать или, может быть, давно разработал конструкцию ядерных боезарядов. Последнее предположение весьма вероятно, так как такие конструкции можно создавать на исследовательских и конструкторских предприятиях, не имеющих никакого отношения к ядерной инфраструктуре.

Что в этих условиях надо делать? Почему было предложено ограничить сотрудничество европейских и некоторых других стран с Ираном? Именно потому, что несколько тысяч европейских фирм продолжают работать с Ираном, тем самым поддерживая его экономику.

Нам необходимо обсудить возможные шаги и меры, связанные с тем, как, например, принудить Иран ратифицировать Дополнительный протокол 1997 года, как создать дополнительные барьеры на пути создания ядерного оружия и средств его доставки. Пока нет никаких других предложений на этот счет, кроме резкого ограничения сотрудничества с Ираном в сфере финансов и торговли. Мало надежды на то, что резолюции Совета Безопасности ООН могут что-то радикально изменить, поскольку есть Россия и Китай, которые не дадут значительно ужесточить санкции. До сих пор такие санкции носили, в основном, символический характер и ограничивали сотрудничество только с очень узким кругом иранских организаций и отдельных лиц этой страны. И все же нельзя согласиться с тем, что переговоры с Ираном не могут принести результата.

Дж. Перкович: Было бы ошибкой говорить, что Иран не нарушал ДНЯО — нарушен целый ряд обязательств по Договору. Самое главное, что нарушается международное право, поскольку не выполняются резолюции Совета Безопасности.

На самом деле, мы не знаем, до какой степени нарушены положения ДНЯО. Если Иран не будет выполнять Дополнительный протокол и не даст ответы на оставшиеся вопросы, МАГАТЭ не сможет обеспечить гарантии в отсутствии в Иране ядерной деятельности, запрещенной Договором.

Что может заставить Иран поменять свою позицию? Судя по всему — это невозможно без дополнительного давления и без каких-то позитивных стимулов.

М.Фитцпатрик: Цель мирового сообщества заключается в том, чтобы сконцентрироваться на принятии Ираном Дополнительного протокола, чтобы проводить более эффективные инспекции. Производство ядерного оружия — та самая красная черта, за которую переступать нельзя. У нас сложился определенный консенсус в том, что меры в отношении Ирана не должны носить

дискриминационный характер. Но надо признать, что восемнадцать лет Иран нарушал ДНЯО. Иран, попросту говоря, не выполнял и не выполняет свои обязательства по Договору в плане обеспечения доступа к своим установкам, предоставления ответов, предварительных уведомлений и т.д.

Ожидать «нулевого варианта» не приходится. Но это может послужить инструментом, чтобы добиться принятия Дополнительного протокола. Если бы мы могли создать условия для проведения проверок и инспекций, это продвинуло бы дело вперед. Самый трудный вопрос — зачем продолжать политику санкций, которые не сработали? Есть четыре причины для того, чтобы применять и даже ужесточать санкции. Первое: для того, чтобы сохранять в руках инструмент для переговоров. Второе: санкции могут сдерживать ядерную программу, сохранять ее в небольших масштабах. Третье: создание отрицательного стимула для других. Четвертая причина: если нет санкций, то тогда увеличивается возможность бомбардировки установок. Санкции — меньшее зло, по сравнению с открытыми военными действиями.

Развитие ситуации вокруг ядерных и ракетных программ Северной Кореи

В.Дворкин: Вы все прекрасно помните события, которые произошли за последние полгода. Были надежды на решение северокорейской ядерной проблемы после того, как США 11 октября 2008 года заявили об исключении КНДР из списка спонсоров терроризма. И уже через два дня северокорейские лидеры заявили о том, что демонтаж реактора-наработчика плутония продолжен ускоренными темпами. Кроме того, Пхеньян согласился на возвращение в страну инспекторов МАГАТЭ и разрешил им немедленно приступить к работе.

Все это иллюстрирует тот факт, что уступки со стороны США крайне важны для северокорейских лидеров, но не являются настолько экономически весомым фактором, чтобы однозначно привести к позитивным результатам. США не отказались от экономических санкций, которые они наложили ранее на Северную Корею. И эти санкции действуют до сих пор.

Северная Корея достигла некоторых успехов в создании ядерных взрывных устройств. В 2006 году проведено ядерное испытание, но мы не знаем — был ли это ядерный заряд или ядерное взрывное устройство, которое невозможно установить на баллистическую ракету. А ракеты средней дальности, которые угрожают и Японии, и Южной Корее, у режима Ким Чен Ира уже есть в достаточном количестве. И если есть ядерные заряды, то появляется и ядерная угроза.

Летное испытание в апреле 2009 года ракеты Тэпходонг-2 показало значительно лучший результат, чем в 2006 году. Если первое испытание этой МБР (2006 год) закончилось аварией во время работы первой ступени на 42-й секунде, то теперь уже и вторая ступень отработала хорошо.

После октября 2008 года все радикально изменилось. Есть информация о том, что при последних северокорейских ядерных и ракетных испытаниях присутствовали военные и гражданские специалисты из Ирана.

Какова позиция «пятерки» (США, РФ, Китай, Япония и Республика Корея) по отношению к Северной Корее? Как всегда, МИД России успокаивает и говорит, что последние действия Пхеньяна не должны стать толчком для

наращивания любых непродуманных действий, которые могут взорвать ситуацию на Корейском полуострове. Единогласно принята резолюция СБ ООН 1874 в соответствии со статьей 45 главы VII устава ООН. Есть некоторое ужесточение санкций в отношении КНДР, но надежд на какое-то решение северокорейской ядерной проблемы пока что мало.

Крайне маловероятно, что северокорейские лидеры, как, впрочем, и иранские, применят ядерное оружие. Опасность состоит в другом: под прикрытием собственного ядерного зонтика Северная Корея будет активнейшим образом торговать своими ракетами и ядерными технологиями. И вы помните, как прореагировала Северная Корея на присоединение Южной Кореи к Инициативе по безопасности в борьбе с распространением ОМУ (ИБОР). Пхеньян тут же вышел из соглашения 1953 г. о перемирии. Аналогично и Иран под прикрытием ядерного оружия развернет мощную поддержку военизированной шиитской организации «Хезболла», которая полностью управляется Корпусом стражей исламской революции. Ее ячейки разбросаны по всему миру.

Под прикрытием ядерного зонтика Ким Чен Ир и Ахмадинежад будут неограниченно поддерживать незаконную торговлю ядерными материалами и террористическую деятельность. Я не вижу других рычагов воздействий на эти режимы, кроме жёстких финансово-экономических мер. Именно поэтому самую широкую поддержку со стороны международного сообщества должна получить перспектива ужесточения санкций в отношении этих режимов как со стороны Совета Безопасности ООН, так и отдельных ведущих государств. Очевидно, что Северная Корея и Иран имеют совершенно разные мотивы для обладания ядерным оружием. И если на Северную Корею можно оказать какое-то давление, то на Иран подобные методы не действуют.

Дискуссия

А.Калядин: Очевидно, что существующий режим нераспространения неэффективен. Мы не сумели заставить Северную Корею подчиниться мировому сообществу. Резолюция СБ ООН 1874 — это очень важный шаг в нужном направлении. Крайне важно, что пять стран сумели прийти к компромиссу по совместным мерам в отношении КНДР.

П.Котта-Рамузино: Первый урок, который мы можем извлечь из того, что происходило: экономические санкции не являются достаточной преградой. Посмотрим на три случая: Иран, Ирак и Северная Корея. Ирак не имел вообще ядерного оружия, и, тем не менее, на него напали. У Ирана есть ядерные запасы, и мы часами о нем говорим. А к Северной Корее нет большого интереса.

И получается так, что те, у кого нет ядерного оружия, те, кто только говорит о нем, тех и наказывают. А лояльно относятся к тем, у кого ядерное оружие есть.

В.Дворкин: Стимулы для обладания ядерным оружием в современном мире заметно отличаются для разных стран, в том числе для Северной Кореи и Ирана. Сегодня ситуация с распространением ядерного оружия вызывает глубокую тревогу, но даже из результатов нашего обсуждения следует, что далеко не исчерпаны еще возможности по предотвращению расползания ядерного оружия по планете.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

Рабочей группы Международного Люксембургского форума
по предотвращению ядерной катастрофы

1. Участники совещания Рабочей группы Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы поддерживают позицию, занятую Подготовительным комитетом 2009 года Конференции по рассмотрению ДНЯО 2010 года. Эта позиция состоит в том, что главные и до сих пор не осуществленные шаги по укреплению Договора и режима ядерного нераспространения будут возможны при условии реального прогресса в области ядерного разоружения. Такие шаги по укреплению ДНЯО должны быть предприняты на Конференции по рассмотрению ДНЯО 2010 года.

2. Приоритетным шагом в сфере ядерного разоружения должно стать заключение юридически обязывающего договора между США и Россией о сокращении стратегических наступательных вооружений на замену Договора СНВ-1, срок действия которого истекает в декабре 2009 г. Это имеет исключительно важное значение для успеха Конференции по рассмотрению ДНЯО в мае 2010 года.

3. В этой же связи новый договор о сокращении стратегических наступательных вооружений должен учитывать во взаимно приемлемой форме взаимозависимость между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, а также рассматривать вопрос о влиянии межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок в неядерном оснащении на стратегическую стабильность. Кроме того, необходимо в процессе сокращения числа боеголовок на стратегических носителях одновременно сокращать количество стратегических носителей и их пусковых устройств с тем, чтобы минимизировать потенциально дестабилизирующей «возвратный потенциал».

4. Не менее важным является поэтапное вовлечение других ядерных государств, в первую очередь Великобритании, Франции и Китая, в процесс ядерного разоружения. С этой целью на первом этапе было бы целесообразно заключить между этими странами соглашение или, по крайней мере, взять им на себя односторонние обязательства по созданию мер доверия и транспарентности, подобные тем, которые применяются между Россией и США в рамках Договора СНВ-1.

5. Еще одним очень важным шагом по направлению к ядерному разоружению должно стать вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), что потребует ратификации со стороны США, Китайской Народной Республики, Индии, Пакистана, Израиля и других стран, без участия которых этот договор не сможет вступить в силу. Участники совещания Рабочей группы с удовлетворением отмечают важность взятых в этой связи на себя обязательств со стороны новой администрации США.

6. Участники совещания Рабочей группы Люксембургского форума полагают, что на Конференции по разоружению в Женеве чрезвычайно важно неотлагательно возобновить переговоры о заключении Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях, не связывая это с другими вопросами разоружения.

7. В рамках Конференции по разоружению или другого соответствующего форума должны быть начаты серьезные переговоры о предотвращении гонки вооружений в космосе.

8. В целях укрепления режима ядерного нераспространения Рабочая группа призывает страны, участвующие в Конференции по рассмотрению ДНЯО, принять решения о повышении эффективности контрольной деятельности МАГАТЭ и, кроме того, сделать Дополнительный протокол (1997 года) универсально признанной нормой проверки соблюдения государствами обязательств по ДНЯО, а также внедрить новые стандарты в области ядерного экспорта. Конференция 2010 года должна призвать к безотлагательному подписанию и ратификации Дополнительного протокола теми странами, на территории которых он еще не исполняется. Кроме того, необходимо всеми доступными средствами развивать многосторонние подходы, способные предложить экономически обоснованную и практически осуществимую альтернативу созданию на национальном уровне чувствительных элементов ядерного топливного цикла.

9. Участники единогласно потребовали от Ирана полного исполнения всех пяти соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН по иранской ядерной программе. Затянувшийся кризис вокруг данного вопроса, а также высокий уровень готовности к обогащению урана для создания ядерного оружия представляют исключительно большую опасность устойчивости режима ядерного нераспространения. Было подчеркнуто, что в первую очередь Иран должен ратифицировать и ввести в действие Дополнительный протокол (1997 года). Развитие Ираном производственных мощностей по обогащению урана должно быть немедленно приостановлено и стать предметом согласованных ограничений и полной транспарентности в рамках гарантий МАГАТЭ. После урегулирования с МАГАТЭ всех остающихся вопросов к Ирану должны применяться равные стандарты и недискриминационный подход согласно положениям ДНЯО. Заявления Ирана о мирном характере его ядерной программы могут приветствоваться только при условии, что они станут юридическими обязательствами, которые будут неукоснительно выполняться. На соответствующих международных форумах необходимо оказывать содействие переговорам о создании на Ближнем и Среднем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, в контексте общих мер по обеспечению безопасности. В случае отсутствия взаимодействия со стороны Ирана ведущие государства должны принять меры по радикальному ограничению с ним экономического сотрудничества, а также принять все необходимые меры в соответствии со статьей 41 Устава ООН.

10. Ядерные испытания, проведенные КНДР, а также ее постоянные усилия в области разработки и испытания нового поколения ракет дальнего радиуса действия требуют введения Советом Безопасности ООН намного более строгих санкций в полном соответствии со статьей 41 Устава ООН. Шантажу со стороны КНДР должна противостоять готовность международного сообщества дать отпор любой военной провокации в регионе. Параллельно с американскими гарантиями и договоренностями США с Китаем и Россией по укреплению стратегической стабильности в регионе может быть развернута система противоракетной обороны США с целью защиты Южной Кореи и Японии.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ФОРУМ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЯДЕРНОЙ КАТАСТРОФЫ

Форум создан решением Международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы, состоявшейся 24-25 мая 2007 года в Люксембурге. Форум является крупнейшей организацией, объединяющей ведущих мировых экспертов в области нераспространения ядерного оружия, ядерных материалов и средств доставки.

Задачи Форума:

— противодействие нарастающим угрозам режиму нераспространения и размыванию основ Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), включая предотвращение роста ядерного терроризма и попыток стран и режимов-изгоев получить доступ к ядерным материалам и технологиям. Особое внимание уделяется иранской ядерной угрозе;

— укрепление глобального мира и безопасности путем использования новых подходов и разработки практически ориентированных предложений для политических деятелей всего мира по ключевым аспектам ядерного нераспространения и контроля над вооружениями.

Основные органы Форума: Международный консультативный совет (МКС) и Наблюдательный совет (НС).

Международный консультативный совет — основной орган Форума, в который входят более 40 ведущих экспертов из разных стран. Члены МКС вносят предложения по повестке дня, организывают мероприятия, участвуют в подготовке итоговых документов Форума (декларации, специальные заявления, меморандумы и т.п.) для рассылки ведущим политикам, главам международных организаций и общественным деятелям всего мира.

В Наблюдательный совет входят видные политики, общественные деятели, всемирно известные ученые, в том числе Ханс БЛИКС, экс-генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ); Уильям ПЕРРИ, экс-министр обороны США; Рольф ЭКЕУС, экс-верховный комиссар по делам национальных меньшинств Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе; Сэм НАНН, известный американский политический деятель, сопредседатель Инициативы по снижению ядерной угрозы; Роальд САГДЕЕВ, академик РАН, директор Центра «Восток-Запад» Университета штата Мэриленд (США); Николай ЛАВЕРОВ, вице-президент РАН; Игорь ИВАНОВ, профессор МГИМО, экс-глава МИД России и экс-секретарь Совета безопасности РФ. Члены Наблюдательного совета контролируют деятельность Форума, дают рекомендации по направлениям деятельности Форума как общественной организации высокого уровня, нацеленной на укрепление мира и безопасности в мире, и принимают участие в мероприятиях Форума.

Президент Форума — Вячеслав Кантор, доктор наук, известный международный общественный деятель, филантроп, предприниматель и инвестор. Вячеслав Кантор является президентом Европейского еврейского конгресса и возглавляет ряд международных общественных организаций. Он внес большой вклад в подготовку и проведение Люксембургской конференции, возглавив её Организационный комитет.

26 марта 2008 года Генеральный директор МАГАТЭ Мохамед Эль-Барадей принял полномочных представителей Люксембургского форума — Алексея Арбатова и Владимира Дворкина. Во время встречи состоялся обмен мнениями относительно подготовки к предстоящему заседанию Подготовительного комитета к Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (2010 год), которая пройдет в апреле — мае этого года. Представители Люксембургского форума изложили генеральному директору свои взгляды относительно сложных проблем, связанных с иранской ядерной программой и перспективами их мирного урегулирования на основе диалога, как это предусмотрено соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН.

Особое внимание было уделено необходимости усиления системы гарантий МАГАТЭ, в том числе широкому соблюдению странами положений Соглашения о всеобъемлющих гарантиях, а также Дополнительного протокола к нему, улучшению контроля за ядерным топливным циклом, включая создание международных центров ядерного топливного цикла, и выполнению всех соответствующих обязательств государств — членов ДНЯО.

Генеральный директор МАГАТЭ высказал ценные советы и рекомендации по работе Люксембургского форума, выразил поддержку его деятельности и готовность к неформальному сотрудничеству по различным направлениям деятельности, представляющим взаимный интерес.

2 июля в Женеве прошло очередное заседание Рабочей группы под названием «Итоги заседания Подготовительного комитета 2009 года и перспективы конференции по рассмотрению ДНЯО 2010 года. Развитие ситуации вокруг ядерных и ракетных программ Ирана и Северной Кореи». Следуя традициям Форума, по результатам заседаний были согласованы и приняты итоговые документы, которые направлены лидерам ведущих государств и руководителям международных организаций.

Список участников

Рабочая группа Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы «Итоги заседания Подготовительного комитета 2009 года и перспективы конференции по рассмотрению ДНЯО 2010 года. Развитие ситуации вокруг ядерных и ракетных программ Ирана и Северной Кореи»

2 июля 2009 года, гостиница «Гранд Отель Кемпински», Женева (Швейцария).

Президент Международного Люксембургского форума:

1. КАНТОР Вячеслав Владимирович — президент Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы; доктор наук (Россия).

Участники:

2. АРБАТОВ Алексей Георгиевич — руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН (ранее — заместитель председателя Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ); член-корреспондент РАН (Россия).

3. БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич — заместитель директора ИМЭМО РАН; член-корреспондент РАН (Россия).

4. БАЦАНОВ Сергей Борисович — член Пагуошского совета, директор женевской штаб-квартиры Пагуошского движения (ранее — директор по специальным проектам Организации по запрещению химического оружия); посол (Россия).

5. БОРН Ханс — старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Центра по демократическому контролю над вооруженными силами; доктор наук (Швейцария).

6. ГУСЕЙНОВ Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (Россия).

7. ДВОРКИН Владимир Зиновьевич — руководитель Оргкомитета Люксембургского форума; главный научный сотрудник ИМЭМО РАН (ранее — начальник 4 Центрального научно-исследовательского института Министерства обороны РФ); профессор; генерал-майор в отставке (Россия).

8. ДЬЯКОВ Анатолий Степанович — директор Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института; кандидат физико-математических наук (Россия).

9. КАЛЯДИН Александр Николаевич — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН; доктор исторических наук (Россия).

10. КОТТА-РАМУЗИНО Паоло — генеральный секретарь Пагуошского движения (Италия).

11. МИЛЛЕР Стивен — руководитель программы по международной безопасности Центра Белфера по науке и международным отношениям при Школе управления им. Дж. Кеннеди, Гарвардский университет (США).

12. НАЗАРКИН Юрий Константинович — посол (ранее заместитель секретаря Совета Безопасности РФ).

13. НУРИК Роберт — старший научный сотрудник Центра по изучению проблем нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) им. Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований (США).

14. ПЕРКОВИЧ Джордж — вице-президент по научной работе и директор программы по проблемам нераспространения ОМУ «Фонда Карнеги за международный мир»; доктор наук (США).

15. САЖИН Владимир Игоревич — старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор (Россия).

16. ФИТЦПАТРИК Марк — руководитель программы по нераспространению ОМУ и проблемам разоружения Международного института стратегических исследований в Лондоне (США).

17. ШАЕРФ Карло — профессор физики Римского университета «Тор Вергата» (ранее — президент Национальной комиссии Италии по ядерной физике).

18. ШОЕНЕНБЕРГЕР Кристиан — руководитель группы по ядерному разоружению и нераспространению, Департамент по политическим вопросам Министерства иностранных дел Швейцарии; доктор наук (Швейцария).

19. ШУБИН Шахран — старший научный сотрудник «Фонда Карнеги за международный мир» (Швейцария)

20. ЭКЕУС Рольф — председатель Совета директоров Международного института по изучению проблем мира в Стокгольме (ранее — Верховный комиссар по делам национальных меньшинств ОБСЕ); посол (Швеция).

Наблюдатель, присутствующий на заседании Рабочей группы:

1. ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич — старший научный сотрудник ИМЭМО РАН; кандидат технических наук (Россия).

**АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ИСЛАМ:
ПОИСК ПУТИ И БОРЬБА ТЕНДЕНЦИЙ**

Геополитическое пространство, с некоторых пор именуемое Большим Ближним Востоком (ББВ), при всем разнообразии политических систем, с помощью которых управляются десятки государств с различной историей, культурой и социально-экономическим уровнем, имеет одну общую особенность. Стратегия их развития так или иначе увязана с теократическим состоянием обществ, пришедшими в движение мусульманскими массами.

В европейском обыденном сознании укрепилось убеждение в однотипности устремлений политического ислама, применение которым радикальных средств общественного переустройства является чем-то предопределенным. Так ли это?

Кажется, прошли времена (не будем утверждать, что безвозвратно) повсеместного увлечения национал-марксистскими (типа баасистских) идеями. Взаимоотношения политических систем, утверждавшихся у власти в период между Второй мировой войной и до окончания третьей (холодной) войны на геополитическом пространстве от Багдада до Равалпинди, с исламскими клерикалами были не везде и не всегда гладкими (С.Хусейн в Ираке потратил немало сил, средств и времени на усмирение мечети, владевшей умами масс, шах Ирана Реза Пехлеви всегда опасался роста влияния духовенства, преследовал строптивых аятолл и так и не смог вырвать мусульманскую массу из-под их влияния).

Ныне характер и масштабы взаимоотношений власти и ислама стремительно меняются. На политическую арену выходит новая сила, с которой уже сейчас приходится считаться многим правящим классам, называемым на Западе без разбора режимами. Это — ислам. Очевидно, исламский фактор в силу целого ряда культурных и геополитических причин будет оказывать все возрастающее влияние на формирование обществ и государственных систем стран ББВ, демографическое состояние которых характеризуется двумя важнейшими особенностями — быстрым ростом населения и его молодостью.

Неоднозначно оцениваемое экспертами и наблюдателями девятилетнее пребывание у власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСИР), по существу, представляется многим достойным более пристального взгляда

опытом введения в политическую практику модели исламской демократии.

Четвертый десяток лет правления в другой региональной державе — Иране — мусульманских клерикалов при всем неприятии их политических взглядов и установок западным миром вряд ли можно объяснить одной лишь жесткостью муллократии. (Последние события, связанные с президентскими выборами, показали, что в Тегеране социальное напряжение, вызванное правлением аятолл, велико. Но Тегеран — это не весь 70-миллионный Иран, две трети населения которого все-таки поддержало М. Ахмадинежада.)

Заговор оттесненных от власти элитарных аятолл -Рафсанджани-Хатами, приобретавшего день ото дня подозрительно «оранжевую» окраску, не прошел не только ввиду того, что действующая власть проявила готовность защитить букву и дух законов ИРИ, как бы они не нравились внешнему миру, но и в связи с доверием, проявленным молчаливым большинством, простым мусульманским людом, курсу президента. (Дальнейшее углубление в проблему может дать дополнительные, неожиданные для европейского и российского читателя, штрихи политических нравов элит и образа жизни рядовых иранцев, не столь однозначно, как иногда нам представляется, относящихся к исламскому государственному устройству.)

Последние события на Северном Кавказе, и далее — на постсоветском пространстве, включая ряд регионов России и Центральной Азии, свидетельствуют о склонности определенных мусульманских кругов к усвоению образа мышления и жизни радикального ислама. На фоне этой активности мусульманского движения, Азербайджан, словно бы зажатый между тремя различными течениями исламского *realpolitik*, представляется островком стабильности и верности светскому развитию, утвердившемуся, кстати, в этой южнокавказской стране задолго до доминирования большевизма.

Тем больший интерес представляет соотношение светских и исламских начал в жизни азербайджанского общества, новых тенденций в поведении мусульманского массива, их возможных идейно-политических поворотов.

С учетом общего интереса к исламскому фактору в современной геополитике, «Вестник аналитики» летом с. г. провел в Баку в Центре по защите свободы совести и вероисповедания «круглый стол»: «Ислам в Азербайджане — традиции и современность», материалы которого редакция предлагает вниманию читателей.

В дискуссии приняли участие: доктор философских наук, профессор Али Аббасов, обозреватель журнала «Вестник аналитики», кандидат исторических наук Расим Агаев, известный политолог, кандидат исторических наук Зардушт Али-заде, обозреватель независимого агентства «Туран» Джуварлы Тогрул, председатель Центра по защите свободы совести и вероисповедания, имам Бакинской соборной мечети «Джума», теолог Гаджи Ильгар Ибрагим оглы, кандидат исторических наук, автор ряда исследований по исламу Ариф Юнусов.

Агаев Р. Уважаемые коллеги! Непосредственным побудителем предстоящей дискуссии стал только что завершившийся судебный процесс над 20 членами радикальной религиозной группировки, обвиненной в попытке начать военные действия (так сказано в обвинительном заключении), в вооруженном нападении на заправочную станцию ЛУКойл в Баку, а также в попытке проведения теракта против посольств США и Великобритании. Явление это, беспрецедентное. Не склонен делать каких-то, опережающих дискуссию, обобщений, однако, согласитесь, это что-то новое в политической палитре исламского движения в Азербайджане. Короче, мне кажется, что логично начать наш разговор с оценки состояния самой религиозности тех, кто считает себя мусульманином. Мои личные наблюдения за жизнью азербайджанских мусульман таковы: среднестатистический азербайджанец не столько верующий, сколько суеверен. Он не знает ни истории ислама, ни священного Корана, ни предписаний шариата, ни разницы между суннитами и шиитами. Однако он верит, разумеется, в божий промысел, склонен в решении любых жизненных проблем апеллировать к аллаху, наведываясь в мечеть исключительно ввиду ритуальных услуг, которые она предоставляет, например, в связи с захоронением, а в последнее время и освещением обычного гражданского брака. Отсюда возникает принципиальной важности вопрос — качество религиозности азербайджанских мусульман — что оно из себя представляет?

Ильгар Ибрагим оглы. Надо исходить из того, что большинство азербайджанцев являются этническими мусульманами. То есть они мусульмане по рождению и их верование, не проявляясь в духовной жизни, в повседневности сводится к исполнению обязательных предписаний, например, ритуала обрезания или празднования курбан-байрама. Пожалуй, стоит отметить, что привязанность азербайджанского населения к такого рода проявлениям религиозности не прерывалась даже в советское время. А вот отношение к месяцу рамазан, когда правоверные мусульмане постятся, в последние годы сильно изменилось — постятся не только пожилые люди, но и довольно значительное число молодежи. Причем, даже те, кто обычно не держит пост, стараются проявить некую мусульманскую солидарность, несмотря на то, что иным (например, владельцам увеселительных заведений) она обходится в копейчку. И что важно — изменилось само отношение к обычаю — постящийся повсеместно пользуется пониманием окружающих, особым пиететом. Изменилось отношение и к мусульманскому трауру — ашура, который когда-то сопровождался театрализованным истязанием плоти. Десять лет назад в «Джума-мечети» стала практиковаться добровольная сдача крови, ныне это приняло форму обряда и широко распространено среди прихожан других мечетей. Нельзя сказать, что новый обычай заменил собой привычные обряды и церемонии, но он придал проведению траура некую умиротворенность, погасил излишнюю экзальтацию приверженцев традиционного поминания шиитских мучеников.

Джуварлы Т. То, о чем сейчас говорилось, есть проявление социального ислама. Но для меня ясно, что Азербайджан привязан к исламу, прежде всего, через исламскую культуру. И это необязательно проявляется в самой религиозной практике. Ведь есть практикующие мусульмане, т.е. люди, регулярно посещающие мечети, совершающие обязательные намазы, знающие соответствующие суры. Сомневаюсь, чтоб их было значительное число, но они

есть. Но есть еще и глубоко укоренившееся в сознании представление о принадлежности к исламу как к религиозной культуре, составляющей важный элемент национальной идентичности. На каком-то историческом отрезке времени азербайджанцы, а это, не будем забывать, все-таки молодая нация, оказались лишенными этого культурного компонента. Прогрессивное в целом развитие без религии возможно, но оно протекает без важнейшего дисциплинирующего элемента, отсюда и ощущение неполноты, которое возникает при рассмотрении азербайджанской духовности. Как есть комплекс неполноценности, так возникает и комплекс неполной духовности, ее незаконченности. Мне кажется, что с точки зрения динамики религиозных процессов нация, а было бы, наверное, уместно в данном случае воспользоваться другим термином — нация-государство, находится на этапе поиска этой полноты. Трудно говорить о ее оптимальных масштабах — сколько ее должно быть представлено в жизнедеятельности общества. И тут надо упомянуть о другом важном факторе духовности азербайджанской нации. Речь идет о выработавшемся своеобразии восприятия азербайджанцем, точнее, азербайджанским обществом, ислама. Что я имею в виду? Среди определенной части азербайджанских интеллектуалов с давних пор сформировалось некое предубеждение, я бы даже сказал, страх перед исламом. Недавно я стал свидетелем бурной полемики среди группы кинематографистов, в ходе которой один из наших талантливейших режиссеров заявил, что идет мусульманизация общества: я этого боюсь, заявил режиссер, ибо в том таится серьезная опасность, налицо угроза нашей внутренней свободе и т.д.

Агаев Р. Замечу, однако, это отнюдь не одиночное мнение, а достаточно распространенное убеждение, особенно среди городского социума.

Джуварлы Т. Согласен. Культурные истоки такого рода предубеждений достаточно хорошо известны. И это вовсе не воинствующий атеизм недавнего коммунистического прошлого, как может показаться на первый взгляд. Они уходят корнями в конец XIX — начало XX веков, в период, когда колоссальное влияние на умонастроения азербайджанской интеллигенции, формирующейся национальной элиты оказывала целая плеяда выдающихся просветителей: безжалостные сатирики Джалиль Мамедкулизаде, Сабир, великий композитор Узеир Гаджибеков, драматург А.Ахвердов, художник А.Азимзаде и другие яркие фигуры, подвергшие мракобесие мулл, социальные пороки мусульманского образа жизни беспощадной критике. Это был период бурной капитализации Баку, когда вышедшая на авансцену общественной жизни молодая азербайджанская интеллигенция выдвинула своим главным лозунгом модернизацию общества, приоритет просвещенности, европеизацию, как сказали бы сейчас, всех сторон жизни. Журнал «Молла Насреддин», его экспрессивный антиклерикализм надолго овладел умами нескольких поколений азербайджанцев. Упомянутые интеллектуалы провели в чем-то ту же работу, которую столетием раньше на Западе проделали великие философы французского просвещения. Критический подход к мусульманству идет оттуда, из времен «Молла Насреддина», он и поныне остается существенным элементом ментальности азербайджанского общества, прежде всего, ее интеллектуальной части. В этом, можно сказать, сила светской традиции и своеобразии религиозной ситуации — очевидная тяга определенной части этниче-

ского мусульманства к исламу при сохраняющемся критицизме к нему различных групп населения, прежде всего, как было тут отмечено, городского социума.

Агаев Р. Все это — общие суждения, наблюдения. К сожалению, серьезных исследований состояния религиозной жизни, не говоря уже о новых тенденциях в мусульманском массиве, у нас в Азербайджане не проводилось. Нет, насколько мне известно, глубокого, современного исследовательского взгляда на историю распространения ислама в Азербайджане, ее периодизации, проблем развития. В последние годы появились несколько работ, в прессе публикуются периодически статьи об исламском факторе в Азербайджане. В какой-то мере этот пробел восполняет работа Арифа Юнусова «Ислам в Азербайджане», вышедшая некоторое время назад в Баку при содействии Фонда Фридриха Эберта (Германия) и Института мира и демократии (Азербайджан).

Юнусов А. К сожалению, пробелов в данной тематике более чем достаточно. Не будем останавливаться на том, с чем это связано. Отмечу только, что в процессе работы над книгой я обратил внимание на следующий любопытный факт, которому не могу найти убедительного объяснения. В западной историографии публиковалось достаточно много исследований об исламе в СССР. Но в них речь в основном шла о Средней Азии, Северном Кавказе. Азербайджан на длительном историческом этапе выпал из поля зрения западной исследовательской мысли. Тем не менее, при явном дефиците не только аналитической, но и чисто фактологической информации, на различного рода международных научных конференциях по проблемам исламского движения, когда речь заходит об Азербайджане, представители немусульманского мира всячески пытаются доказать существующую у нас угрозу исламской революции. И дело даже не в том, что эксперты из стран мусульманского Востока относятся к такого рода прогнозам куда как скептически. Странников мнения о грядущей радикализации политического ислама в Азербайджане явно ставит в тупик очевидный факт: почему, вопреки всем прогнозам, ислам так и не стал играть серьезную роль в Карабахском конфликте, который по логике вещей должен был стать мощным катализатором радикальных настроений вообще, и в исламе, в частности? Явный дефицит объективной информации и побудил, в конце концов, Фонд Эберта спонсировать проект по широкому исследованию проблем ислама в Азербайджане, проведению социологических опросов, в ходе которых было опрошено 1000 и проинтервьюировано 120 граждан. Прежде чем привести данные исследования и поразмышлять вокруг них, хотелось бы отметить, что социальный состав респондентов объективно отражал современную структуру азербайджанского общества: 69% опрошенных составили мужчины и 31% женщины, большинство — наиболее активная и трудоспособная часть населения — 25–49 лет. Достаточно широко (16%) представлена молодежь. Оказалось, что подавляющее большинство респондентов считает себя верующими, мусульманами по рождению. При этом, только 12% утверждали, что они посещают мечеть регулярно (39% признались, что вовсе не делают этого, а 49% наведываются в божий храм от случая к случаю). Наверное, многих удивит то, что жители южных, прилегающих к Ирану районов, также как и население Апшеронского полуострова, которых принято считать излишне набожными, еще реже бывают в мечетях. Такая же картина выявилась и в вопросах

исполнения обрядов. Воистину прав был знаменитый арабский мыслитель Джамал ад-Дин аль-Афгани, сказавший: «Ислам — это одно, а мусульмане — нечто иное». Причем, 58% верующих азербайджанцев предпочитают, чтобы их называли просто мусульманами, то есть не скрывают своего неприятия деления на суннитов и шиитов. Тем не менее, 30% предпочли определять себя шиитами и только 9% суннитами. Негативное отношение к расколу ислама особенно проявляется, как ни странно, среди молодежи. Это нашло отражение и в том, что многие молодые люди критически отзываются о деятельности сафавидского шаха Исмаила I, которого обвиняют в сектантстве, провоцировании движения шиитов, что и привело, в конечном счете, к расколу и противостоянию в умме.

Агаев Р. Стоит напомнить, что еще недавно, в самом начале национально-демократического движения в Азербайджане, этот средневековый правитель был настоящим кумиром масс, настоявших на сооружении ему памятника в самом центре Баку.

Юнусов А. Это не единственное свидетельство переменчивости в настроениях азербайджанских мусульман. Известно, что новое течение в исламе — ваххабизм — в последние годы пользовалось особой популярностью в Азербайджане. От этого «массового» увлечения ныне остались буквально крохи — лишь 4% опрошенных высказались о деятельности ваххабитов положительно. Позиция в отношении ваххабитов в целом отражает традиционно негативное отношение азербайджанских мусульман к новым течениям в исламе вообще (41%). Но даже на этом фоне отрицательное отношение к ваххабизму и ваххабитам выглядит категоричным (69%). Значительная часть азербайджанских мусульман (21%) склонна положительно оценивать христианство и иудаизм. Если сюда добавить 39% не выразивших никаких претензий к упомянутым конфессиям, то можно считать, что характерное для азербайджанских мусульман отсутствие агрессии в отношении представителей других религий, уважительное отношение к ним, то есть религиозная толерантность продолжает превалировать в их мышлении. Исследования показали, что в Азербайджане больше склонны определять веру для себя как науку (44%) или идеологию (38%), положительно влияющую на общественное сознание, хотя достаточно высок процент воинствующих атеистов (17%), считающих религию суеверием, предрассудком, рассадником невежества.

Агаев Р. Эмпирический материал, добытый исследователями, к слову отметим, в чем-то неожиданный, как мне кажется, позволяет сделать некоторые важные выводы: подавляющее большинство азербайджанцев осознают себя мусульманами — это совершенно новое состояние души по сравнению со временем сравнительно недавнего коммунистического прошлого. Однако, сознавая себя мусульманином, современный азербайджанец этнически вычленяет себя из этого духовного понятия — известно, опять же из недавнего прошлого, на вопрос о национальном происхождении следовал ответ: мусульманин. И, наконец, отнеся себя к приверженцам ислама, современный азербайджанец не склонен позиционировать как шиит или суннит. В этом, а также в активном неприятии новых течений в исламе, прежде всего, ваххабизма, возможно, проявляется свойственная азербайджанцам склонность не менять привычный порядок вещей — своеобразный консерватизм. В критиче-

ском переосмыслении молодежью духовной деятельности шаха Исмаила можно усмотреть инстинктивное стремление к мусульманской общности, консолидации ислама, реакцию на повсеместное стремление молодого поколения мусульман найти эффективную защиту единоверцев перед фактом объявленного на Западе наступления эры христиано-исламского противостояния. Антиисламские признаки многие видят в необъявленных войнах, политике изоляции, продолжающихся не одно десятилетие в непосредственной близости от границ Азербайджана. Попутно заметим, что все-таки проведенные опросы отражают большей частью настроения, взгляды и мироощущение, так сказать, народного мусульманского массива. Если перебраться, образно говоря, на другие, верхние этажи социальной лестницы, скорее всего, мы будем иметь иную картину. Надо признать, что за пару десятков лет произошли значительные перемены в религиозном сознании и поведении людей, равно как и росте числа практикующих мусульман. Очевидно, в последующие годы мы вправе ждать новых поворотов и тенденций. Вопрос : каких?

Али-заде З. В Азербайджане сформировалось определенное деление исламской массы. Есть официальный ислам и есть ислам ищущий, как я его называю. Все то, что подчинено и олицетворяет организация под названием ДУМК — Духовное управление мусульман Кавказа, — не имеет никакого отношения к исламу как к религиозной субстанции. Суть организационного строения исламской общины — в его первоизданной демократичности, которая сводится к следующему: между аллахом и верующим в него не должно быть никаких посредников, людей, которые что-то сообщают рядовым мусульманам от имени аллаха, принимают какие-то решения, обязывающие их. Мусульмане могут собраться в общину и избрать себе старейшину, человека сведущего в священной книге, более грамотного и уважаемого. Могут даже пригласить на эту роль кого-то со стороны, оговорив его просветительскую работу оплатой из общей кассы. ДУМК пришел к нам не от большевиков, как полагают некоторые, а от царских времен. Именно во времена царя были придуманы организации, всякого рода шейхи, муфтии и прочие служители, роль которых сводилась к контролированию мусульманской массы. Изобретение, надо сказать, удачное и нашло новое, более совершенное воплощение в этом самом ДУМКе.

Напомню, что в бурные годы демократизации повальный выход из Компартии сопровождался столь же повальным пополнением мусульманского массива. Необходимость в организационном оформлении руководства этим массивом было тем более важным для властей, что прежние жесткие меры против тех, кто хотел следовать мусульманским обычаям, ритуалам, нормам отпали в одночасье: за посещение мечети партбилет не отнимешь, за участие в траурной процессии в дни ашура с работы не погонишь. В результате возник как бы официальный ислам, со своими служителями мечети, высокопоставленными чиновниками-муллами из ДУМКа, которые, с одной стороны, гармонично вписались в полукапиталистическую и полуфеодальную действительность, с другой — взяли на себя функции неких проводников в мусульманскую среду требований и предписаний официальной власти. Многие согласны с этим привычным с давних пор состоянием вещей и даже не видят в том ничего богохульного. Но есть и такие, что решили искать свой путь к

аллаху. Простые мусульмане, как и общество в целом, не могут не видеть, что несправедливости и пороки государства, вызывающие всеобщее недовольство через упомянутые организационные структуры, инфильтрируются и в исламскую среду. Именно этим обстоятельством объясняется популярность ваххабитов в исламе. Власти усмотрели в деятельности «Абу-Бакра», как и в ряде других мечетей, проявление инакомыслия, причем, с признаками к самоорганизации, и начались закрытия мечетей. Из неподконтрольных ДУМКу мечетей сегодня действует только мечеть «Илахийят», студентов госуниверситета, который не может вместить всех желающих попасть на вечернюю молитву. Центр, возглавляемый Ильгаром Ибрагим оглы, «Иллахийят» и известный теолог Нариман Касум оглы и являются представителями ищущего ислама. Их поиски идут в русле умеренного ислама.

Юнусов А. Исследования показывают, что среди верующих повсеместно наметился интерес к религиозной литературе. Серьезным сдвигом в сознании можно считать поворот в отношении к преподаванию богословия в школах — многие считают, что это способствовало бы укреплению моральных ценностей, духовному обогащению подрастающего поколения. С другой стороны, в отношении к исламу как к мусульманскому образу жизни усилился бы элемент осознанности. Это важнейший постулат любой веры.

Джуварлы Т. В широком общественном значении речь идет о воссоздании, так сказать, в повседневной жизни нормального, полноценного ислама, как религиозной практики, как дисциплинирующего элемента образа жизни. Этот процесс начат, и поскольку религия достаточно тонкая материя, любые радикальные методы в этом процессе могут повредить так же, как и применяемые государством запреты. Об этом нужно со всей определенностью сказать, поскольку из государственных кабинетов слышны голоса о том, что, дескать, процессу возрождения ислама задан иной темп, и описание самого темпа подается как признак угрозы исламской радикализации. С моей точки зрения, процесс обращения к исламу как к духовной силе идет с нормальной исторической скоростью для страны, еще не определившейся с политической системой, которая остается во многих отношениях переходной. В этом смысле в исламской матрице общества могут быть представлены самые различные пути движения к исламу, самые различные силы, течения и фигуры. Вычленять какую-то из них, утверждая, что это и есть самый перспективный путь, значило бы ограничивать общественную тягу к религии и естественные общественные искания. Это — процесс поиска, он может идти различными путями, чтобы обрести некую законченность. Почему я заостряю на этом наше внимание? Потому что в государственной практике при принятии решений исходят из простого арифметического факта, мол, чем больше граждан примыкает к мечети, исламу, тем благодатней почва для образования радикальных, маргинальных группировок. Это-то и ведет к разработке и применению политики мер, диктуемых соображениями безопасности, или охранения власти. На севере, в непосредственной близости от наших границ, исламские радикальные группировки проводят террористические акции против сил правопорядка. Идет настоящая террористическая война, в условиях кавказской вендетты обретающая немислимые масштабы и формы. Кто-то наверху делает вывод, что процесс исламизации, отмеченный в Азербайджане, создает

благоприятную почву для восприятия радикальных выступлений исламистов на Северном Кавказе. Начинается давление на мечети, на присутствующего здесь Гаджи Ильгара, хотя хорошо известно, что «Джума-мечеть» и его паства исключительно мирные люди, отнюдь не маргиналы, занятые просветительской деятельностью мусульмане, и все, что они делают, находится в рамках закона и, самое главное, — полноценного, как я говорил, ислама. То есть власть сама политизирует ислам, и к этому ее подталкивают и соображения чисто политической конъюнктуры: она хочет понравиться Западу и предстать перед своими партнерами в качестве некоего щита против исламизации страны, что гарантирует надежную защиту их энергетических и геополитических интересов. Это в общем-то понятная политическая игра.

Аббасов А. Но за всем этим маячит и другое обстоятельство: не могут власть предрежащие не замечать и того, что для них представляется реальной опасностью, — недовольство социального порядка, накапливающееся в народных массах, лучше всего институализируется пока через ислам. Происходит это ввиду отсутствия реальной политической оппозиции, индифферентности политических партий, сервильности СМИ. Единственное место, где начинает аккумулироваться недовольство, — это мечеть, сами верующие люди. Почему? Потому что этнический мусульманин ищет выхода в самоуспокоении, в том, что все обойдется, утрясется, изменится как-то само собой. Не то у просвещенного практикующего мусульманина — ощущение справедливости им усваивается как предписание ислама. Он не может не фиксироваться на социальных или политических несправедливостях. В этом гигантская разница, разница в мироощущении. С точки зрения правоверного мусульманина, человека знакомого со священным писанием, с традициями ислама, — несправедливость должна быть устранена, с нею невозможно мириться, как это делают обычные граждане. Наконец, ислам обладает значительно более мощной защитой, чем традиционные политические оппоненты, — его невозможно опрокинуть, не скомпрометировав себя в глазах всего общества, состоящего в подавляющем большинстве из мусульман, пусть и этнических.

Ильгар Ибрагим оглы. Нынешние практикующие мусульмане не те, что были десять лет назад. Произошли серьезнейшие перемены в психологии, просвещенности, образовательном уровне, самом подходе к исламу со стороны верующих. В отличие от Турции и Ирана, в Азербайджане люди, пришедшие в религию, выбирают этот путь, исходя из внутренних, духовных потребностей. То есть речь идет об осознанном выборе. Например, многие прихожане нашей мечети, как, впрочем, я сам, до 18 лет не знали ни намаза, ни мечети, были далеки от исламского образа жизни. В то же время культурная среда, в которой я рос, располагала обширной информацией о религии вообще, истории ислама, современного понимания его места и роли в обществе. Представители моего поколения, пришедшие в мечеть, являются носителями современных знаний, это другой человеческий материал и соответственно иные мусульмане. Огромное значение имеет фактор двуязычия, многие из них, как и я, получили образование на русском языке, владеют европейскими языками, а также фарси, арабским. Знание России, влияние русской культуры, понимание европейской идентичности, своеобразия американской демократии и глубокое знание мусульманского Востока — вот та культурная осно-

ва, которая делает новое поколение азербайджанских исламистов носителями общечеловеческих ценностей. Мусульманская идентичность в Азербайджане ныне сравнима с европейской. В Европе она качественней, чище. Азербайджанский мусульманин чувствует себя ближе к Европе, России, чем к восточному миру. Ему куда более близки и понятны общественные, политические, культурные процессы в Европе, чем, скажем, в Бахрейне. Таково отличие азербайджанского исламского движения от того, что происходит в Иране, Турции и других центрах мусульманского мира. Эти новые тенденции позволяют говорить о формировании азербайджанского ислама, имеющего свои существенные особенности.

Али-заде З. Главная из них, на мой взгляд, заключается в том, что поиски ведутся в русле умеренного ислама. Нариман Касум оглы, известный своей теологической деятельностью, ищет некий синтез ислама и западных ценностей. Он считает, что между ними нет антагонистических противоречий, есть недопонимание, недоверие, которые вполне преодолимы в ходе исторического сближения. Думаю, что будущее за такого рода мышлением, направлением исламской мысли, исламского движения в Азербайджане.

Агаев Р. Мне кажется, можно говорить и о другом отличии: азербайджанский ислам менее политизирован. Его влияние на общественно-политическую жизнь ничтожно, попытки структурироваться в партийные организации не привели к сколько-нибудь влиятельным образованиям.

Аббасов А. Политизация ислама в Азербайджане имеет несколько этапов. Первый — спонтанное во многом появление исламистов на майдане после событий 20 января 1990 года, ввода советских войск в Баку. Государственные структуры бездействовали, Народный фронт ушел в подполье, рассыпался, исчез из виду. И в этих условиях исламисты взяли на себя всю работу по умиротворению находившихся в шоковом состоянии граждан, организацию похорон, они же осуществляли как бы связь между возрождающейся политической властью и массами. Тут, пожалуй, стоит вспомнить и об акте политического мужества, проявленного шейх-уль исламом мусульман Закавказья (так назывался тогда этот религиозный титул) Аллахшукюром Паша-заде. Его резкое заявление, в котором Горбачев и его приближенные по Политбюро были названы главными виновниками побоища на улицах Баку, молниеносно выдвинуло шейха в ряды видных общественных лидеров. Этот имидж работал на него и много позже в меняющейся политической обстановке Азербайджана. В данном случае, этот исторический штрих стоит привести как факт, который сыграл роль детонатора в пробуждении мусульманства.

После января — второй этап — исламисты включились в политику и проявляли определенную активность вплоть до разгрома их политической организации в середине 1990-х годов. Тут начинается третий этап — определение места и роли ислама в условиях переходного периода. Оно характеризуется постепенным и настойчивым выдавливанием исламских организаций из политического поля. Последние законоположения отказывают лицу с зарубежным духовным образованием становиться во главе мусульманской организации. И окончательный итог этим мерам подводит закон, в соответствии с которым глава мечети не может назначаться без согласия руководства местной исполнительной власти.

Ильгар Ибрагим оглы. Я не припоминаю ни одного сколько-нибудь важного события, к которому бы наш Центр не выразил своего отношения. Конкретный пример, сегодня правозащитные организации пикетировали ряд государственных зданий в связи с планируемыми поправками к закону о неправительственных организациях. Я считал нужным вместе с другими верующими мусульманами принять участие в этой акции. Или другая особенность. Сейчас в среде практикующего ислама идет борьба, вызванная отказом от следования по пути как турецкого ислама, так и иранского. Прежде чем идти в политику, активно влиять на политические процессы, не говоря о том, что предлагать обществу некий свой, исламский путь развития, практикующий ислам должен стать равноправной частью гражданского общества. Не замыкаться в стенах мечети, не отделять себя от остальных граждан, а жить жизнью, устремлениями общества — таково отличие нынешней массы практикующих мусульман от тех политизированных группировок, которые возникли в 1990-е годы и, в конечном счете, сошли с политической арены. Главным направлением деятельности Центра является защита прав человека. Я в свое время закончил Исламскую академию в Тегеране, защитив диссертацию магистра теологии и философии, а затем учился в Международной школе прав человека Марика Новицкого в Варшаве. Среди практикующих мусульман ныне это не редкость. Многие из них учились в известных духовных центрах Стамбула, Каира, Ташкента, Баку. Вообще стремление получить духовное образование становится таким же естественным проявлением, как желание стать врачом, инженером, преподавателем. Это то, что сближает нас с теми, кто ставит достоинство человека целью и средством преобразования общества. Таков вкратце путь, по которому идет формирование азербайджанского ислама.

Если кто-то стремится сохранить в неизменности существующие несправедливости, то наше движение можно воспринять и как политику. Но это вовсе не те средства, методы и цели, которые выбирают политические партии, для которых превыше всего утверждения у власти или обладание ею.

Юнусов А. Хотя, наверное, надо сказать и о том, что это направление политического ислама в новейшей истории Азербайджана также оставило заметный след. В начале 1990-х годов стихийно возникшие исламские группировки активно включились в бурные политические процессы демократизации общественной жизни. Была создана Исламская партия Азербайджана (позже от нее отпочковалась Исламская демократическая партия), которая с самого начала подвергалась обструкции со стороны властей, а также независимых политических сил. В результате последовали преследования, руководство партии было арестовано, партию лишили регистрации, а затем попросту разгромили. Любопытно, что перед фактом гонений ИПА не нашла поддержки и у оппозиционных политических партий, которые дистанцировались от нее, публично объявив, что «участником демократического блока не может быть партия с исламской идеологией» (?!). Самое поразительное заключалось в том, что оппозиция (протюркской и прозападной ориентации) приняла решение о бойкоте исламистов до судебного вердикта, обвинившего их в измене Родине и шпионаже в пользу иностранного государства (ИРИ). Однако это было только начало. Следующий удар по политическому исламу был нанесен во второй половине 1990-х годов, когда власти обновили существующее зако-

нодательство о свободе вероисповедания такими поправками, которые делали невозможным самостоятельное независимое формирование зарегистрированных государством религиозных организаций. В частности, в новой редакции закона прямо указывалось, что все мусульманские общины по всем организационным вопросам подчиняются официальному Духовному Управлению мусульман Кавказа, соответственно для регистрации предписывалось представить устав, который соответствовал бы уставу религиозного центра, то есть упомянутого управления. Не будем подробно останавливаться на длинном перечне правительственного законодательства, резко ограничившего поле деятельности не просто политического ислама, но и всех мусульманских организаций. Результаты этих мер таковы: если до 1996 года в Азербайджане действовало 216 зарегистрированных религиозных организаций и общин и около 850 осуществляло свою деятельность без регистрации, то в последующем «выжили» 120. Распространено мнение, что преследования происламских партий и организаций, резкое ограничение их деятельности было вызвано сменой внешнеполитических ориентаций АР, следствием давления, исходящего от западных стран, и прежде всего США. Несомненно, это наблюдение не лишено оснований. Но верно так же и то, что, заручившись поддержкой внешних сил, азербайджанские власти стали избавляться от наиболее опасного противника, каковым им представлялся политический ислам, мусульманство вообще. Нейтрализовав его активную часть, власти постепенно вернули его в состояние, в котором он пребывал все предшествующее — советское — время, — играть роль своеобразного фактора для поддержания стабильности существующих светских структур и стать частью пропагандистской машины.

Агаев Р. Картина, таким образом, предстает следующая: есть взятая под жесткий властный контроль значительная часть мусульманской общины, есть ряд организаций и религиозных деятелей, осуществляющих самостоятельную просвещенческую деятельность среди мусульман, формируя так называемый азербайджанский ислам. Это, как я понял, и есть перспективный путь исламского движения, свободного от всего наносного, турецкого или иранского влияния, свободного от государственного контроля и неминуемого вторжения в самую сокровенную область человеческого сознания — его веру в божественный промысел. И тем и другим, собравшим под свое начало значительную часть этнических и практикующих мусульман, никак не по пути с радикалами — они антагонисты. В таком случае, откуда взялась религиозная группировка Кямрана Асадова, о которой упоминалось в начале нашей дискуссии? Этот молодой человек, как и некоторые другие члены группировки, является офицером азербайджанской армии. Я внимательно читал его показания после ареста и на суде: он не вилял, не говорил, что обманут, заблуждается, не раскаивался. Он убежден в своей правоте. Он считает, что его страна попала в сети международного заговора, направленного против всемирного мусульманства. Он мнит себя правоверным защитником ислама и считает, что надо встать с оружием в руках на его защиту, решительно избавляясь от тех, кто предал мусульманские народы. Я возьму на себя смелость утверждать, что давно и достаточно глубоко изучил ход и характер политических процессов, получивших развитие в Азербайджане в последние десятилетия. Азербайджан так и не стал демократией и не мог ею стать. Однако, вовлеченный в кровопролитный

конфликт с соседом, захватившим огромную часть его территории, безжалостно изгнавшим его граждан с собственных земель, Азербайджан так и не встал на путь террора или экстремизма. Среди нескольких сотен политических партий и организаций нет ни одной, которая практиковала бы террор как средство освобождения оккупированных территорий или устранения чудовищной социальной несправедливости. Она ужасает по той причине, что ожидаемые нефтедолларовые ливни от продажи нефти и газа сделали сверхбогатыми небольшую часть, обрекая на люмпенизацию миллионы. Возможно, мы не можем дать исчерпывающего объяснения данному факту ввиду того, что до конца не изучена природа азербайджанского ислама, в развитии которого многое указывает на умеренный характер его религиозности. И в то же время прецедент с вооруженной группировкой требует своего объяснения.

Ильгар Ибрагим оглы. В данном случае, как и в ряде других, речь идет о влиянии, как принято говорить, внешнего фактора. Обстоятельства возникновения такого рода группировок расследованы, привнесение их извне на азербайджанскую почву прослеживается многими конкретными фактами. Сложные политические процессы, разворачивающиеся на Ближнем Востоке, в Ираке, в Дагестане, на Северном Кавказе, их террористический компонент оставляют свой след в сознании всех мусульман, и азербайджанцы в этом смысле не исключение, особенно молодежь. Можно также утверждать, что возникновение радикальных группировок явилось в известной мере следствием тактических просчетов властей, которые, желая противодействовать многочисленным турецким и иранским религиозным организациям, практикующим в Азербайджане, открыли двери для проникновения различных арабских религиозных организаций. Не имеющие большого международного опыта правительственные организации, занимающиеся конфессиональными проблемами, фактически оказались бессильны перед фактом инфильтрации ближневосточного экстремистского элемента в азербайджанскую мусульманскую среду. Нечто подобное, но в несравнимо более широких масштабах, в свое время произошло и в Чечне во времена Дудаева. Однако развернуться международному экстремизму в условиях Азербайджана мешают, с одной стороны, иная природа политического руководства страны (оно все же представляет городской, европеизированный социум), отсутствие у него какого бы то ни было желания заигрывать с исламом, развитые охранительные инстинкты, наконец, широкие связи с международным истеблишментом, рассматривающим АР в качестве своего делового партнера. С другой стороны, светские традиции азербайджанского общества оказались достаточно зрелыми, а мусульманское сообщество — проявляет верность умеренной религиозности. Это — устоявшаяся традиция, часть азербайджанской ментальности. И одиночными экстремистскими вспышками ее не преодолеть.

Юнусов А. К слову, после внесения поправок в закон о свободе вероисповеданий очень скоро обнаружилось, что в стране стал возрождаться некий «экспортный ислам». Причем, активную роль в нем играли проповедники из Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Кувейта. ДУМК был просто не в состоянии оказывать какое бы то ни было воздействие на этот новый процесс, в котором тон задавали ваххабиты, а также ряд радикальных исламских организаций. На их фоне ИПА, пугавшая всех своими проиранскими симпатиями,

выглядела просто оплотом либеральной демократии. Очень скоро для всех, и прежде всего для властей, стало ясно, что за разгромом ИПА последовало появление иных религиозных сил — свято место пусто не бывает. Но эти силы уже действовали полулегально, вне контроля государства и общества и представляли большую опасность, нежели легальная и предсказуемая партия исламистов. Действовала известная политическая закономерность: зажим умеренных идеологий провоцирует распространение радикальных взглядов, тем более, что внешний фон по всему геополитическому периметру служит мощной идейно-политической подпиткой.

Агаев Р. Хорошо, с этим, будем считать, мы определились. Но как быть с другим явлением? Азербайджан, как известно, относится с особым пиететом к Турции, туркам и вообще ко всему турецкому. Наши страны связаны исторически, политически, этнически и теперь и энергетически. Помнится, с началом демократизации первым делом молодые азербайджанские политики ринулись создавать партии по типу турецких: «Ана ветен», «Догру йол», «Гуртулуш» и даже «Серые волки» мелькнули и исчезли. В эти же годы шел бурный процесс исламизации турецкого общества. Некоторые полагают, что Турция предлагает исламскому миру модель исламской демократии, пусть и скопированной во многом с христианских демократий Запада. Отчего же азербайджанские политики, в том числе из среды политического ислама, не проявляют интереса к этому уникальному во многих отношениях опыту? Поясню свою мысль, скажем, для повторения иранского опыта в Азербайджане нет ни традиций, ни сил, ни статуса аятолл, ни 2500-летнего опыта самостоятельной государственности. Другое дело этнически близкая Турция, со своим достаточно привлекательным опытом — он воспринимается многими, в том числе и в Европе, как неоисламизм или евроисламизм, как концепция, нацеленная на причудливое соединение либерализма и демократических ценностей ислама.

Аббасов А. Причина инертного отношения политического ислама в Азербайджане к турецкому опыту кроется в этнорелигиозном своеобразии Азербайджана. Эта единственная в тюркском мире страна, исповедующая шиитское направление ислама. Так что броская формула, взятая на вооружение политиками обеих стран «Одна нация — два государства!», хороша с точки зрения пропаганды, но, увы, отражает реальность только отчасти. Иранское влияние на духовную жизнь азербайджанцев до российского периода (с начала XIX века) было значительным и наиболее долговременным. И связано это во многом общей исламской ориентацией.

Ильгар Ибрагим оглу. Структурного воплощения турецкой модели неоисламизма в Азербайджане нет. И связано это с осознанным подходом азербайджанского ислама не копировать чужой опыт — иранский или турецкий, о чем я уже говорил. В азербайджанском исламе зреет убеждение в необходимости собственного развития, собственного пути. Усиливается и другое — желание политических партий сотрудничать, контактировать с представителями исламского движения, в частности, с нашим Центром. Период obstructивного отношения к исламскому движению во многом преодолен. Позиция большинства политических партий такова: демократическое развитие Азербайджана предполагает равноправное развитие азербайджанского ислама как важной составляющей формирующейся политической системы,

как один из существенных компонентов становления гражданского общества. Нас объединяет общая идейно-политическая платформа — мы все хотим жить в свободном, благополучном, социально развитом обществе. Реальная политика подбрасывает немало вопросов, на которые у исламистов и политиков разные ответы. Мы по-разному оцениваем палестино-израильские отношения, войну в Ираке и проблемы ИРИ — от этого никуда не уйти. Но те, кто солидаризировались с вторжением в Ирак, сделали все, чтобы скрыть от мировой общественности катастрофические последствия политики Буша, должны быть готовы выслушать и мнение тех, кто предостерегал о неизбежности возгорания большой войны и антиисламских тенденций в политике некоторых государств. Диалог азербайджанских исламистов и политических сил не только помогает снять возникающие острые разногласия, он является нормой и проявлением умеренной религиозности, поддержание которой мы считаем важнейшей задачей. Благодаря этому сложилось так, что практикующие мусульмане Азербайджана стали частью гражданского общества. Это то, чего нет в Средней Азии, например. Мы сотрудничаем с другими общественными силами в Комитете по евроинтеграции.

Это качественно иное состояние общества, способствующее вызреванию более благоприятных условий для нормального развития политического ислама в ее азербайджанском варианте. В том и состоит отличие собственно полноценного, нормального азербайджанского ислама от других форм его проявлений: мы стремимся к транспарентности, они тяготеют к подполью, мы ищем общения, диалога, дискуссий — они предпочитают изоляцию. Наш Центр инициировал ряд акций, поддержанных всеми представителями гражданского общества. Так было, когда власти собирались запретить трансляцию азана (призыв к молитве) в Баку, благодаря консолидированной позиции удалось настоять на отмене этого запрета, такое же понимание было проявлено на созванном Центром форуме, осудившем антиисламскую акцию — публикацию карикатур на пророка или проведение протестных мероприятий в связи с войной на Ближнем Востоке и т.д. Это, повторяю, качественно иная ситуация вокруг азербайджанского ислама. Чего не было ни десять, ни даже пять лет назад.

Агаев Р. Но приведенные вами соображения говорят и о другом, в азербайджанском исламе усиливаются политические тенденции, и при определенных обстоятельствах он может приступить-таки к формированию азербайджанского варианта исламской демократии. Христианские демократы в Европе тоже не сразу пришли к идее соединить либеральные и христианские ценности. И Турция долго и трудно шла к этому рубежу.

Джуварлы Т. Бесспорно, что этого исключать абсолютно нельзя. Но созрели или только зреют такого рода предпосылки — для меня большой вопрос. И вот почему. Какие-то бинарные тенденции, очень живучие в азербайджанском мировосприятии, возникшие где-то в начале XX века, сохраняют свою актуальность и поныне: «Иран и Туран», «Ислам и Тюркизм», «Ислам и демократия», «Тюркизм и Евроинтеграция», «Демократия и Национализм». Все эти антиномии не исчезли полностью, они остались, хотя прошло более ста лет. Эта данность азербайджанского политического сознания и процесс общественного развития находятся как бы в перманентном противоборстве. Место и роль политического ислама в Азербайджане, его перспективы взаимосвязаны с

этими национальными предпочтениями, создающими своеобразный идеологический баланс, своеобразное системное равновесие.

Аббасов А. Правозащитная деятельность Центра Ильгара во многом ведет к соединению ислама и демократии. Гармонично вписываются в это течение и инициативы Наримана Касум оглы, предлагающего сделать доступным Коран массам народа, перевести его на современный азербайджанский язык, как в свое время это сделали в Турции, и в дальнейшем вести богослужение на азербайджанском. Ревнителю чистоты ислама всегда сопротивлялись и будут сопротивляться этому, но, думается, если мечеть пойдет на это, процесс приобщения к исламу станет наконец глубоко осознанным и, следовательно, демократическим.

Государственный курс многие десятилетия направлен на европеизацию всех сторон жизни, официальная политика, ориентированная на форсирование евроинтеграции, строится не на пустом месте, а на достаточно прочном фундаменте светскости, размыть который не просто даже при самом мощном и долговременном внешнем влиянии. Оппозиции этому курсу нет. Но появилось другое — интеллигенция заговорила о необходимости развивать чувство национального. Это — реакция на эффект глобализации. Речь идет не о страхах за потерю языка, обычаев — это пройденный этап. Идет интуитивный поиск чего-то недостающего в самой духовности, в том числе и религиозной.

Ильгар Ибрагим оглы. Азербайджанский ислам самодостаточен. В дальнейшем нетрудно предвидеть, что в вопросах социальной справедливости он может интегрироваться с левыми силами, а в деле защиты человеческого достоинства — с правыми. Это надежно оберегает его от опасности маргинализации, которая не исключается в стране, где уделом большинства населения является бедность, нищета, безработица.

Аббасов А. Ясно, что идет обновление в рядах исламского движения. Новые поколения вносят новые идеи, инициативы, ибо у них иное мироощущение. Определенно можно сказать, что в ближайшие годы мы станем свидетелями роста религиозности. Но каковым будет соотношение радикальных настроений с формирующимися очагами умеренного ислама? Мне кажется, перспектива за последними. Эти процессы, несомненно, способствуют усилению политического ислама. Другой вопрос — когда он включится в политическую борьбу в качестве равноправного игрока? В краткосрочной перспективе это вряд ли возможно. С учетом того, что в Азербайджане слишком сильна тенденция к западным ценностям и достаточно прочны устои светской модели государственности, ислам будет играть все возрастающую роль в жизни гражданского общества. Но трансформация этой тенденции в серьезную политическую силу требует времени и вызревания иных условий, равно как и притока дополнительных человеческих ресурсов. Все это пока что не просматривается в азербайджанских реалиях.

Агаев Р. Итак, можно сделать вывод о том, что азербайджанский ислам находится в развитии. Его дальнейшие судьбы связаны не только с влиянием, оказываемым международным движением мусульман. Время покажет, в состоянии ли новое поколение исламистов, сохранив наработанные ценностные установки, утвердиться в обществе в качестве авторитетной общественной силы, способной ставить и решать задачи общенационального порядка в формах, соответствующих устоявшимся традициям не только самих мусульман, но и нации в целом.

ПУБЛИКАЦИИ

«Исторический опыт многовековой адаптационной практики огромного по масштабам и содержанию региона имеет существенное значение в связи с тем, что современное и перспективное развитие России и всего северо-востока Азии зависит все в большей степени от эффективности адаптационных мер в ходе модернизации сибирского края»...

Это основная мысль большого исследования, завершеного профессором Института истории Сибирского отделения Российской академии наук Михаила Ефимкина, известного читателю по предыдущим выступлениям в «Вестнике аналитики».

Введение к монографии, которое мы публикуем в номере в сокращении, дает, на наш взгляд, достаточно полное представление как о новых подходах к анализу эволюции индустриально-модернизационной адаптации Сибири, так и о содержании работы в целом.

Михаил ЕФИМКИН

СИБИРСКАЯ РОССИЯ. СОЦИАЛЬНО-ИНДУСТРИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ¹

«В истории России, в отличие от Западной Европы, было свое особенное предназначение».

А.С.Пушкин.

Из письма П.Я.Чаадаеву. 1836 год

Подобная оценка, высказанная в дискуссионной переписке великого мастера и интеллектуала своей эпохи, приобрела впоследствии особую значимость и злободневность. Она, по сути дела, легла в основу теории русской самобытности, особого исторического пути России в мировом цивилизационном процессе. Но, к сожалению, его особенность заключалась в том, что это был путь по бездорожью — в прямом и переносном смысле. Направления его определяло безудержное расширение России на территории с разнообразной географией и цивилизационным содержанием. Оно было полно трудностей, взлетов, падений и препятствий. Особенно для восточного вектора территориального расширения России, стремительно вбиравшей в себя огромные пространства северо-востока Европы и Азии, — зачастую противоречивые на местном уровне и, тем более, на уровне взаимоотношений с втягивающей их в себя метрополиями. Данный процесс зачастую удобно вписывался в рамки изначальной российской цивилизации, обладающей до сих пор противоречивыми качествами.

¹ *Ефимкин М.М.* Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация // РАН РФ. Сибирское отделение. Институт истории. — Новосибирск, 2009.

Черты данного цивилизационного типа, заложенные в основу менталитета, несли простые русские люди на новые территории, продвигаясь «встречь солнца». Восточному азимуту в немалой степени способствовали на начальном этапе западно-центристские устремления российской элиты, а в дальнейшем — стимулирующая политика российского государства. На всех этапах располагали к этому и неблагоприятные природно-климатические условия хозяйствования, требующие для расширенного воспроизводства постоянного прироста новых территорий, новых ресурсов. Осваивая «свежие» земли, русское население и государство несли на них первобытные черты «экстенсивного цивилизационного типа», которые приспособлялись, адаптировались и получали дальнейшее оформление на этих бескрайних просторах. Геостратегической причиной, предтечей данного направления во многом была историческая неспособность Киева быть центром России, или, как писал С.М.Соловьев, «ее государственным зерном». Экспансия соседнего Запада и постоянно растущее давление Великой Степи (Востока) определяюще способствовали разрушению геополитической системы Киевской Руси, очертив восточное, или, точнее, северо-восточное направление миграции.

Уход на земли Волжско-Окского междуречья был ускорен и довершен татаро-монгольским нашествием, определившим качественно новый цивилизационный абрис Руси–России². Смещение геополитического центра на Восток, исторически длительное влияние туранского фактора (монголо-татарского и турецкого культурного круга) привели к существенному изменению цивилизационных характеристик Русского государства.

Именно это объясняет столь кардинальный цивилизационный разворот будущей России от Киевской Руси к Московскому царству. Только в подобном контексте можно говорить о том, что геополитически и цивилизационно Московская Русь значительно отличалась от Руси Киевской, формируясь и приспособлявая новые территории уже как собственно евразийская держава. Не видеть и не учитывать этого трудно. Поэтому факторы, определяющие неровный пульс российской истории, ее маятниковый ритм, о которых уже много сказано и написано, многообразны и разноплановы³.

Истоки разнообразия адаптационных процессов в нашей стране в ходе их осуществления были причудливо разнообразны и нередко повторяемы. Они в полной мере осуществлялись на сибирских просторах, усиливаясь по мере включения в них элементов местного богатого социального и природного колорита. За примером далеко ходить не надо. Двадцатое столетие было веком индустриализации Сибири, достигшей в своих модернизационных

² Мы ни на минуту не забываем, что есть утверждение: «...распад Киевской державы совершился сам собой (курсив наш. — М.Е.), еще до татаро-монголов». См.: Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. — Новосибирск, 2005. С. 155.

³ Подробнее о пространственном расширении России на Восток и изменении ее цивилизационного типа развития см.: Ефимкин М.М. Роль социально-демографического фактора в пространственном расширении России на Восток: итоги и перспективы // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. — Новосибирск, 2001. С. 5–20; Он же. Роль социального фактора в пространственном освоении Востока России // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2003. № 2. С. 41–45; Он же. Россия: особенности исторического пути. — Новосибирск, 2003. 151 с.

изменениях существенных результатов, основой которых стали «революционные изменения» в промышленной сфере⁴.

Системные изменения, произошедшие в стране, обрушили прежние достижения в данной области общественного производства. И в первой четверти XXI века вновь выдвигается в повестку дня задача очередного индустриального цикла в Сибири и на Дальнем Востоке в связи с необходимостью интенсивного развития России. Институт региональной политики в Красноярске разработал «Комплексные эффекты новой индустриализации России», в которых рассчитано, что до 2020 г. сумма частных инвестиций для реализации всех проектов составляет в Сибири и на Дальнем Востоке более 280 млрд. долларов, что значительно больше, чем за все годы Советской власти. А с учетом государственных вложений эта сумма должна утроиться⁵. Подобного отката история еще не знала или не фиксировала в своих скрижалях. А ведь для продвижения к постиндустриальной модели развития технологическая модернизация должна быть завершена.

На стартовом этапе использования сибирских земель московским центром не существовало в отношении данной окраинной территории никаких стратегических замыслов. Шло, по сути дела, ее стихийное приспособление, что называется, на потребу дня. Именно приспособление, ибо так звучит термин латинского происхождения «адаптация» в нашем родном русском языке. Приспособление — взаимодействие субъекта или субъектов с социально-природной средой, подчинение, требующее тонкого взаимодействия адаптивной и одновременно адаптирующейся активности, особенно при масштабных обновлениях среды при использовании нешаблонных, неодобряемых и неизвестных ранее способов. В третьем тысячелетии — особенно. Исторический откат нашей страны знаменуется фактически полным отрицанием и разрушением итогов советской модернизации

...Еще великий русский историк В.О.Ключевский писал о том, что Россия — «переходная» страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа обусловила ее особенности, которые всегда влекли ее к Азии, или Азию влекли к ней. Данный цивилизационный облик и содержание усиливались по мере превращения Сибири в Россию. А это был сложный геополитический и социокультурный процесс, в основе которого преобладали российские цивилизационные характеристики и ментальность русских людей, определяющим стержнем которых являлся русско-православный элемент и генетически обусловленная способность осваивать пространства и жить в экстремальных природно-климатических условиях⁶. Это во многом определяло исторические ритмы развития Сибирской России, существенно розня их с общероссийскими, что в большей степени сближало ее

⁴ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX веков. — М., 2004.

⁵ Алексеев В.В. Парадоксы российской модернизации XX века // Россия в поисках национальной стратегии развития. — Екатеринбург, 2003. С. 5.

⁶ См.: Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4, 5; Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (опыт метаисторического исследования): В 4 ч. М., 2001; Ефимкин М.М. Россия: особенности исторического пути; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX века. — Омск, 2004; и др.

с окружающей Азией, чем с метропольной Россией. Тем не менее в пользу последней играло обстоятельство слабой адаптивности народов региона друг к другу и, особенно, к зарубежным соседям. Поэтому в длительной исторической перспективе особую роль играли пространственные и цивилизационные координаты адаптационных процессов.

Условия, формы, методы и механизмы адаптации менялись на различных исторических этапах. А в России — особенно. В дальнейшем — как это ни странно — по мере нуждаемости страны в природных кладовых края и его стратегическом расположении, темпы адаптации становятся все более стремительными, хотя и до этого процесс приспособления был не особенно «вживаемым». Метропольное наступление на регион часто носило циклический, революционный по содержанию, характер.

Специалисты, указывая на выделенное место Сибири в российской истории как постоянно осваиваемой территории, требующей от человека особого взаимодействия и взаимоотношения с окружающей природной и социальной средой, говорят о «переселенческой революции», «спецпереселенческой революции», «демографической революции», «промышленной революции», «аграрной революции», наконец, о «крупнейшей геополитической революции XX века»⁷. О какой вживаемости в природно-социальную среду можно здесь говорить, если людям до сих пор приходится жить в состоянии постоянной мобилизационной готовности? Происходило экстремальное приспособление к экстремальным условиям, которое осуществлялось путем грубого вторжения в социально-природную и этническую среду — железной рукой российское централизованное государство подчиняло регион жестким бюрократическим рамкам.

Конечно, все эти потрясения — а иначе их содержание не определить — слабо сопрягались с процессом адаптации, закрепляемым в смене поколений. Адаптация — наиболее сущностная сторона народонаселенческих, миграционных процессов. Потому-то Сибирь и видится некоторым скорее огромным территориальным пространством, а не сообществом⁸. Видимо, это полемический перехлест, ибо геополитическая ретроспектива и стремительные процессы глобализации — свидетельство того, что данные пространства и люди, на них проживающие, давно стали неотъемлемой частью Российского государства, выведя его в ранг великих держав. Без подобного институционального оформления это, действительно, будет территория, могущая стать легкой добычей стесненных в ней государственных образований. Не случайно поэтому мы конкретизировали давнее наименование этих пространств «Азиатская Россия», назвав их Сибирской Россией. Два великих достоинства России — ее человеческий потенциал и природные ресурсы — нуждаются в защите, ибо они уже изрядно порушены, и процесс этот нарастает.

⁷ Алексеев В.В. и др. Азиатская Россия... С. 108; Букин С.С., Красильников С.А., Ламин В.А., Покровский Н.Н., Шелегина О.Н. О перспективах исследования в Институте истории СО РАН проблемы «Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах». — Новосибирск, 2006. С. 3–9; Шиловский М.В. Сибирский фронт: неоконченное путешествие по неизведанной земле // Евразия: региональные перспективы. — Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. С. 109.

⁸ Дятлов В.И. Трансграничные мигранты и российское общество: стратегии и практики взаимной адаптации // Евразия: региональные перспективы. С. 21. Далее см. раздел историографии.

Подобный призыв прозвучал еще в 1996 году, в ходе очередной выборной президентской кампании, в обращении лауреатов Нобелевской премии и ряда ученых-экономистов из США и России, указавших на необходимость создания «новой системы социальных отношений»⁹. Нельзя не сказать и о том, что вновь вошедшая в моду теория «евразийства» для России, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, во многом, если не в главном, определяется Сибирью — регионом, который играет на современном этапе принципиально важную роль в новой политической конфигурации, складывающейся в мировой геополитической конъюнктуре¹⁰. Это тем более актуально в связи с продолжающимся сжатием западной, наиболее населенной, части страны и энергичными попытками внедрения данного процесса на востоке России.

Несомненно, прав академик В.В.Алексеев, говорящий о необходимости нового взгляда на азиатский исторический лик России с соблюдением аналитически тонкой и концептуально осмысленной сепарации тенденций, событий и фактов и помещением их в совершенно иные, чем прежде, контексты и структурные построения. Очевидно и то, что в серьезных аналитических разработках должен присутствовать и исторический подтекст современных проблем¹¹.

Конечно же, роль исторического опыта велика, и он незримо присутствует в жизни любых поколений, ибо исторический опыт есть не что иное, как предыдущая деятельность человека, оцененная и закреплённая в общественном сознании. Однако мир изменяется так стремительно, вбрасывая все новые и новые загадки, что упование на использование опыта аналогичных ситуаций или даже целых эпох в жизни определенного общества и государства уже не играет прежней роли. Об этом наглядно свидетельствуют переход российского общества в стадию капитализма на новом этапе и разразившийся мировой финансовый кризис, практически неожиданно ворвавшийся в финансово-экономическую жизнь международного сообщества независимо от общественного устройства входящих в него государств.

Теоретическое оформление исторического опыта, заключенное в наборе соответствующих дефиниций, как его вторичное отражение, устаревает еще быстрее, если только не реанимируется для социально-политической практики. Так что ретроспективные вторжения, вызванные исторической ситуацией, всевозможные логические построения редко бывают пригодными для современных ситуативных конфигураций. Они, как правило, «однажды явившись и получив некоторое распространение, начинают жить собственной жизнью, не будучи связанными с реальными фактами и процессами»¹². Здесь важен исторический опыт осуществления теоретико-политических изысков на потребу дня доминирующими государственными образованиями или их союзниками, а не их оформление в те или иные теории.

Известно, что в каждую эпоху и в любом обществе изучение процессов истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняется господствующим

⁹ Независимая газета. 1.07.1996 г.

¹⁰ Евразия: региональные перспективы...

¹¹ Алексеев В.В. и др. Азиатская Россия... С. 8, 12.

¹² Ламин В.А. Выступление за «круглым столом» «Евразийский вектор в глобальном мире: прошлое, настоящее, будущее» // Евразия: региональные перспективы... С. 11.

щим тенденциям данного времени и места¹³. Мы уже писали об этом, давая оценку вновь раскручиваемой теории «хартленда» Хелфорда Маккиндера. Видимая некоторыми специалистами логика в российском интересе к Маккин-деру весьма условна, если не далека от реальности. Его геостратегические размышления были связаны с оценкой роли территории, стратегического положения и вытекающих отсюда преимуществ для Британской империи. Отчего-то вдруг «с распадом Советского Союза и признанием региона как территории произошло возобновление интереса и внимания к нему... изменение восприятия Сибири»¹⁴. Более того, «сквозь «евразийские очки» становятся видны связи между регионами России и ее энергетическими проектами в Восточной и Северной Азии, которые поставили Сибирь в выдающееся положение»¹⁵.

Еще в 1970-е годы в связи с мировым энергетическим кризисом наглядно проявилась возрастающая роль сибирского региона, ставшего уже в 1940–1950-е годы определяющим геостратегическим вектором Советского Союза, и не только в евразийском пространстве, что демонстрировалось мировому сообществу без всяких «евразийских очков». В результате же развала в 1990-е годы супердержавы произошло выделение из нее полуразрушенной, стоящей на коленях и просящей валютные подаяния России с еще живыми, неистребимыми имперскими амбициями.

Психология масс, еще более чем психология индивида, остается весьма консервативной субстанцией. Ее трудно подвинуть на радикально новые формы восприятия и адаптации, скорые в своих темпах и по времени. Тем более, что за тем общественным укладом, который формировался в девяностые годы, не было «правды, что, как воочию, так и подспудно ощущал каждый». Плюс к этому образовалась бескрайняя идеологическая лагуна, которую нечем было заполнить. «Младореформаторы предложили деньги, которые в России сыграть подобной роли не могли. А в среде интеллигенции началось массовое отречение от марксизма — официальной государственной идеологии и его формационной теории, преимущественно по политическим и психологическим мотивам, далеким от научного подхода. А тут еще Запад отторгнул распростертые ельцинские и иже с ним объятия России. На помощь пришел испытанный прием: обращение к прошлому — ретроспектива. Бальзамом явилась теория «хартленда» Ф.Маккиндера. Как же: мы — и «ось истории», и «мировой нервный центр», и прочая, прочая...»

Пошла писать научная, публицистская, а затем и политическая губерния. А то, что это — повторение задов мировой и российской общественной мысли, — кому до этого дело? Не слишком ли часто будущее России заимствуется из ее прошлого? Вот уже созданы и политические (?) партии евразийского толка, написавшие программные тома евразийской чепухи, даже не подозревающие о возможности такого явления, как мировой финансовый кризис, куда Россия буквально влетела, будучи финансово привязанной к западной экономической системе, несмотря на политическое позиционирование себя «важнейшим евразийским государством»¹⁶.

¹³ Тойнби А. Постигание истории. — М., 1991. С. 167.

¹⁴ Евразия: региональные перспективы...; *Ефимкин М.М.* Роль социального фактора... С. 43.

¹⁵ Евразия: региональные перспективы... С. 48, 52, 117.

¹⁶ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. — М., 2000.

Прав, по-видимому, и член-корреспондент РАН Б.В.Базаров, который за тем же «круглым столом» высказал суждение о том, что «огромное количество теоретических конструкций существует само по себе, и во многом это становится тормозом реальной социальной, политической и культурно-исторической мысли. Ведь мы все понимаем: единой формулы быть не может, но каждый раз используем эти мертвые схемы для интерпретации процессов, протекающих в мире»¹⁷. Кстати, в Китае, которому Ф.Маккиндер предрекал возможную, отдаленную в перспективе, роль ведущей политической силы в контроле над «хартлендом», довольно спокойно воспринимают подобную идеологему даже в современном глобалистском оформлении. Мы же, в силу определенной замкнутости мышления, чаще всего приспосабливаемся к знаниям «того времени», тогда как надо бы вырабатывать и формировать другое видение мира и, в частности, «того времени». Теоретическая мысль и социальная практика в России только однажды предложили новую схему общественного бытия, не воспринятую Западом, ее выдвинувшим. Впрочем, так же, как и православную ветвь христианства, против которой он упорно и яростно воевал и воюет до сих пор.

В России все большее место завоевывают православная и мусульманская идеологии и другие религиозные и окологрелигиозные течения, стимулируемые трудными реалиями земной повседневной жизни подавляющего большинства. Да и сытый Запад ничего существенного в этом направлении не предложил. Даже чрезвычайно актуальная идея устойчивого развития планетарного сообщества поддерживается ныне далеко не всеми государствами мира, что воочию проявилось еще на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в июне 1992 года в ходе принятия основополагающих документов, выработанных и предложенных ею¹⁸.

Россия, благодаря гражданскому и научному подвижничеству таких ученых, как академики В.А.Коптюг, Н.Н.Моисеев и др., хотя бы формально не осталась в стороне от разработки данного направления в процессе поиска новой модели развития мировой цивилизации. Был принят Указ Президента в феврале 1994 года «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития». Однако он так и остался только на бумаге. Что не удивительно. Страна в своем маятниковом откате вновь повторяла зады раннего дикого российского капитализма. Концепция устойчивого развития была явно нежелательной, поскольку подрывала опору либеральных преобразований, ориентированных на введение системы рыночных отношений и частной собственности любой ценой¹⁹.

И это в то время, когда даже Запад задается вопросом: «...Сумеем ли мы предотвратить превращение мира во всеохватывающий рынок, где господствует закон сильного, где главной целью является получение максимальной

¹⁷ Евразия: региональные перспективы... С. 27.

¹⁸ Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года) // Информационный обзор. — Новосибирск, 1993. С. 8; Программа действия. Повестка дня на XX век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении / Центр «За наше общее будущее». — Женева, 1993; Устойчивое развитие: Россия, Сибирь, Байкальский регион. — Новосибирск, 1998.

¹⁹ Устойчивое развитие... С. 27, 46.

прибыли в кратчайшие сроки, где спекуляция за несколько часов сводит на нет плоды труда миллионов людей? ...Не отдаем ли мы будущие поколения игре этих слепых сил? Сумеет ли мы создать международный порядок, основанный на прогрессе и, прежде всего, на социальном прогрессе?»²⁰

Благополучные скандинавы, давшие миру идею-надежду, прямо говорят о том, что «рыночная экономика с ее безудержной эксплуатацией человека и природы сама по себе не может решить глобальные проблемы, защитить интересы бедных людей и следующих за нами поколений»²¹. В мире разгорелась и все более усиливается борьба за источники сырья, которую рыночные силы будут лишь усугублять. И молодой хищный российский капитализм ринулся к этим источникам в погоне за многообещающими прибылями. О каких будущих поколениях здесь думать? Сегодняшнее вымирает — наплевать!

Национальным позором назвал данную ситуацию в России В.А.Коптюг, осознавший всю тщетность и бесполезность разработки национальной концепции устойчивого развития. А ведь именно он считал, что нет на земле страны, по своим ресурсам, возможностям и духовному потенциалу более точно соответствующей концепции устойчивого развития, чем Россия. Но он пришел к выводу, что курс, которым сейчас идет Россия, ведет в сторону, противоположную устойчивому развитию²².

Глобализм как «превращение мира в единое место (термин Р.Робертсона) не имеет ничего общего с естественными процессами развития человечества, с технологическими решениями, открывшими путь к бурному росту экономики, культуры и прочих связей на планете»²³. Объектом действия для глобализма является рынок мировых ресурсов. Отсюда — процесс потребления ресурсов извне, без их производства и воспроизводства (не говоря уже о расширенном) внутри собственной системы — такова на деле суть постиндустриального потребительского общества, позиционированного высшим эталоном развития западной (а значит, и мировой?) цивилизации.

Информационная сфера — основная константа для установления господства глобализма над миром. Потому-то историзм любой науки — враг глобализма. Необходимое изучение истории становления и развития российской государственности и ее цивилизационного типа, приобретения Россией статуса великой державы, рост ее геополитической значимости в мире будет непродуктивен без анализа и учета в данных процессах ее территориального приращения азиатскими территориями и, в первую очередь, сибирским макрорегионом. Центр адаптировал, приспособливал те районы сибирского края, которые по своей значимости носили ярко выраженную метропольную значимость.

Именно такая позиция должна быть в основе отношения к Сибири как центральному элементу в развитии нашего государства, ставшего не серьезным препятствием его продвижения вперед, а геоэкономическим фундаментом геополитического положения России в современном мире. Он создавался тру-

²⁰ Выступление президента Франции Франсуа Миттерана на Всемирном форуме в 1995 году в Копенгагене // Устойчивое развитие... С. 33.

²¹ Там же.

²² Академик *Н.Л.Добрецов*. Введение к книге «Устойчивое развитие: Россия, Сибирь, Байкальский регион». С. 7.

²³ *Березовский В.* Россия и ее ориентиры в современном обществе // Главная тема. Сентябрь, 2005. С. 26.

дом многих поколений, освоивших эти суровые пространства. Поэтому мы вслед за другими исследователями выделяем труд, трудовую деятельность масс по освоению Сибири и изменения, происходящие в них, в основную предметную область в исторических изысканиях о данной территории²⁴. Ибо история есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека, являющегося единственным творцом своей истории²⁵.

Думается в связи с этим, что главная задача историка — воспроизводить и объяснять последовательность исторических изменений в развитии общества, его отдельных стран и территорий, т. е. использовать принцип историзма. Это принятая и наиболее распространенная точка зрения в мировой исторической науке²⁶.

В таких исследованиях анализ опыта прошлого, обращенного в настоящее и, в известных случаях, в будущее, — необходимое условие успешного преломления их в социальной практике, без претензии на конкретные прикладные рекомендации. Мы можем и должны изучать прошлое, чтобы понять и объяснить настоящее и, не пророчествуя, готовить будущее²⁷. Соблюдение принципа историзма особенно важно для исследователя, выходящего в своих изысканиях на современность, что выводит его на изучение систем, еще не завершенных, открытых. Как писал еще Д.Лауэнталь, история познаваема, потому что датируема.

Наша хронология довольно проста: положение Сибири в хозяйственной структуре России определяет ее бывшую, сегодняшнюю и перспективную роль. Ее нарастающее геостратегическое значение для государства стало заметно проявляться с XVII века и увеличивается по сей день — в XXI веке, — имея в этом многовековом периоде свои внутренние этапы, обусловленные процессами общегосударственного и мирового масштаба²⁸.

Научную проблему, поставленную в настоящей книге, можно сформулировать как изучение процесса российской социально-индустриальной адаптации сибирской территории и этносов, проживающих на ней, в рамках вышеуказанных хронологических параметров. Ход и содержание российской адаптации Сибири, по существу, определили ее историческую судьбу — вживание в ткань российской державности и постепенная историческая трансформация из «далекой окраины» в геополитически растущую часть крупнейшей

²⁴ Подробно наша методологическая позиция изложена в следующих работах: *Ефимкин М.М.* Социальное развитие рабочего класса Сибири (конец 1950-х — начало 1980-х годов): Дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1988. С. 61–65; Он же. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980: Моногр. — Новосибирск, 1989. С. 51–52; Он же. Россия: особенности исторического пути. С. 8–29.

²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 32; *Сорокин П.* Историческая необходимость // Человек, цивилизация, общество. — М., 1992. С. 518–520.

²⁶ Между тем в работе «Нищета историзма» выдающийся мыслитель XX столетия К.Поппер противопоставляет историзму социальную инженерию. Задачу истории он видит только в анализе отдельных событий и объяснении их причин. Но и он констатирует: «История — то, что случилось в прошлом» (М., 1993. С. 56, 62, 76, 111).

²⁷ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. — М., 1988. Т. 1. С. 4, 60–62; *Февр Л.* Бои за историю. — М., 1991. С. 27, 36.

²⁸ Более подробно о проблемах отечественной и мировой хронологии см.: *Ефимкин М.М.* Перестройка: необходимость или закономерность // За науку в Сибири. 21 июля 1989; Он же. Время — что же это такое? // Россия: особенности исторического пути. С. 30–38.

евразийской державы, основу ее будущего устойчивого развития. Основным движителем данного хода российской истории было государство и его неумные первопроходцы, применявшие и утверждавшие различные формы, приемы и методы освоения новых пространств, приспособлявая (адаптируя) их в соответствии со своим российским менталитетом, меняя его под влиянием новой социально-географической и климатической среды. На различных исторических этапах адаптационного процесса его формы и содержание менялись в зависимости от государственных потребностей России, ее экономического и геополитического состояния и положения.

Неизменным оставалось только одно: промысловое, промышленное, а затем и индустриальное приспособление сибирской губернии в соответствии с политическими задачами. Особенно в XX веке и в начале XXI века, когда остро встал вопрос о содержании и темпах модернизации страны. В основу данной научной проблемы, на решение которой направлены авторские усилия, лежат формы и содержание хода социально-индустриальной адаптации северо-восточной территории России (Сибирской России), ее хозяйственное приспособление и освоение сообразно собственному цивилизационному типу развития.

Происходит исторический «сдвиг на Восток» — неизбежный путь России к двум океанам, изменение континентальной составляющей и, как следствие, ее геостратегического положения в мире.

В центре всех этих процессов находились русские люди, шедшие «встречь солнца», обживая и приспособлявая новые пространства, являясь основой и деятельной силой адаптационных процессов, инерционное движение которому в значительной степени придавало государство. Особенно ярко данное обстоятельство проявилось в ходе модернизационных преобразований, когда обострились миграционные проблемы населения Сибири и контрастно обозначился мощный внешний (зарубежный) демографический пресс. Исторический опыт многовековой адаптационной практики огромного по масштабам и содержанию региона имеет существенное значение в связи с тем, что современное и перспективное развитие России и всего северо-востока Азии зависит все в большей степени от эффективности адаптационных мер в ходе модернизации сибирского края.

Научная актуальность и общественно-политическая значимость изучения процесса российской социально-индустриальной адаптации Сибири определяется необходимостью и возможностью полного ретроспективного освещения ее форм и методов, их влияния на ход освоения и развития обширного сибирского края и дальнейшие темпы ее модернизации. Особенно значимо выявление форм и объемов участия в данном процессе государственных структур, уровня его плодотворности в процессе индустриализации XX века и возможности учета предшествующего опыта на современном этапе, прежде всего в области народонаселенческой политики на северо-востоке страны. Индустриальное развитие было той фундаментальной основой, которая мало меняла свои сущностные характеристики, представляя собой практически непрерывный процесс промышленного роста, исключая периоды потрясений и системных изменений.

Сегодня, в условиях выбора приоритетов развития страны, в том числе ее стратегически определяющего региона, в новых цивилизационных условиях

исторический опыт нескольких столетий может дать некоторые ориентиры для определения основного вектора очередных модернизационных и инновационных устремлений.

Цель и задачи нашей работы заключаются в анализе эволюции промышленной, индустриально-модернизационной адаптации как важнейшего фактора роста экономического потенциала Сибири, возникновения и развития под ее влиянием новой социальной и демографической ситуации, определявшей основные народонаселенческие параметры территории на различных этапах ее освоения и развития.

Такой подход позволит нам впервые в отечественной историографии осуществить проблемно-хронологическое исследование процесса российской социально-индустриальной адаптации сибирского региона, ее системный анализ со времени вхождения его в состав Российского государства. Там, где это возможно, обобщение национального исторического опыта будет проведено в сравнении с зарубежной практикой освоения новых территорий.

Достижение поставленной цели и решение задач предполагается в рамках парадигмы мирового модернизационного процесса, сутью которого стал переход от традиционного, преимущественно аграрного, общества к современному индустриальному и постиндустриальному — информационному. Реализация намеченной программы требует проблемно-хронологического и системного подходов, включающих в себя компаративный, социологический и конкретно-исторический методы анализа. Сибирь — часть многообразной, разноцивилизационной Российской Федерации, ее важнейший геостратегический ресурс.

...Социально-индустриальная структура Сибири, формировавшаяся под российским адаптационным влиянием, во многом была схожа с общероссийской. В то же время множество факторов обуславливало специфику становления, развития и трансформации данной структуры. Комплексный системный подход позволил выявить общее и особенное в развитии сибирской территории, как части России. Подобный методологический подход позволит нам нарисовать картину социально-индустриального, демографического и геополитического становления и развития Сибири в ходе российской адаптации, превращения ее в Сибирь российскую. Покажем промышленную адаптацию сибирского региона как основу возникновения и формирования новой демографической ситуации в крае, знаменующей начало перехода от аграрного к индустриальному типу общества; зарождение и развитие транспортных коммуникаций в азиатской части России как прелюдии к хозяйственному освоению и адаптации территорий приходящим на них населением совместно с аборигенами; роль Транссиба и БАМа как основных проводников формирования важнейших направлений модернизации восточных территорий и особенностей сибирской индустриализации; возрастающую геополитическую роль Сибирской России в отечественном и мировом историческом процессе.

Историография хозяйственного освоения Сибири и формирования здесь социальных структур, аналогичных российским, имеет в своем активе крупные исторические наработки, широко известные отечественным и зарубежным специалистам. О роли Сибири для России рассуждали давно и многие.

То, что осталось в документально-эпистолярном наследии, имеет свое начало в XVII веке в трудах тобольского ссыльного Юрия Крижанича, который первым, по сути дела, высказал мысль о том, что Россия слишком сильно распространяется вширь, вводя под свою руку чрезмерно большие пространства, настаивая на освоении уже завоеванных территорий.

«Кто станет широко распространять руки, — писал этот западный славянин, — ничего не стиснет»²⁹. Однако Россия стиснула, и довольно сильно, свои властные руки, сомкнув их на природно-территориальных богатствах восточной сибирской территории, подпитывая оттуда свою великодержавную государственность.

В дальнейшем сибирская проблема находит наиболее полную разработку и оформление в трудах М.Ломоносова, Г.Миллера, А.Радищева и других исследователей, показавших глобальную значимость региона для России. Почти в святцы занесено изречение М.Ломоносова о российском могуществе, прирастающем Сибирью и Северным Ледовитым океаном. Декабристы, как люди просвещенные, первыми на практике, а затем и в своих научно-публицистических произведениях развеяли миф о Сибири как «стране тьмы и мрака», не пригодной для человеческого существования, по достоинству оценив природные богатства региона, животный и растительный мир³⁰.

Являясь заметной вехой в краткосрочной истории сибирского края, они способствовали оформлению специализированного течения в сибиреведении и общественной жизни страны — сибирского областничества — как альтернативы официальной государственной стратегической парадигме, тактически разнообразно осуществляемой на различных этапах сибирской истории. И дворянские революционеры, и областники, и М.Ломоносов важнейшим фактором интенсивного развития производительных сил Сибири считали увеличение численности ее населения³¹. Они же впервые стали проводить сравнительно-примерный анализ Сибири и США, что привело их к мысли об отделении Сибири от России: «Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты. Она могла бы тотчас отделиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы». Либо о ее замещении: «Мне думается, что Сибирь заменит настоящую Россию», резко протестуя против колониального характера адаптации этого обширного региона³².

...Тема адаптационных механизмов, форм и содержания процесса адаптации Азиатской России поставлена сравнительно недавно и только начинает набирать обороты. Сегодня осуществляется изучение ее важнейших аспектов, связанных с социокультурной и этноэкологической адаптацией населения Сибири среди народов Евразии, этническими общностями и мигрантами, хозяйственной и этнокультурной адаптацией переселенческих групп, а также адаптационными механизмами и практиками в традиционных и трансформи-

²⁹ Цит. по: *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири. — М., 1970. С. 44.

³⁰ *Шиловский М.В.* Альтернативные правительственному проекты хозяйственного освоения Азиатской России в XIX — начале XX века // Государство и общество Сибири XVII–XX веков: Сб. науч. тр. — Новосибирск, 2008. С. 83.

³¹ Там же. С. 84; Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны. — Новосибирск, 2008. С. 110–115.

³² *Шиловский М.В.* Альтернативные правительственному проекту... С. 84, 85.

рующихся обществах. Формирующаяся историография темы в целом определяет этнокультурные, этноконфессиональные, демографические адаптации населения Сибири на разных исторических этапах как адекватные, конструктивные и базовые для дальнейшего развития региона³³.

Эти труды заложили основу разработки концептуального фундамента для дальнейшего изучения темы адаптации населения Сибири как части Евразии, проведения сравнительно-исторических и прогностических исследований и внедрения их в управленческую практику, широкого использования в научно-образовательной сфере. В то же время проблема социально-индустриальной адаптации — ее этапы, механизмы и содержание — не получила еще должного освещения. А ведь именно она стала для России эпохой громадных по значимости, глубине, масштабности и последствиям массовых переселений в восточные районы во всех формах и видах. Восточный вектор индустриальных и переселенческих процессов сыграл особую, знаковую роль в решении стратегических геополитических, экономических и демографических задач, стоявших перед Российским государством. Это особенно актуально для XX — начала XXI столетия, когда Сибирская Россия становилась все более привлекательным, с точки зрения геополитики и геоэкономики, регионом. Некоторое исключение составляют три коллективные работы, созданные уральскими и сибирскими историками: «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX веков» (Алексеев В.В., Алексеева Е.В. и др. М., 2004), «Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии» (Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Новосибирск, 2008) и «Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России» (Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Ин-т истории, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии, Ин-т философии и права СО РАН. Новосибирск, 2008).

Однако издавна зародился и постоянно ширился неподдельный интерес российского и мирового интеллектуального сообщества к Сибири. Особенно когда на глазах изумленного мира «страна тьмы и мрака», по образному выражению европейских хроникеров и летописцев, превратилась в «златокипящую с соболиным узорочьем» территорию, расширившую до невиданных размеров пределы Российской державы. А в XX веке «гиблое место ужасного холода и политических ссыльных» предстало в своем новом, еще более привлекательном облике — страны нефти и газа, кладовой сырья и алмазов.

Все это нашло свое внешнее оформление в многочисленных публикациях. Но мы остановим наше внимание на литературе, относящейся к поставленным в нашем исследовании проблемам социально-индустриальной адаптации, содержащей в себе проблемы индустриального, демографического и социального характера.

³³ Адаптация населения Сибири: этапы, механизмы, результаты: Сб. науч. тр. — Новосибирск, 2003; Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения в Сибири в XVIII — начале XX века (к постановке проблемы). — Новосибирск, 2005; Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: Сб. науч. тр. — Новосибирск, 2006; и др.

...На страницах периодической печати шло оживленное обсуждение судеб и особенностей сибирского капитализма³⁴: столкнулись две точки зрения на хозяйственную эволюцию Сибири, ее колониальный статус и возможности особого пути развития. Политически остро в те годы стоял вопрос о наличии в Сибири крупной промышленности и соответственно пролетариата. В своей знаменитой работе «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин называл Сибирь колонией «в экономическом смысле», акцентируя внимание на общности социально-экономических процессов, протекавших в сибирской окраине и в европейской части страны, «которые, — писал он, — вследствие громадных расстояний и дурных путей сообщения крайне еще слабо связаны в хозяйственном отношении с центральной Россией» и между собой³⁵.

По всей видимости, подобное выделение «экономического смысла» может носить чисто условный характер, что весьма важно учитывать при анализе форм и методов адаптации территории и ее населения как процесса многоаспектного, в котором политическая составляющая практически неотделима от экономической. Существенно также и то, что автор, перевернувший судьбу России, неоднократно определял Сибирь как «Азиатскую Россию» и «Восточную Россию»³⁶. В целом марксистское направление в сибирской историографии отвергало особый путь хозяйственной эволюции Сибири, остро критикуя идеологов народнического и областнического течений. В дальнейшем эта позиция перекочевала в социально-политическую практику российского большевизма³⁷. В итоге досоветская историография народного хозяйства Сибири накопила значительный материал и дала свою интерпретацию уровня и темпов ее промышленного развития, наполнения данной производственной сферы промышленно-производственным персоналом. Данные работы отражали уровень методологии и методики исторических исследований своего времени и сегодня не утратили своего значения не только в историографическом смысле, но и как конкретно-историческая информация — источник для современных исследователей³⁸.

...Масштабные изменения в структуре народного хозяйства страны и Сибири, заложенные индустриальным развитием первых советских пятилеток, по своему социальному влиянию обоснованно были определены как революционные. Ярким светом своих несомненных успехов индустриализация скрывала в тени недостатки и нередко провалы³⁹. На страже стояла официальная

³⁴ См., например: Восточное обозрение. 1896. 13, 16, 18 октября и 3, 6, 8, 10 ноября.

³⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 593, 596. Т. 4. С. 86.

³⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 125. (Интервью «Дейли Ньюс» в 1918 году.)

³⁷ Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью. — Новосибирск, 2007; Он же. Альтернативные правительственному проекту хозяйственного освоения Азиатской России... С. 85.

³⁸ История рабочего класса Сибири в дооктябрьский период. С. 14.

³⁹ Алексеев В.В. Галактика А–Е. Красноярск, 1966; Электрификация Сибири. Историческое исследование. — Новосибирск, 1973. Ч. 1; Беляев И.К. Социалистическая индустриализация Западной Сибири. — Новосибирск, 1958; Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны (1937 год — июнь 1941 года). — Новосибирск, 1966; Комогорцев И.И. Сибирь индустриальная. — Новосибирск, 1968; Большая химия Сибири. — Новосибирск, 1964; Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. — Челябинск, 1966; Московский А.С. Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма. — Новосибирск, 1975; и др.

идеология, решительно пресекавшая любые попытки критической подачи материала. Это потом специалисты и публицисты начнут смаковать негативные стороны процесса индустриализации, в том числе место и роль Сибири в ней, указывая на невыполнение директивных планов первых советских пятилеток, провалы по отдельным экономическим направлениям и пр. А зарубежные исследователи, далекие от понимания истинной сути процесса, который и советские обществоведы осваивали с определенным трудом — как неведомую ранее социально-экономическую явь, со своих национально-буржуазных методологических позиций отпевали индустриальную практику России, внося свою лепту в ее будущее разрушение.

Это стало свидетельством того, что недолго для зарубежных специалистов Сибирь оставалась «страной холода и политических заключенных», как называл ее в книге «Через Россию» Джон Стюарт. Уже во второй половине XIX века была сделана попытка дать научный анализ истории Сибири, опираясь на сочинения российских специалистов. Они в комплексе рассматривали вопросы управления и хозяйственного освоения Сибири, подчеркивая военный характер ее присоединения к России. Пушной промысел определялся как главный стимул продвижения русских на восток. Данная концепция, предложенная в 1886 году американским историком Г.Бэнкрофтом, была довольно подробно разработана Ф.Голдером, который в книге «Русская экспансия к Тихому океану» описал процесс освоения русскими Восточной Сибири и Дальнего Востока, положив в его основу добычу пушнины⁴⁰. Он так же, как и многие российские историки, справедливо полагал, что Москва значительное время не осознавала масштабов и значения получения ею богатого и обширного сибирского края, потому у нее долго не было четкого плана по управлению Сибирью.

Другой американский историк — Ф.Кернер, — пожалуй, первым оценил самостоятельное значение социально-экономической истории Сибири, подчеркивая «ужасающую эксплуатацию природных ресурсов и коренного населения»⁴¹. Вслед за Г.Бэнкрофтом, Ф.Голдером, Р.Кернером исследователи более позднего времени — Дж. Ленсен, Т.Армстронг, Г.Сэлисбери, М.Бассин, Дж. Гибсон — также усматривали в пушнине основной стимул русской активности на Востоке. Несомненно, в этом есть определенная доля истины, особенно применительно к начальному этапу освоения Сибири. Недалек был от истины Г.Фишер, пришедший к выводу о том, что «Сибирь не только покрывала производимые в ней расходы, но и давала значительную прибыль в московский бюджет»⁴². Он, а позднее и Д.Гибсон, А.Вуд, Б.Дмитришин не сводили историю сибирской колонизации к добыче пушнины, а рассматривали освоение Сибири как многофакторный процесс, который требует всестороннего изучения. Тем не менее зарубежная историография о том времени мало внимания уделила вопросам становления и развития сибирского ремесла, промышленности и транспорта — основы будущих индустриальных преобразований. То же можно сказать и о проблемах демографического характера⁴³.

⁴⁰ *Ананьев Д.А.* Западные историки о роли государства в хозяйственном освоении Сибири и Дальнего Востока в XVII — середине XIX в. // Государство и общество в Сибири XVII–XX веков. С. 23–24.

⁴¹ Там же. С. 25.

⁴² Там же. С. 28.

⁴³ Там же. С. 29.

...Но особенно возрос интерес к сибирским пространствам в ходе и после Второй мировой войны. В военном 1942 году, когда СССР устоял под первыми мощными натисками военной машины Германии, в США вышла в свет книга Джорджа Бородина, племянника бывшего иркутского губернатора, «Советская и царская Сибирь»⁴⁴. Не исключено, что именно она положила начало зарубежному сибиреведению. «Сибирь — самая большая и богатая развивающаяся страна мира», — так позже определил предмет сибиреведения В. Конноли — один из крупнейших исследователей, авторитет которого начал складываться сразу после войны, — причем интерес к союзнику в битве против германо-японского альянса очень быстро перешел в связи с «холодной войной» на идеологический фактор. Сибирско-уральская индустрия укрепляла веру союзников в силы Советского Союза в борьбе с вермахтом, она же стала опорой в «стремлении СССР к мировому русифицированному господству», — утверждали после Фултона 1946 года почти все зарубежные сибиреведы, в работах которых легко проследить три основных этапа развития⁴⁵. Вначале в комплексе зарубежной сибиреведческой литературы преобладали экономические, экономико-географические и публицистические работы. Позже начала складываться историография индустриального освоения советской Сибири, которая еще в 1970-х годах находилась в процессе становления. Период с конца 1940-х до 1960-х годов характеризовался переходом от объективистского изучения сибирского региона до конца 1950-х годов к засилью едва ли не оголтелых реакционных антисоветских стереотипов.

Сибирь в представлении многих из них являлась незащищенной от ветра дикой местностью с непроходимыми лесами и занесенной снегом тундрой, населенной волками и политическими заключенными.

Симптоматично, что подобную характеристику представлениям советологии тех лет об Азиатской России дали англоязычные сибиреведы, такие, как А. Уайтинг и Ф. Моут. Далеко ли она ушла в индустриальный век от воззрений своих предков XV–XVI веков, писавших о Сибири как о «стране тьмы и мрака»? Эти скудные полумифические представления о сибирском крае и определили мизерный количественный научный уровень многих публикаций.

Именно на это обоснованно указывали П. Дибб и Т. Ригби в начале 1970-х годов, подчеркивая их «надменную позицию», проистекающую из их информационного невежества⁴⁶.

Второй период зарубежного сибиреведения начался на рубеже 1960–1970-х годов и продолжался до начала 1990-х. Он складывался под флагом разрядки международной напряженности в обстановке возрастающего интереса западной общественности к развитию Сибири. Именно в этот период появляются новые образы края, получившие широкий международный резонанс и стимулирующие исследовательскую работу за рубежом. Сведения об обширных минеральных запасах Сибири, открытие нефти и газа, строительство гигантских гидроэлектростанций, Байкало-Амурской магистрали и другие народнохозяйственные программы, осуществляемые в этом регионе, открывшиеся

⁴⁴ Сибирь: взгляд со стороны // Вечерний Новосибирск. 15.08.1997 г.

⁴⁵ Алексеев В.В., Зубков К.И. Критика современной буржуазной историографии индустриального освоения Сибири: Учеб. пособие. — Новосибирск, 1985. 88 с.

⁴⁶ Там же. С. 38–39, 48–49.

перспективы торгово-экономического сотрудничества с Советским Союзом явились той объективной базой, на которой формировалось объективистское или буржуазно-либеральное направление, как писали об этом П.Дибб и А.Уайтинг. Применительно к нашей теме укажем на две коллективные работы: «Россия и Азия» и «Путь к сибирским ресурсам», опубликованные в конце 1970-х годов и затрагивающие демографические аспекты народонаселенческой ситуации в Сибири и ее геополитического значения в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали.

И все же принципиальной установкой большинства зарубежных специалистов остается взгляд на историю индустриального освоения Сибири как серию вынужденных ответов на «вызовы» различных чрезвычайных обстоятельств, далеких от провозглашенного советским государством принципа рационального размещения производительных сил, их сдвига в восточные районы СССР, что было подтверждено исторической практикой. Д.Хьюит, Э.Стэнли, В.Моур, Р.Хаттингс, А.Смит, В.Конолли и др. утверждают, что процесс индустриального развития Сибири был стихийным и вынужденным, что это была «бессистемная индустриализация». При этом они подчеркивают, что «значительным толчком к диверсификации» российской промышленности, определившим индустриальный сдвиг в Сибирь, были чрезвычайные обстоятельства, вызванные Второй мировой войной. Советская парадигма планомерного сдвига производительных сил на Восток, таким образом, опровергается.

...1990-е и начало 2000-х годов ознаменовались очередным всплеском неподдельного научно-политического интереса зарубежной общественности к Сибири. На планете Земля осталось не так уж много регионов, ресурсы которых могут быть задействованы в мировом производстве. На этом фоне Сибирская Россия выглядит крайне привлекательно. Вновь на страницы различных изданий вброшена россыпь историко-публицистических изысков типа «Удержит ли Россия Сибирь?», «Сибирь — ГУЛАГ России», «Сибирское проклятье России», в которых особое звучание приобрела идея «сжатия» за счет Сибири российского экономического пространства, которое следует «заморозить» до лучших времен или оставить тем, кто способен хозяйствовать здесь более эффективно. Обеспокоились судьбой сибирского макрорегиона его «доброжелатели», почувствовав возрождение России и ускользающую возможность доступа к этому, по их мнению, «бремени» и «тормозу» страны. Наиболее концентрированно эти мыслеобразы представлены в книге Ф.Хилл и К.Гэдди «Советское проклятье: как коммунистические плановики выставили Россию на холод» (2003) и в работах А.Трейвиша. Справедливо отмечая, что освоение Сибири началось задолго до эры социалистического планирования, они сетуют на то, что «история не закончилась» освоением Черноземья, и Россия неуклонно расширялась в восточном направлении, что было «монументальной ошибкой», а в XX веке — «советской глупостью», приведшей к осуществлению «индустриальной утопии».

Все это чаще всего опирается на российские политические реалии и рассуждения дилетантов от экономики, утверждающих, что главный источник всех бед России — «прирастание Сибирью» (Пивоваров, 2002), тяжелым бременем лежащей на шее бюджета России (АиФ Сибирь. 2006). И это о Сибири —

многовековым доноре России, куда было вложено значительно меньше, чем оттуда взято. Доморощенные апологеты «римского плана», предусматривающего отстранение от владения ресурсами мирового значения национальных правительств, установив над ними контроль национальных корпораций. А пока налицо влияние на российские ресурсы с помощью государств, которые находятся на западных границах Российской Федерации. Через их территории пролегают транзитные пути — железнодорожные и автомобильные дороги, нефте- и газопроводы, которые можно перекрыть политическим способом, тем самым оказывая давление на Россию. Пример с поставками российского газа в Европу весьма показателен. Однако многие западные эксперты и авторы работ о Сибири уверены, что для Европейского Союза наиболее перспективно прагматичное соседство с Россией.

Они вполне обоснованно считают реальной возможность соединения европейских технологий и российских ресурсов, которые вполне могли бы обеспечить этому тандему мировое господство⁴⁷.

Плюрализм взглядов, оценок в интерпретации исторической судьбы Сибирской России и ее современного назначения все более расширяется и укрепляется, недавним свидетельством чего явился «круглый стол» (2007), посвященный ее имиджу, проведенный сибирским представительством журнала «Эксперт»⁴⁸.

Довольно объемна литература о человеке — россиянине, пришедшем на сибирские пространства, осевшем здесь, адаптировавшемся к природным и хозяйственным условиям территории, и о проживающем здесь издавна населении. Роль демографического фактора в освоении и развитии сибирского макрорегиона была основополагающей. Еще А.Н.Радищев писал о том, что, как только Сибирь будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописи мира. К сожалению, ее мировое значение действительно возрастает, заселение же таково, что, даже по средним демографическим меркам, она четыре столетия остается пустошью, удобной для набегов теперь уже индустриально-финансовых ушкуйников...

⁴⁷ Аргументы и факты (АиФ). 2005. №. 40.

⁴⁸ Евразия: региональные перспективы. С. 15.

Инна ШУМИЛИНА

ПРЕЗИДЕНТ ОТ ГОЛЛИВУДА

Как формируется образ главы Белого дома в американских СМИ

Многим еще памятен скандал, вызванный год назад итальянским премьером Сильвио Берлускони, неаккуратно назвавшим только что избранного 44-го президента США Барака Обаму «загорелым». Эта реплика прозвучала во время встречи итальянского премьера с российским президентом Дмитрием Медведевым. Реакция в США оказалась отнюдь не шуточной, а остро негативной: Берлускони был обвинён в отсутствии политкорректности и даже в проявлениях расизма¹. Сам итальянский премьер назвал казус «шуткой»; российский президент на высказывание Берлускони не отреагировал, но соотечественники премьера — в частности, из рядов оппозиции — потребовали от него официальных извинений перед Обамой. Лидер левоцентристской партии Италии заявил, например, что «шутка премьера нанесла очевидный вред имиджу и достоинству Италии»². А афроитальянский депутат Жан-Леонард Туади подчеркнул, что в США такая вольность означает не только «политическую некорректность», но и оскорбляет «удивительный пример интеграции»³.

В США же этот эпизод широко обсуждался, и общественный вердикт был однозначным — Берлускони позволил себе оскорбительный выпад в адрес американского лидера и тем самым оскорбил каждого, кто отдал свой голос за Обаму. Сегодняшняя американская реальность не такова, как ещё лет двадцать назад, когда подобная фраза могла бы сойти за шутку. Вся выборная кампания Барака Обамы строилась на тезисе «Америке нужны перемены», а итоги выборов показали, что перемен ждут в политике и экономике, поскольку в социуме они уже произошли: как точно заметил премьер-министр Турции Тайип Эрдоган, приветствуя избрание Барака Обамы, «в США больше нет деления на белых и темнокожих»⁴.

¹ Дословно Сильвио Берлускони сказал: "Обама обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы договориться с ним: он молодой, красивый и к тому же загорелый" / BBC, 7.11.2008 г.

² Лидер левоцентристской партии Вальтер Вельтрони / Bloomberg.

³ USA: gaffe Berlusconi su Obama presidente e provincialismo italiano, dibattito // «La 7», Omibus. 7.11.2008 г. <http://www.mauriziolupi.it/lupi/node/474>.

⁴ РИА Новости, 5.11.2008 г.

Символ нации

Широко известно трепетное отношение американцев к символам своей государственности. И, в первую очередь, к национальной геральдике и институту президентства. Но если, к примеру, американский флаг — «Stars and Stripes» — есть символ вечный, статичный и почти сакральный, то американский президент — «номинация» переменная. И то, каков он — президент Америки, — безразлично каждому американцу. Автор книги «Президентская викторина» Ричард Ледерер так объясняет природу интереса соотечественников к президентству как таковому: «Во-первых, — пишет Ледерер, — президент США занимает самый влиятельный пост в мире, и это, само по себе, вызывает острый интерес. Во-вторых, американцы изобрели особую «концепцию президента», базирующуюся на убеждении, что любой человек может стать хозяином Белого дома.

В истории США были самые разные президенты: очень красивые, например, Рейган и Гардинг, и весьма далекие от идеалов красоты — такие, как Линкольн и Вильсон. Были очень богатые (Кеннеди и Буш), и очень бедные (например, Эндрю Джонсон). Президенты были высокими (рост Линкольна составлял 1 метр 96 сантиметров) и малорослыми — рост Джеймса Медисона был 1 метр 62 сантиметра. Президенты происходили из самых разных штатов, иногда это были люди с богатым политическим опытом, а иногда — новички в политике. Поэтому во многом президент олицетворяет каждого американца. До изобретения фотографии многие американцы просто не знали, как выглядит их президент. После того как Теодор Рузвельт стал постоянно впускать журналистов в Белый дом, президенты превратились в знаменитостей. А граждане ощущали свою причастность к появлению в Белом доме того или иного временного хозяина»⁵.

Дополняя описанную Ледерером «концепцию президента», заметим, что выбор главы Белого дома — это укоренённая, устойчивая практика избрания на высокий государственный пост человека, соответствующего неким усреднённым в обществе (не только в элите) представлениям о предпочтении «лучшего среди равных» (т.е. прочих) американцев. Понятно, что набор представлений о «лучшем среди равных» — категория переменчивая. Формирование критериев данных представлений происходит под воздействием факторов объективных и субъективных.

Факторы объективные можно представить себе в виде суммы угроз американцам, с которыми должен бороться прежде всего президент страны (будь то экономические — как это было во времена Рузвельта, Клинтона или теперь — Обама; внешние, военно-политические потрясения в жизненно важных для национальных интересов США зонах, как Ближний Восток, Иран — как это было во времена президентства Джеральда Форда, Ричарда Никсона, Буша-старшего, или террористические — как события 11 сентября 2001 года при Буше-младшем). *Факторы субъективные* — это эффект влияния СМИ и массовой коммуникации, в том числе и прежде всего — Голливуда.

⁵ Lederer R. Presidential Trivia: The Feats, Fates, Families, Foibles, and Firsts of Our American Presidents. — Layton: Gibbs Smith Publisher, 2007; см. интервью WashingtonProfile, June 30, 2009.

Имеется в виду понимание современных медиа как сочетание традиционного объединения СМИ, всех видов аудиовизуального искусства и массовых коммуникаций (в первую очередь, Интернета) в качестве базовой платформы культурно-информационного пространства государства. Медийное пространство производит и распространяет «сообщения», облекая их в образы и вкладывая в них определённые смыслы, аудитория при этом демонстрирует способность воспринимать медийное послание — анализировать его, оценивать, принимать или отвергать. Под влиянием разных мотивов, в том числе и политических симпатий, кинотворцы вольно и невольно конструируют образ президента, применяя различные способы экранной художественности — то представляя его в идеализированном виде в роли супергероя, то погружая его в политические интриги и любовные приключения, то переходя к прямой агитации в псевдодокументальном ключе⁶.

Созданная кинореальность по-разному и порой сложно коррелирует с обыденной жизнью. В какой же степени голливудская продукция отражала объективные озабоченности американцев при выборе президента, а в какой — формировала стереотипы и клише, повлиявшие на итоги выборного процесса? Насколько сильно кинореальность воздействовала на формирование массового американского сознания в этом вопросе и, как следствие, формировала отношение общества к власти в разные исторические периоды?

Из всех медийных средств XX и XXI веков кино наиболее сильно воздействует на психику человека: прямые или метафоричные образы позволяют кинодействию, как образно отметил Ю.Лотман, «обратиться к чувству реальности»⁷, тесно связать экранную и «настоящую» реальность зрителей, эмоционально влияя на них и вовлекая тем самым в сопереживание. Осмысление мира через киноэкран стало безусловным средством миропостижения современного человека. Кинокультура, в свою очередь, дала толчок развитию и формированию (к концу XX века) экранной культуры, вбирающей в себя производство кино на теле-, видео-, в Интернет и даже на экранах мобильных телефонов. Помимо фактора развлечения, не менее интересен феномен кинематографа в качестве культуuroобразующего элемента современной быстро развивающейся информационной системы.

⁶ В этой связи уместно вспомнить об исследованиях выдающегося европейского философа Ролана Барта, который значительно расширил существовавшие в литературоведении представления о смыслах «текста», «письма» как «взаимобратимого движения кодов», и, анализируя разного рода проявления критики культуры, обратился к анализу мифологических сторон некоторых видов медиа, выявляя влияние их на общество и овладение сознанием масс. По Барту, миф — это своеобразная коммуникативная система, содержащая определённое сообщение, иными словами, совокупность символических («коннотативных») означаемых. Смысл и направленность мифа, согласно Барту, может быть двояким: с одной стороны, он направлен на изменение реальности и имеет целью создать образ действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания, а с другой — миф всегда скрыто идеологичен. Наиболее выпукло подтверждается, как нам видится, упомянутая идея французского мыслителя о природе мифологии в средствах массовой коммуникации, если присмотреться и задуматься о роли кинематографа в современной жизни. Отечественным первопроходцем в осознании взаимосвязи идеологического и художественного стал режиссёр Сергей Эйзенштейн. «Кинематограф, как ни одно из искусств, способен сверстать в обобщённый облик человека и то, что он видит, и то, что его окружает, и то, что он собирает вокруг себя», — писал Эйзенштейн. См. Избр. произв. В 6-ти томах. Т. 3, с. 33.

⁷ Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики (Гл. 1 «Иллюзия реальности»). — Таллин: Ээсти Раамат. 1973. С. 8.

Представления о реальности разнятся у представителей различных культур — в соответствии с национальными традициями, укоренившейся шкалой ценностей (моральных, эстетических, религиозных — в первую очередь, а также — социальных, политических и других). Голливуд же сыграл значительную роль как в развитии собственно американской культуры, так и в формировании общественного сознания американцев. Поэтому немалый интерес представляет отражение в американском кино тематики, условно говоря, «государственного значения». В частности, темы «президентства». Ведь президенты США постоянно фигурируют в голливудских фильмах — кинопрезиденты иногда похожи на своих прототипов, реалистичны, иногда эти образы схематичны, идеологизированы и субъективны. На примерах наиболее кассовых фильмов попытаемся определить, насколько часто, в соответствии с устойчивыми демократическими традициями, американское «первое лицо» оказывалось под «обстрелом» или «обласкиванием» критики — по сути, обсуждаясь общественно. Повлияло ли это на выстраивание взаимодействия власти и общества? Учтём при этом, что, как всякое массовое сознание (и американское — не исключение), оно вариативно и часто подвержено влиянию мифов.

Весьма показательны в этой связи оценки американских психологов, социологов, киноведа, сделанные по поводу результатов последних президентских выборов в США, названные «эмоциональными», «подсознательными» и «сделанные Голливудом». Во многом именно экранные образы привлекательных чернокожих президентов, растиражированные масс-медиа, подготовили приход афроамериканца Барака Обамы в Белый дом. Качественная, мощная, коммерчески «заряженная» индустрия кино, настроенная на «улавливание» общественных интересов и потребностей, в немалой степени этому поспособствовала. «Чёрный президент» — сегодня уже реальность.

Голливуд в поисках героя-президента: феномен Рейгана

Иногда, правда, и сама реальность преподносит подарки Голливуду — таковой была история с восхождением в президенты Рональда Рейгана. В 1980 году «продукт Голливуда» становится президентом США. Бывший актёр проявляет себя умелым и волевым политиком — добивается невиданного: разрядки напряжённости с СССР, срок его президентства отмечается значительными усилиями в направлении окончания «холодной войны». Кино 1980-х заметно начинает отличаться от предыдущих лет: киностудии меняют стратегию, делая упор на создание картин, должных стать по расчёту студийных редакторов блокбастерами, хитами с поразительными спецэффектами и суперзвёздами. Американский кинокомментатор, продюсер и автор книги «Кто убил Голливуд?» Питер Барт называет это время «наступлением эры товарного кино»⁸. И действительно, зрители конца 1970-х, многие из которых — участники разных протестных движений предыдущих десятилетий (антивоенных, женских и т.д.), оказались готовы поглощать «Звёздные войны» (Star Wars) Джорджа Лукаса и «Челюсти» (Jaws) Стивена Спилберга. И даже тогда реальный мир переплетается с киношным: рейгановскую «Стратегическую оборо-

⁸ Bart P. Who Killed Hollywood? — Los Angeles: Renaissance Books. 1999. 399 p.

нительную инициативу», например, начинают называть не иначе как «Звёздные войны».

Американцам нужен такой президент, как Рейган, но он уже не может идти на третий срок, и в результате главой Белого дома в 1988 году становится Джордж Буш-старший. В 1990 году Ирак оккупирует Кувейт, и Буш-старший руководит операцией «Буря в пустыне». Востребованным не только в жизни, но и в кино, становится образ главы государства — волевого и решительного. Внешние вызовы диктуют «нужный» образ президента.

Наряду с этим, на экраны Америки выходит фильм об убийстве Джона Кеннеди. Свою версию событий и обстоятельств гибели президента представляет в 1991 году режиссёр Оливер Стоун в фильме «Джон Ф. Кеннеди. Выстрелы в Далласе» (JFK). Предложенная Стоуном версия антипрезидентского заговора имела зрительский успех, хотя и не нашла одобрения среди историков и критиков кино — режиссёра обвинили в придумывании множества фактов, обозвали фильм «танец с фактами»⁹, а влиятельная газета «Вашингтон Пост» опубликовала едкую статью под названием «Даллас в стране чудес: паранойя Оливера Стоуна бьёт через край»¹⁰. В 1992 году фильм номинировался на премию «Оскар» и завоевал её. Что это было: назрела «усталость» от внешних побед (например, в «Буре в пустыне»), потребность в «президенте-плейбое» или удар киношников-сторонников демпартии по засидевшимся в главном кресле страны республиканцам — Рейгану–Бушу? Похоже, все перечисленное — в одном флаконе.

Усталость от побед: приключения Билла Клинтона в Белом доме

Начало 1990-х годов (точнее — 1992-й) — время, когда американцы меняют предпочтения и избирают вместо республиканца Джорджа Буша-старшего демократа Билла Клинтона, пообещавшего решать экономические проблемы не вне, а в самой Америке. В обществе востребована и превалирует идея поиска внутренней успокоенности, желания процветания, а не устремлённость к внешнеполитическим и военным победам. Голливуд чутко реагирует на эти изменения: «президентская» тема ненадолго отступает на задний план (не так и уж важно, кто «главный» в стране, жизнь течёт сама по себе). Президент в кино, скорее, подвергается насмешкам и лёгкой критике, как, например, в комедийной ленте «Дейв» (Dave) режиссёра Айвана Райтмана. Актёр Кевин Клайн играет двойника президента, который по плану спецслужб должен подменить на время публичных выступлений действующего главу государства. Комичность сюжета рождается из ситуации, когда операция внезапно выходит из-под контроля и осложняется непредвиденной кончиной настоящего президента. Двойник же вынужден продолжать играть свою роль — т.е. справляться с президентскими обязанностями таким образом, чтобы никто не заметил подмены. Ирония в том, что Дейв справляется с обязанностями главы государства лучше, чем прежний — настоящий президент, но опирается он больше на собственный житейский опыт и смекалку, чем на политиче-

⁹ *Muslin J.* Oliver Stone Manipulates His Puppet // «The New York Times». Jan. 5, 1992.

¹⁰ *Lardner G.* Dallas in Wonderland; How Oliver Stone's Version Of The Kennedy Assassination Exploits the Edge of Paranoia // «The Washington Post». May 19. 1991.

ский расчёт. Картина была номинирована на премию «Золотой глобус» в 1993 году, а в 1994 году — удостоилась высшей награды американской киноакадемии за лучший оригинальный сценарий.

Однако президентство Клинтона в 1998 году омрачается скандалом с Моникой Левински — и сразу же в обществе обостряются идеи морально-нравственного порядка, в особенности касающиеся главы государства. Тема самым активным образом обсуждается в СМИ и кинематографе: на этой «волне» выходит несколько кинолент, ставших за короткое время очень успешными коммерчески в самих США и приобретших известность и популярность за пределами Америки. По «второму кругу» обсуждается мелодрама «Американский президент» (*The American President*), снятая ещё в 1995 году режиссёром Робом Райнером и затрагивающая тему выбора между чувствами и долгом. Мега-звезда Голливуда Майкл Дуглас исполняет роль президента США, вынужденного идти на нелёгкие решения, а точнее — выбирать между личным счастьем и общественным долгом. Образ президента как человека уязвимого, семьянина, отца детей, судя по всему, вызывает общественный интерес.

Оправдал себя и опыт показа президента-семьянина на фоне исторических событий и масштабных решений, которые должен принимать глава Белого дома. Например, в биографическом фильме о 33-м президенте США Гарри Трумэне — «Трумэн» (*Truman*), снятом в 1995 году режиссёром Фрэнком Пирсоном. Отданный Трумэном приказ о взрыве бомбы над Хиросимой и Нагасаки, провозглашение и реализация «доктрины Трумэна», предусматривающей всестороннее сдерживание СССР, образование блока НАТО, внедрение «плана Маршалла», вступление в корейскую войну. Все эти годы рядом с ним была его преданная жена Бесс Трумэн (актриса Дайяна Скарвид; роль президента исполнил Гэри Синиз). История их долгих и трогательных отношений стала одной из важнейших линий фильма.

Другой байопик тех лет — фильм о 37-м президенте США Ричарде Никсоне — снимает в 1995 году Оливер Стоун (Энтони Хопкинс в роли Никсона). На этот раз уже опытный режиссёр и сценарист Стоун включает в фильм документальные кадры и апеллирует к текстам об американской истории. Фильм исследует характер человека, облачённого высокой властью, его становление и, по сути, крах — в связи с Уотергейтским скандалом. Как водится у Стоуна, за многими событиями видятся изощёренные политические интриги и намёки на прямую или косвенную вовлечённость Никсона в «закулисные игры», в частности, в планы устранения Джона Кеннеди.

К концу 1990-х в Голливуде возникают идеи обдумать «оборотную сторону» «политической кухни» президентства. Главным фильмом 1997 года становится картина «Плутводство» (*Wag The Dog*) режиссёра Барри Левинсона¹¹. Фильм получил широкую мировую известность и оказался, что называется, разобран на цитаты по части политического пиара. Сюжет картины прост: использована история сексуального скандала в Белом доме. Действующие лица — американский президент, подзабывший о морали, его энергичная

¹¹ Название заимствовано из американской шутки: «Why does a dog wag its tail? Because a dog is smarter than its tail. If the tail was smarter, the tail would wag the dog». — «Почему собака виляет хвостом? Потому что она умнее хвоста. Если бы хвост был умнее, он бы вилял собакой».

помощница и политтехнолог (Роберт Де Ниро), придумывающий циничную спецоперацию по преодолению возникшего кризиса. Именно ему принадлежит идея воздействовать на умы сограждан с помощью метода «вытеснения», задействовав новые лица и образы, которые полностью затмят нежелательные «картинки» разразившегося скандала, поставившего под удар репутацию президента. Вовлечённость страны в военный конфликт должна стать, по задумке пиарщиков, мощным «новым интересом» американцев. Срежиссировать кампанию фальшивого противостояния поручается известному в Америке продюсеру Мотсу (в исполнении Дастина Хоффмана). В соответствии со сценарием выбирается и страна-противник, и причина вмешательства США, и «доказательства», умело инсценируемые телевизионщиками. По ходу дела команде президента приходится менять сюжет, задействовать приём «вбрасывания» в СМИ «героической» истории о якобы спасённом американском солдате, оставшемся на вражеской территории, искусственно конструируя образ спасённого «национального героя». Америка замирает у экранов телевизоров и, следя за похоронами «героя», забывает о скандале с президентом.

Картина «Основные цвета» (Primary Colors) режиссёра Майка Николса, снимавшаяся незадолго до судебного разбирательства с Клинтоном, вышла в разгар знаменитого скандала — в 1998 году. Став номинантом на два «Оскара» (в том числе и за лучший сценарий) и пятнадцати других кинематографических наград, фильм имел большую популярность и успех. В основу картины был положен роман Джо Кляйна, участвовавшего в своё время в президентской кампании Билла Клинтона и построившего на этом сюжет своей книги. Главные перипетии закручены вокруг любвеобильности кандидата в президенты Джека Стентона (роль исполняет Джон Траволта), в то время как пиарщики бьются над сохранением его положительного имиджа, пытаются обыграть вопрос незыблемости семейных ценностей. Киновариант кандидата в президенты оказался ещё более иронично преподнесён, остро, сатирически высмеивая прототип.

Президент, который защитит

Начиная с 1995 года происходит серия терактов против посольств США в Африке¹². И вновь возникает явная и объективная потребность в сильном президенте — надвигается эра борьбы с террором. Ближе к концу 1990-х годов Голливуд выпускает серию кинолент, в которых *президент США предстаёт как спаситель нации от разного рода угроз*, например, террористической, как в одном из самых известных фильмов на эту тему — «Президентский самолёт» (Air Force One), срежиссированном Вольфгангом Петерсенем. Картина, снятая в жанре триллера, рассказывает о героическом противостоянии президента и группы террористов, захвативших «борт номер один». Популярный актёр Харрисон Форд, сыгравший в этом фильме роль президента Маршалла, в дальнейшем будет признан американцами актёром, лучше всего воплотившим в кино образ президента США. Актуальность, зрелищность и динамика действия обеспечили фильму большой успех и высокие кассовые

¹² В 1995 году — в Карачи (Пакистан), в 1996 году — в Афинах, в 1998 году — одновременно в Найроби (Кения) и в Дар-эс-Саламе (Танзания).

сборы (при бюджете в 85 млн. долл. мировой бокс-офис составил более 315 млн. долл.).

Очевидно, что степень совпадения общественных устремлений видеть своего президента в образе супергероя, сражающегося со злом и побеждающего его, и предложенной «кинокартинкой» оказалась значительной. Одновременно это стало убедительной демонстрацией американской ментальности, основанной на вере в закон, ответственности за весь мир и готовности к решительным действиям, если это необходимо¹². Слова кино-президента Маршалла о неприемлемости жестокости и террора в политике оказались удивительно схожими со словами Буша, прозвучавшими после событий 11 сентября 2001 года, включая запоминающуюся фразу «мы не будем вести с ними переговоры, мы не будем бояться их. Пусть они боятся нас».

С середины 1990-х годов в голливудском кино заметно востребована *тема борьбы человечества со вселенской угрозой*. В авангарде борьбы — американский президент. Во всём мире стали известны такие фантастические фильмы на эту тему, как «Марс атакует» и «Столкновение с бездной». «Марс атакует» (Mars Attacks) — фантастическая комедия режиссёра Тима Бартона (1996). Сюжет картины заимствован с чрезвычайно популярных в Америке рисованных вкладышей жевательной резинки конца 1950-х годов. Роль президента Джеймса Дейла исполнил Джордж Николсон, вынужденный сражаться с агрессивными и злобными пришельцами с Марса, задумавшими захватить планету Земля. Президент пытается спасти Америку и весь мир, задействуя сначала дипломатический арсенал, но после многочисленных перипетий спасение приходит самым неожиданным образом.

В фантастической мелодраме-катастрофе «Столкновение с бездной» (Deep Impact) 1998 года (режиссёр Мими Ледер) американский президент по сюжету попадает в схожие обстоятельства планетарного экстрима — к Земле приближается огромная комета, угрожающая гибелью всему живому. Предотвратить вселенскую катастрофу сложно, но возможно — необходимо сплотить нацию перед лицом надвигающейся угрозы и решительными действиями отворотить почти неизбежную гибель. Роль национального лидера — президента США — в фильме исполняет афроамериканец Морган Фримен. Мощь, мужество, сила духа и воли чернокожего президента в картине затмевает решительность и храбрость всех остальных героев, непосредственно сражающихся с космической угрозой.

В основе фантастического боевика «День независимости» (Independence Day), снятого в 1996 году режиссёром Роландом Эммерихом, все та же тема. Захватнические планы и намерения инопланетян, на сей раз осуществляемые в космических высотах, пресекаются при помощи оригинальной научной идеи американского учёного. Внедрение идеи происходит в момент, когда военно-воздушные силы всех стран безуспешно пытаются поразить корабли противника, вошедшие в земные слои атмосферы. Американский президент (в исполнении Билла Пуллмана), в частности, проявляет недюжий героизм и,

¹² В этой связи очень показательны реплика главной героини из популярного голливудского фильма «Сеть»: «Мне нужен парень, готовый лезть в драку за демократию во всём мире, одновременно играть кантаты Баха и бороться с раком» («Spends all day dashing into the making the world safe for democracy; at night playing Bach Cantat with curring cancer»).

самолично управляя истребителем, пытается поразить противника, спасти свою страну и всю планету от опасности. Победу удаётся одержать 4 июля — в День независимости США, который становится, по сюжету, праздником планетарного значения.

Мечта об идеальном, ответственном президенте не покидает Америку. В 2000 году выходит картина «Тринадцать дней» (Thirteen Days), режиссёра Роджера Дональдсона. Имеются в виду тринадцать дней напряжённых дискуссий в Белом доме по поводу донесения американской разведки о начале советского наращивания ядерного потенциала на Кубе. Президент и его советник против давления Пентагона — суть драматической ситуации. Ответственность политиков — в фокусе режиссёра. Картина получилась убедительной во многом благодаря использованию настоящих звуковых плёнок с речами Кеннеди, произнесёнными им во время Кубинского кризиса.

Борьба с терроризмом: Голливуд versus Дж. Буша-младшего

События 11 сентября 2001 года вновь обострили тему угроз глобального масштаба и необходимости им противостоять. Однако речь пошла уже об угрозах иного порядка — о реальных, а не вымышленных. Начало нового столетия вернуло Голливуд к реальности. Вымышленные космические угрозы и фантастические сюжеты-катастрофы сменились осознанием реальных проблем. Серия сентябрьских терактов 2001 года заставила содрогнуться всю Америку, включая и жителей Голливудских холмов. Осмысление событий, акцентировка необходимости национальной консолидации сказываются на изображении президента Соединённых Штатов в первый год после трагедии. С кинофильмов, произведённых сразу же после событий 9/11 и на протяжении некоторого времени после них, буквально «считывается» с экрана высокий президентский рейтинг Буша и его администрации. На экраны выходит несколько картин, непосредственно связанных с трагическими событиями.

В художественной ленте «11 сентября» («9/11») делается попытка с документальной точностью воссоздать обстановку в Белом доме в те драматические дни, отследить работу Овального кабинета, усилия администрации и лично президента, направленные на подготовку решений, которые позволят нации справиться с последствиями шока. Сильная власть с «человеческим лицом» — именно то, в чём нуждаются американцы после шока.

Американским телехитом начала 2000-х становится сериал «24 часа» (24 Hours), шедший по телеканалу FOX подряд в течение семи сезонов — с 2001 по 2009 год. Сериал четырежды номинировался на приз Американской телеакадемии — премию «Эмми», а исполнитель роли главного героя Джека Бауэра актёр Кифер Сазерленд стал обладателем «Золотого глобуса» и специального приза голливудской Гильдии киноактёров.

Развитие сюжетных линий сериала увязано с проблемой, возведённой в реальности администрацией Буша-мл. в ранг общенациональной — борьбой с терроризмом. Главный герой телефильма Джек Бауэр и есть главный борец с террором: отчасти по долгу службы (возглавляет спецподразделение по борьбе с терроризмом), а отчасти — по велению сердца (уйдя в отставку). К приме-

ру, в первом сезоне сериала Бауэр должен организовать и провести ряд операций по выявлению и отражению угрозы, направленной сначала на кандидата в президента США, а затем — на действующего президента. В последующих Бауэр способствует отражению биологической угрозы, ядерной, борется с компьютерным терроризмом и спасает похищенного министра обороны США. По ходу развития сюжета возникают всё новые и новые опасности глобального и личного свойства, с которыми сражается герой. Сериал имел невиданный рейтинг и, по отзывам зрителей, стал необыкновенно популярным благодаря сочетанию яркого раскрытия патриотизма киногероев — не стереотипного, но естественного, честного и не безрассудного¹⁴. Весьма характерно, что актер Деннис Хейсберт, сыгравший чернокожего президента в сериале, уверен, что его роль, в свою очередь, «помогла открыть глаза американскому народу»¹⁵. По его собственным словам, «он играл не *чернокожего президента*, а *хорошего президента, который оказался чернокожим*»¹⁶. Выход сериала практически совпал с событиями 11 сентября 2001 года, и рейтинг оказался очень высоким. Не в последнюю очередь, по зрительским отзывам, из-за ощущения правдивости сюжетных поворотов — не стандартных надуманно-«мыльных», а приближенными к реальным событиям¹⁷.

К выборам 2004 года общество, однако, начинает испытывать усталость от провозглашённой республиканской администрацией концепции всеобщей борьбы с терроризмом. Демократический блок атакует республиканцев, мобилизуется и Голливуд — в большинстве своём открыто симпатизирующий этой политической партии. Вектор действия президентской администрации пока ещё не подвергается прямой критике, но уже высмеивается в кино.

В 2003 году выходит, к примеру, «Очень страшное кино-3» (Scary movie 3). Став продолжением затеи предыдущих серий, задуманных как пародия на американские блокбастеры и ужастики последних лет, фильм, отснятый режиссёром Дэвидом Цукером, делает мишенью бушевскую администрацию. Сценарий фильма не имеет ни чёткого сюжета, ни ясной логики. Конкретика присутствует только в одном — высмеивается президент, и он — явно американский. На эту роль приглашён известный исполнитель «гэггов» Лесли Нильсен. Обилие юмора уровня маразма и «телесного низа», содержащий при этом «считываемые» намеки на действовавшего в то время президента Дж. Буша-мл., не позволил фильму подняться выше категории RГ-13 (по американской классификации — нежелательный для просмотра детям до 13 лет), что ограничило прокат.

В том же году появляется следующая лента «президентской» тематики — «Глава государства» (Head of State) режиссёра Криса Рока. Навеянный реальными перипетиями президентской избирательной кампании 1984 года, когда кандидат от демократической партии Уолтер Мандейл пытался победить соперника — кандидата от республиканцев Рональда Рейгана, пойдя по

¹⁴ См. веб-сайт КиноПоиск.RU. <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/79564>

¹⁵ 24 Season 3 Q&A with Dennis Haysbert (as President of The Unites States of America) // Phase9 Entertainment. 2009. <http://www.phase9.tv>

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Отзывы прочитаны на суперпопулярном в Америке веб-сайте «Rotten Tomatoes», где публикуются обзоры и обсуждения новинок кино, телевидения и видео. <http://www.rottentomatoes.com>

нестандартному пути — взяв себе в предполагаемые вице кандидата-женщину. В киноленте обострён этот необычный для Америки тех лет факт, да и в качестве кандидата выступает афроамериканец. Идея фильма проста — во время выборов Америка неизменно делится на «манипулянтов» и «манипулируемых». И результат выборов во многом зависит от того, насколько ловкими оказываются первые. По сюжету, муниципальный служащий, негритянский активист Мейс Гилиам, в результате усилий «заинтересованной стороны», становится кандидатом на пост американского президента. Он согласен стать статистом и имитатором — роль «подставной утки» для создания видимости конкурентной борьбы на президентских выборах даже забавляет его. Однако «по ходу пьесы» этот фальшивый выдвиженец (роль исполняет Крис Рок) начинает понимать, что арсенал его демагогии и популистских обещаний неожиданно возымел действие на избирателей, и более того, способен поменять весь предвыборный расклад. Смешав планы пиарщиков, лже-кандидат меняет и установки многих избирателей, вконец запутав их в том, кто из кандидатов — «мнимый», а кто — «настоящий».

К моменту очередных выборов — к 2004 году — кинематографическая элита Голливудских холмов раскалывается на два лагеря. Те выборы характеризовались как «самые идеологизированные» — главным образом из-за иракского кризиса. Накал идейной борьбы между кандидатами был как никогда силен. Лозунгом демократов стал призыв «Избавим страну от упёртого Буша». И Голливуд активно подключился к кампании. В прессе тех дней появилось даже выражение «заговор Голливуда», поскольку «фабрика грёз» совершенно открыто заявила о своих политических пристрастиях и яростно вступила в предвыборную борьбу за демократического кандидата Джона Керри (по сути, слоганом Голливуда становится высказывание Роберта Редфорда «Хуже Буша нет никого!»). В 2004 году на «большой экран» выходит сразу несколько абсолютно антиреспубликанских фильмов, имевших резонанс и высокую доходность: как документальные («Охота на президента», «Фаренгейт 9/11»), так и игровые («Серебряный город», «Послезавтра», «Очень страшное кино-3»). Голливуд буквально атакует Буша по всем направлениям — от критики его способностей государственного управленца, всякого рода коррупционных связей, выпячивания недоказанных связей с саудовской семьёй бен Ладенов до издевок и глумления над его личностными качествами.

Самым скандальным фильмом 2004 года, по замыслу режиссёра Майкла Мура направленным на подрыв позиций Джорджа Буша накануне выборов, стал снятый в стиле документалистики «Фаренгейт 9/11». Фильм, имевший сверхзадачу «свалить» республиканцев, содержал псевдоразоблачения Буша в связи с иракской войной и связями с семьёй бен Ладенов. Режиссёр использовал свою излюбленную манеру комбинации «нарезок» собственных импровизированных уличных интервью, содержащих элементы провокации, с правдивой информацией и вымышленной фактурой. Награда, полученная фильмом на Каннском фестивале (Европа самозабвенно и с ликованием ринулась помогать Муру в объявлении «мирового импичмента» американскому президенту Бушу), несомненно, сильно поспособствовала раскрутке ленты. Однако в самих США на фильм обрушилась пресса. «Оскорбительным для настояще-

го документального кино» и «переходящим линию от популизма к бесстыдству» назвали «Фаренгейт 9/11» в «Boston Globe»¹⁸. На тенденциозность и несоответствие приведённых в фильме фактов и того, что происходило в действительности, неоднократно указывали в «New York Times»¹⁹. «Я не голосую за Буша, но и не стану «покупать» желчную карикатуру Мура», — заметил известный американский медиа-эксперт Джеф Джарвис²⁰. Так или иначе, но левацкая эмоциональная кинориторика Майкла Мура не оказала ощутимого влияния на исход выборов, и избиратели вновь предпочли тогда Джорджа Буша-мл.

В другом документальном фильме — «Охота на президента» (The Hunting of the President), срежиссированном в 2004 году Гарри Томасом и Николасом Ферри по мотивам одноимённого бестселлера (книге Джо Конасона и Джин Лайонс), леволлиберальный Голливуд «припомнил» правым времена правления Билла Клинтона и его администрации. Разоблачительный пафос картины не оставлял сомнений: травля демократа Клинтона — результат заговора кучки республиканцев, рвущихся к власти.

Триллер «Серебряный город» (Silver City), премьерный показ которого состоялся в Канне в мае 2004 года, пример яркой политической киносагиры на американские выборы. Режиссёр (Джон Сейлз) рассказывает драму о выборах в одном из американских штатов, явно намекая и проводя параллели с выборами общенационального масштаба. Главный герой — сенатор Дикки Pelager (в исполнении Криса Купера) — от Республиканской партии — даже внешне весьма похож на Дж.Буша. Суть же политического воззвания Сэйлза сводится к тому, что богатые и могущественные политики (партия названа — не замаскирована), стремясь к важным политическим креслам, находятся в слишком тесной связке с большим бизнесом, тем самым устраивают круговую поруку, коррупцию и другие преступления — вплоть до убийств. Картина была воспринята зрителями более чем прохладно, а критики в один голос написали, что «Серебряный город» вряд ли сможет отобрать голоса избирателей у Буша²¹.

Другая картина 2004 года — фильм-катастрофа «Послезавтра» (The Day After Tomorrow) режиссёра Ролланда Эммериха. Картина, представляющая зрителю сюжет об угрожающем Земле потеплении и его разрушительных последствиях, казалось бы, не имеет прямого отношения к политике и к персоне президента США. Однако — и это ощущение остаётся после просмотра картины — цивилизация под угрозой уже сегодня, именно потому, что политики первого уровня отмахиваются от реальных проблем. В частности, экологических — как в фильме «Послезавтра», где учёный-метеоролог предупреждает руководство страны о грозящей природной катастрофе. Но занятые более важными — политическими — делами, они игнорируют реальность. Мощные спецэффекты и высочайшего класса компьютерная графика, использованные в фильме, впечатляют, не заслоняя, однако, многочисленные детали, наме-

¹⁸ Burr T. Moore's anti-Bush outrage fuels his riveting «Fahrenheit 9/11» // «The Boston Globe». 6.23.2004.

¹⁹ Scott A. Unruly Scorn Leaves Room for Restraint, but Not a Lot // «The New York Times». 6.23.2004.

²⁰ Jeff Jarvis on Fahrenheit 9/11: CNN Tonight // CNN. 6.25.2004.

²¹ Ebert R. Silver City // «Chicago Sun-Times», 9.14.2004; Silver City at Rotten Tomatoes.

кающие, а то и указующие напрямую на Дж. Буша и его администрацию, решающую, на взгляд режиссёра, «несуществующие проблемы» и озабоченные лишь одной идеей — установить лидерство в мире.

В 2004 году на «большие экраны» Америки (но в ограниченном прокате) выходит психологический триллер «Убить президента» (*The Assassination of Richard Nixon*) режиссёра Нильса Мюллера. Образ президента здесь — лишь фон действия, но именно это и определяет развитие сюжета. А именно: обыкновенный американец, неудачливый продавец мебели Сэм Бик из Филадельфии замышляет убить президента Ричарда Никсона. Причина тому — неудачи Сэма: полжизни уже позади, а его «маленький кусочек американской мечты» (как говорит он сам) так ему и не достался: семейная жизнь рассыпалась, бизнес не удался. «Все беды — из Белого дома», — решает Сэм и назначает своим личным врагом президента Никсона — того, кого он постоянно видит на телеэкране: «Это лучший продавец в нашей стране. Он дважды впарил нам одну и ту же ложь — завершить войну во Вьетнаме». Сэм настроен радикально и для начала пытается вступить в террористическую организацию «Чёрные пантеры». Но Сэм — белый, и афроамериканцы его отвергают. Тогда Сэм решается на терроризм индивидуальный — захватить пассажирский самолёт и направить его на Белый дом. По замыслу режиссёра, цель проекта заключалась в том, чтобы показать, насколько сильно общество зависимо от главы государства — лидера, и меняется ли оно в связи с «насильственными» решениями лидера²².

Как ни старался Голливуд в 2004 году, но сторонники Демократической партии проигрывают — общество по-прежнему настаивает на жёстких мерах подавления очагов опасности для США, которые предлагает республиканец Джордж Буш.

Падение рейтинга Буша

Положение дел в Ираке и последствия урагана «Катрина» к лету 2005 года определили небывалое снижение рейтинга Джорджа Буша в самой Америке. Серия проведённых пиар-мероприятий с участием президента (в частности, его публичные выступления, посвящённые обновлённой «стратегии победы» в отношении Ирака) несколько поправили ситуацию, однако колебания в настроениях американцев, уставших от войны, становятся всё контрастнее. Устойчивый лейтмотив в кино — размышления о «потерянном» благополучии Америки, упущенных возможностях государства, крушении людских надежд на улучшение.

К 2005 году впервые намечаются две «женские» кандидатуры на президентский пост — Кондолиза Райс и Хиллари Клинтон. В 2005 же году на экраны телевизоров (телесеть ABC) выходит телесериал «Главкомандующий» (*Commander in Chief*), имевший примечательно высокие зрительские рейтинги. Главная героиня, вокруг которой выстраиваются все сюжетные перипетии, женщина по имени Маккензи Аллен (в исполнении Джинны Дэвис) —

²² *Murray R. Writer/ Director Niels Mueller Talks About «The Assassination of Richard Nixon» // About.com — Hollywood Movies (<http://movies.about.com/od/assassinationofrichardnixon/a/nixonnm122904.htm>).*

вице-президент США. После внезапной кончины действующего президента-республиканца — согласно Конституции — Маккензи берёт на себя управление страной. Это смелый шаг и исторический прецедент. Но Маккензи на него решается. Не будучи даже членом какой-либо партии, женщина-президент сталкивается с многочисленными проблемами — государственными, межличностными и семейными. Достоинно и стоически преодолевая трудности, Маккензи становится идеальным кинопрезидентом. Пресса, несмотря на отрицания режиссёра (Рода Лурье), исполнительницы главной роли и сети ABC, обвинила телефильм в плохо завуалированной попытке Демпартии про-рекламировать кандидатуру Хиллари Клинтон и заложить тем самым «базу для продвижения этого кандидата на президентские выборы 2008 года»²³.

В 2006 году выходит комедийная картина «Человек года» (Man of the Year) режиссёра Барри Левинсона. Как и в предыдущем его фильме на эту тему (в «Плутовстве»), Левинсон стремится показать зрителю выборы «изнутри». На этот раз — через комического героя и сатирический сюжет. Актёр Том Доббс (в исполнении Робина Уильямса) острословит в адрес политических деятелей. Это его профессия. Но выходит так, что Доббс становится кандидатом в президенты. Будучи не очень-то хорошим комиком, но всё-таки актёром, этот случайный кандидат пытается играть в предложенных обстоятельствах выпавшую ему роль: даже намерен донести до избирателей некоторые свои мысли. Например, ту, что любой кандидат, будь он от Республиканской или Демократической партии, практически становится за время предвыборной кампании «должником» спонсоров — концернов и корпораций, вложившихся в него деньгами. И эти деньги предстоит «отрабатывать» («Нельзя потратить 30 млн. долларов и никому не задолжать»). Но серьёзные речи Доббса не воспринимаются публикой, и тогда кандидат переходит к своему привычному делу — комикованию и клоунаде. Высмеивая «идеи» и самих своих соперников, он стремительно обретает популярность. В довершение всего при подсчёте голосов счётная машина допускает ошибку, и Доббс — готовый президент. Одна из заключительных реплик экранного президента Доббса, оказавшегося в итоге приличным человеком, стала крылатой: «Политики как подгузники. Их надо чаще менять. И по той же причине. Не забывайте это на выборах».

В 2006 году получает продолжение «Очень страшное кино». Режиссёр Дэвид Цукер продолжает линию «ОСК-3» в «ОСК-4» в значительно резкой форме: роль американского президента по-прежнему исполняет канадский комический актёр Лесли Нильсен, однако режиссёр окончательно переводит пародийное изображение образа президента в плоскость бытового глумления. Прототип экранного президента абсолютно конкретизирован — визуализированы претензии блоггеров и безработных к Бушу: от реакции на сообщения о взрывах башен-близнецов до неспособности предотвратить свершившиеся террористические атаки.

Кинособытием 2007 года становится фильм «Бобби» режиссёра Эмилио Эстевеса. В основу фабулы положена история покушения и убийства 42-летнего американского сенатора Роберта Кеннеди. Фильм — попытка реконструировать одну из самых трагических страниц истории Америки. Эстевес

²³ Johnson B. Commander in Chief: Hillary's Infomercial // FrontPage Magazin.com, Sept. 28, 2005.

констатирует и пытается доказать тот факт, что роковой день 6 июня 1968 года, закончившийся гибелью сенатора Бобби Кеннеди, победившего на предварительных выборах в Калифорнии и имевшего огромные шансы стать президентом США, оказался поворотным не только в судьбе Америки, но и всего мира. И что пули, поразившие в отеле «Амбассадор» Бобби Кеннеди (а за пять лет до этого — Джона Кеннеди, а в 1965 году — афроамериканского религиозного лидера Малькольма Икса, и за два месяца до этого — Мартина Лютера Кинга), на самом деле окончательно сразили эпоху американского идеализма. Двадцать два персонажа фильма (в исполнении голливудских суперзвёзд) оказываются в отеле «Амбассадор» в ночь покушения. Прослеживая линию жизни каждого из них, режиссёр тем самым представляет зрителям картину Америки в этот и последующие моменты истории, наводя на размышления об истинных и далеко идущих последствиях политических убийств.

Америка готова к «обамамани»

Противостоять растущему стремлению общества к переменам, обретению покоя, который видится, в первую очередь, в сворачивании масштабных операций вовне, республиканцы уже не в силах к моменту выборов 2008 года. Весь комплекс противоречий наиболее удачно выражается в выборной кампании Барака Обамы (выдвигается нацеленность на внутренние дела, на необходимость в назревших преобразованиях, а проблематика борьбы с терроризмом как суть внешних угроз перенацеливается с ключевого Ирака на периферийный Афганистан и необходимость расширять переговорные процессы с кем бы то ни было). Голливуд почти полностью отдаёт свои голоса Обаме.

Напомним, что именно Голливуд когда-то (в начале 1970-х годов) сделал попытку «прокинуть» в сознание массового зрителя идею о чернокожем президенте: режиссёр Джозеф Сарджент снял телевизионный фильм «Человек» (The Man) и пригласил на эту роль афроамериканского актёра Джеймса Эрла Джонса. В те времена это было рискованно и непопулярно. По сюжету картины герой Дилман в силу форс-мажорных обстоятельств становится не только претендентом на пост президента США, но и решается доказать, что достоин этой должности. Однако ни общество, ни его непосредственное окружение не готовы принять такое президентство, и Дилману предстоит нелёгкая борьба. Телефильм «Человек» о чернокожем главе американской администрации стал, по сути, экспериментом, своего рода «пробой пера» в этой политической проблематике Голливуда.

Подобная «смелость» кинопроизводителей вызвала в целом реакцию неприятия у американской аудитории. Следующий чернокожий кинопрезидент появится лишь спустя двадцать с лишним лет — в фильме 1998 года «Столкновение с бездной». Таким образом, общество отрегулировало рынок — непопулярная в 1970-е и 1980-е годы идея президентства афроамериканца не имела шансов продаваться, а следовательно, и не была востребована ни гигантами киноиндустрии, ни их более мелкими коллегами, ни телесетями, производящими собственную кинопродукцию. Впрочем, даже острая, правдивая и с чувством юмора картина 1972 года «Кандидат» (Candidate) режиссёра Майкла Ритчи, в главной роли Роберт Редфорд, посвящённая закулисной стороне

американской предвыборной гонки, с невыдуманной демонстрацией законов воздействия СМИ на избирателей, была воспринята зрителями без ажиотажа. Кинокритики отметили, что режиссёру удалось весьма убедительно использовать в картине свой практический опыт (Ритчи был консультантом по вопросам коммуникаций у сенатора Тани в конце 1960-х годов, во время его неудачной кампании против Джорджа Мерфи²⁴) и создать «трезвый и пугающий фильм», который заставляет «серьёзно задуматься о функции средств массовой информации, с угнетающей лёгкостью сообщающих населению то, что оно хотело бы слышать, и так затрудняющих или попросту блокирующих путь тем сведениям, которые оно предпочитает не знать»²⁵.

Лидером проката февраля 2008 года становится триллер о террористическом акте, направленном на ликвидацию американского президента, «Точка обстрела» (Vantage Point) режиссёра Пита Трэвиса: только за первые три дня проката картина заработала 24 млн. долларов при производственном бюджете в 30 млн. долларов). Роль президента в картине исполнил оscarовский лауреат Уильям Херт. Сюжетная интрига построена на неоднократной «прокрутке» покушения на президента во время проведения международного саммита в Европе — так, как это событие увидели и восприняли разные люди (журналистка новостного канала, агент спецслужб, турист из Америки, террористы). Интрига конструируется, исходя из версий и точек зрения разных людей. Несмотря на зрительскую популярность, кинокритики отнесли к картине сдержанно, назвав её «претендентом на ироничный приз «Золотая малина»²⁶. Сам режиссёр отметил, что «хотел изобразить президента честным и правильным человеком», «не республиканца и демократа, а просто умного и образованного человека»²⁷.

Молодёжная комедия 2008 года «Гарольд и Кумар. Побег из Гуантанамо» (Harold & Kumar: Escape from Guantanamo Bay) — сиквел «Гарольд и Кумар уходят в отрыв» (Harold & Kumar go to the White Castle), снятый в стиле роудмуви режиссёрским тандемом Хейденом Шлоссбергом и Джоном Харвитцом. Задуманная как пародия на консервативный американский образ жизни и не менее консервативное мышление, комедия рассказывает о приключениях двух молодых американцев из среды нацменьшинств, отправившихся в путешествие. Поскольку их внешность и поведение не ассоциируются с благополучием и законопослушностью, то по пути они обретают множество проблем. Несмотря на сюжетную и фабульную скудость, фильм имел высокий зрительский рейтинг — в первую очередь, благодаря эксплуатации затасканных, но популярных в афро- и испаноязычной среде электората Демократической партии клише: сотрудники ФБР и администрации — умственно отстающие притеснители «простых американцев», президент США — неадекватный любитель покурить травку, террористическая опасность — надуманная фикция и т.п. Нелепые ситуации, «низовой юмор» и явное паразитирование на тематике «зажима меньшинств», казалось бы, не оставляли надежд на успеш-

²⁴ В частности, у сенатора Тани во время его неудачной кампании против Джорджа Мерфи.

²⁵ Champlin C. Politic on the American Continent // PBS. 7.02.1972 — цит. по кн. Scott I. American Politics in Hollywood Film. — Edinburgh: Ed. University Press. 2000.

²⁶ «Vantage Point» at RottenTomatoes. http://www.rottentomatoes.com/m/vantage_point/

²⁷ Аванесян К. Пит Трэвис о своей «Точке обстрела»: «Мы вдохновлялись Расёмоном» Акиры Курасава // КиноМаньяк, 26.02.2008. <http://www.kinomaniac.ru/note.php?id=90>

ный бокс-офис. Тем не менее уже первый уик-энд проката принёс фильму прибыль в 15 млн. долларов и вторую строчку в рейтинге общеамериканских премьер²⁸.

Самым ожидаемым фильмом 2008 года становится картина «тяжеловеса» Голливуда Оливера Стоуна «W». Главный герой — Джордж Буш-младший, изображённый максимально нелицеприятно. «Это кино не для тех 12 процентов жителей, поддерживающих его (Буша. — *И.Ш.*) сейчас, а для всех остальных 88 процентов» — пояснял режиссёр. В основу сценария положен литературный материал, корректно названный «журналистские расследования». Надо отметить, что их авторы — люди, известные в мире журналистики, открыто заявлявшие свой антибушевский настрой и издавшие ранее свои разоблачительные версии «мифологии» иракской войны²⁹.

Голливуд активно создаёт образы президента, как видим, во все времена. И Голливуд мощен, но влияние его не безгранично. Экранные образы начинают «работать» на прототип только в том случае, если это совпадает с преобладающими в социуме настроениями. «Фабрика грёз», направленная когда-то на коррекцию и возможное преобразование действительности, не отказывается от этой цели и сегодня, часто тяготея к трансформации мира в соответствии с политическими симпатиями кинотворцов, по-своему отражающих общественные настроения, интерпретирующих те или иные события и поступки первых лиц государства. И это — в отличие от стран авторитарных, где кинематограф был и остается мощным инструментом государственной пропаганды и «делателем» позитивных образов вождей и национальных лидеров. Сегодня в Голливуде продюсируют и снимают документалистику об Обаме: Эдвард Нортон, Эми Райс и Алишия Сэма заняты созданием фильма про политическую карьеру Барака Обамы. Просочились слухи о схожем проекте, который осуществляется Дэвидом Гуггенхаймом, снимавшим для Обамы предвыборные ролики. Звезда Голливуда, актриса Кирстен Данст, и режиссёр Джейкоб Соборофф также отсняли документальный фильм о президентских выборах. Данст заявила, что «по мере взросления осознала ответственность, которая влечёт за собой влияние, особенно в индустрии развлечений»³⁰.

Барак Обама, в свою очередь, пытается всячески стимулировать кинематографистов к взаимодействию. Отсюда — попытки ослабить налоговый пресс на Голливуд (в размере 246 млн. долларов в рамках «стимулирующего пакета», на что обратили внимание сенаторы, назвав это «подарком», а не «льготами»³¹), использование звёзд Голливуда в качестве «послов мира». Джордж Клуни, например, известный своей политической активностью, докладывал в

²⁸ Harold & Kumar Escape from Guantanamo Bay / Box office // The Internet Movie Database. <http://www.imdb.com/title/tt0481536/business>

²⁹ Это Боб Вудворт — легендарный журналист, прославившийся серией статей в «Washington Post» по делу Уотергейта, автор обличительной книги «Буш на войне»; Фрэнк Рич — политический обозреватель газеты «New York Times», автор бестселлера под ёмким названием «Величайшая из историй, когда-либо проданных публике: деградация и крах истины от 9 сентября до урагана «Катрина»; Рон Саскинд — журналист газеты «Wall Street Journal», написавший книгу «Цена преданности», называвшуюся в американской прессе «бомбой под администрацию».

³⁰ Kirsten Dunst in North Dakota for vote documentary // Associated Press. 4.11.2008.

³¹ В частности, сенатор Том Кобурн. См. *Hurt C. Stimulus Bill Help Hollywood* / «New York Post». 3 Febr 2009.

феврале 2009 года президенту и вице-президенту о ситуации в суданской провинции Дарфур; делегация с Голливудских холмов в составе актёров и менеджеров³² без каких-либо препятствий впервые после 1979 года посетила в начале апреля 2009 года Иран. Впрочем, подобная ситуация, когда Обама предпочитает прибегнуть к поддержке голливудских звёзд, никого в Америке не удивляет. Высокая активность Голливуда в предвыборной кампании Обамы хорошо известна — от внушительных финансовых вливаний в казну демократического кандидата, мощной агитационной риторики в пользу Обамы до выпуска эффектных и эффективных рекламных роликов демократического кандидата голливудскими «колоссами» (Стивеном Спилбергом, Томом Хэнксом и Дэвидом Гуггенхаймом).

«Чёрный президент — реальность. Что дальше, Голливуд?» — иронично вопрошают сегодня многие американцы³³.

³² Иран посетила делегация в составе нынешнего президента Американской киноакадемии Сида Гейниса и экс-президента, кинорежиссёра Фрэнка Пирсона, продюсеров Уильяма Хорберга и Тома Поллака, оscarовских номинанток — актрис Аннет Бенинг и Элфри Вудард. Формально — по приглашению организации «Иранский Дом кино», действующей под эгидой исламского правительства. Это была первая поездка видных американских кинематографистов в исламскую республику после разрыва дипотношений в 1979 году и рекомендательных ограничений Госдепартамента для граждан США в отношении посещений Ирана.

³³ A Black President's Real — So Now What, Hollywood / The Amful Truth. 5 Nov. 2008; *Henion J.* African Americans never thought they'd see a Black President. Hollywood says, «We told you so» / Unemploymentality. 22 Jan. 2009.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

«НЕ УЗНАЮ ТЕПЕРЬ Я САМ СЕБЯ...»

Хантингтон Самюэль. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности.

Идентичность — это психологический механизм, рождающий чувство тождественности человека самому себе, ощущение целостности человека. Но этот механизм действует и при восприятии людьми образа своей страны, своей культуры. Процессы, сопряженные с глобализацией, изменили традиционные символы самотождественности. Для многих народов вопрос «кто мы?» стал мучительным, сложным, противоречивым.

Казалось бы, Америка давно определилась с этим вопросом. Она уже давно все знает о себе, реализовав национальную мечту, создав «массовую культуру» для всех стран и народов, обозначая себя как лидера человечества. Однако и в национальном сознании США не обошлось без смятения, тревоги, опасений и утраты самотождественности. Об этом свидетельствует книга видного американского социолога С.Хантингтона (он скончался в прошлом году) «Кто мы?». Она посвящена особенностям американской национальной идентичности. Исследователь видит формирование образа той или иной страны не на путях развития экономики, социальных институтов. Он полагает, что в основе символического образа любой культуры лежит национальная идентичность.

Итак, что объединяет американскую нацию и что отличает ее от других народов? С.Хантингтон указывает на три основных фактора. Во-первых, он считает, что осознание американцами собственной национальной идентичности менялось на протяжении всей истории США. Во-вторых, всегда жители США определяли свою самотождественность в терминах «раса», «идеология», «культура». Однако первые два термина вышли из оборота. Никто в Америке не пытается сопоставлять расы. Американцы рассматривают свою страну как мультиэтническое и мультинациональное общество. В-третьих, на протяжении трех столетий стержнем американской национальной идентичности была англо-протестантская культура.

Определяя замысел своего исследования, С.Хантингтон пишет: *«В нашей книге предпринимается попытка пролить свет на возникновение и формирование американской национальной идентичности, а также проанализировать факторы, которые определяют ее будущее. То, как американцы воспринимают эту идентичность, влияет на их отношение к собственной стране, на то, какой они ее видят — космополитичной, имперской или националистической — в отношениях с остальным миром»* (с. 17)

При этом С.Хантингтон субъективно ощущает разлад между присущим ему патриотизмом и добросовестностью исследования. Заметим сразу, что в труде, написанном социологом, патриотические стереотипы принижают достоинство честного теоретического размышления. Прежде всего, в работе нет попытки рассмотреть «кризис идентичности». Автор в основном отмечает лишь смены культурных парадигм, но не вскрывает драматической сущности того, что обнаруживается за этими социальными преобразованиями, за этим преобразованием национальных символов.

Разумеется, это не означает, будто в книге С.Хантингтона нет обсуждения острых проблем. Он вполне понимает, что в конце минувшего столетия американской культуре был брошен серьезный вызов. Появилась новая волна иммигрантов из Азии и Латинской Америки, возросла популярность доктрин мультикультурализма и диверсификации в интеллектуальных и политических кругах, утвердились новые групповые идентичности, связанные с понятиями расы, этноса и пола, окрепла приверженность элит космополитизму и транснациональным идентичностям.

Однако американский исследователь не учитывает, что логически возможно различать два понятия идентичности. Формальная идентичность является качеством каждого объекта. Реальная же идентичность присуща только эмпирическим объектам и имеет разные формы в зависимости от онтологического статуса конкретного объекта. Камень идентичен себе иначе, нежели организм — личность или институт. Сохранение идентичности предполагает преодоление противоборствующих сил и является не данностью, а заданностью. Хантингтон отмечает, что *«дебаты по поводу национальной идентичности давно превратились в неотъемлемую черту нашего времени»* (с. 35). Но данная проблема существует не только для Америки. Кризис идентичности затронул все страны и человечество в целом. Нельзя судить об американской идентичности как об автономном процессе. Она связана с самоидентичностью и других национальных культур.

Скажем, японцы не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный уровень развития техники. Иранцев тоже описывают как «народ, который находится в поисках своей идентичности». В такой же ситуации находится и Южная Африка. Если же говорить о России, то нам предстоит ответить на вопрос, можно ли считать нашу страну европейской или следует относить ее к Азии. Кризис идентичности в различных странах приобретает различные формы, протекает иначе и сулит разные последствия.

Но что же привело к этому глобальному процессу утраты собственного образа? Причин много — это и рождение общемировой экономики, грандиозный скачок в развитии транспорта и сферы коммуникационных технологий, нарастающая миграция населения, распространение демократических ценностей. Некоторые из этих факторов названы в книге С.Хантингтона. Но важно еще отметить и экспансию символической культуры, порождение новых шифров, образов, меток национальных общностей. Одновременно происходит так называемая фрагментация идентичностей, когда о себе заявляют группы, субкультуры, этносы. Расовые, религиозные и иные формы дискриминации, в конечном счете, коренятся в эволюционной потребности индивида в определенных формах групповой идентификации. Индивидуальная и групповая

культурная идентичность меняется в соответствии с историческими волнами парадигмальных преобразований.

С.Хантингтон считает, что в США этот процесс проявляется в подъеме мультикультурализма. Находясь на стыке цивилизаций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов. Порой оно усматривалось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях как последовательный процесс ассимиляции (концепции «Плавильного котла», «Доктрины Явственной судьбы»). Американский исследователь считает, что размышления об американской идентичности в обществе основываются на двух положениях, каждое из которых правдиво лишь отчасти, но регулярно принимается за истину в последней инстанции. *«Первое положение гласит, что Америка является государством иммигрантов, второе, что американская идентичность определяется комплексом политических принципов, то есть так называемым «американским кредо» (с. 71).*

Но, в отличие от других народов, американцы не идентифицируют себя со страной в целом. Конечно, они восторгаются размерами и красотой Соединенных Штатов. Но действительно ли американцы в основном отождествляют себя с политическими идеями и институтами? В Америке, как и в других странах, специфическим феноменом оказывается деполитизация. В условиях кризиса миллионы людей ищут возможные пути выжить, а отношение к политическим ценностям воспринимается либо равнодушно, либо негативно.

В прошлом ассимиляцию иммигрантов в американское общество обеспечивали многие факторы. Большинство иммигрантов прибывало из Европы, то есть из обществ, культура которых напоминала американскую или была с ней совместима. В XIX столетии Верховный суд поддержал решение о высылке американских иммигрантов на том основании, что китайская культура слишком сильно отличается от американской и потому китайцы не могут прижиться в Америке. Но ведь сегодняшняя иммиграция значительно отличается от иммиграции прошлых лет. В конце XX столетия ассимиляция перестала быть синонимом американизации. Она приняла иные формы и наполнилась иным содержанием. *«Для некоторых иммигрантов это вылилось в частичную ассимиляцию, то есть во внедрение не в базовую американскую культуру, а в субнациональные, зачастую маргинальные сегменты американского общества» (с. 345).*

На протяжении более чем двухсот лет либерально-демократические принципы «американской веры» являлись ключевым элементом американской идентичности. Как американские, так и европейские исследователи часто указывали на этот элемент как на сущность «американской исключительности». Но ведь сегодня эти ценности присущи не только Америке. Можно, видимо, сказать, что американская исключительность обернулась универсальностью. Хантингтон обращает внимание, что в современном мире уменьшилась роль идеологии. Зато возросла роль культуры как источника идентичности. Выходит, что уменьшение значимости национальной идентичности по сравнению с идентичностями транснациональными имеет принципиальное значение для определения национальных интересов и внешней политики Америки в XXI веке.

Хантингтон, как показывает анализ его книги, напрасно исключает феномен расы в реализации американской идентичности. В Америке всегда существовали и продолжают существовать различия между расами в социоэкономическом статусе и политическом влиянии. Они будут существовать в США и

в будущем. Но Хантингтон убежден в том, что *«высокий процент смешанных браков среди белого населения ведет к отмиранию этнической идентичности. Процент смешанных браков между крупнейшими расовыми группами Америки существенно ниже, однако достаточно высок среди американцев азиатского происхождения и демонстрирует тенденцию к росту среди чернокожих»* (с. 476).

Сегодня действительно американцы воспринимают свою страну как мультирасовое общество, состоящее из мультирасовых граждан. Однако нельзя не видеть, что Америка сделалась непредставительской демократией, поскольку в ряде аспектов, особенно касающихся национальной идентичности, мнение избранных лидеров не совпадает с мнением народа. Нельзя ли предположить, что американский народ все в большей степени отчуждается от государственной политики и сферы управления?

Хантингтон пишет: *«Американская идентичность вступала в новом столетии в новую фазу. Ее значимость и ее сущность на текущий момент определяются уязвимостью Америки перед внешней угрозой и возрождением религиозности, иначе — Великим пробуждением, которое сопровождается к вере во многих уголках земного шара»* (с. 523).

Но действительно ли национальная идентичность определяется только верой? Исторически американская национальная идентичность определялась религией, расовыми и этническими признаками и культурой вместе с «американским кредо». Люди не склонны находить в политических идеологиях то глубокое эмоциональное содержание, которое порождается «кровью и почвой», чувство принадлежности, культурой и национальностью. Эти «эмоциональные факторы» могут не восприниматься как важные, однако они удовлетворяют человеческое стремление к жизни в осмысленном обществе.

Книга Хантингтона затрагивает много вопросов. Но ответы зачастую отсутствуют. Будет ли Америка националистической, имперской, космополитической? Выбор должны сделать американцы. Но этот выбор определит не только судьбу нации, но и судьбу всего мира.

Эльвира Спинова

С.Кортунов. «Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности»

Новая книга известного российского исследователя позволяет читателю едва ли не максимально полно ознакомиться со всем кругом проблем, связанных с внешней политикой нашей страны.

Особое место в работе отводится исследованию влияния процесса глобализации на международные реалии. Такой подход представляется весьма плодотворным, так как, вне всяких сомнений, сегодня глобализация оказывает весьма значительное воздействие на весь комплекс международных отношений.

В рамках данной темы автор подробно останавливается на вопросе «национальной идентичности». По его оценке, «поскольку идентичность является важным структурным компонентом конкурентоспособности национальных государств, она сама вовлекается в водоворот всемирной конкуренции. Идет «битва идентичностей». Полагая, что «в этой конкурентной борьбе пощады не дают никому и выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу», С.Кортунов с привлечением широкого круга примеров подтверждает свою позицию.

Вступая в дискуссию на тему, связанную с ролью национальной идентичности в процессе модернизации, которая в разное время была проведена в странах мира, автор отстаивает точку зрения, согласно которой «великие нации умеют успешно модернизироваться, сохраняя свою идентичность». Нам она представляется довольно спорной, что, впрочем, может объясняться различием взглядов на содержание понятия «национальная идентичность». К сожалению, автор не дает его дефиниции.

Переходя к рассмотрению роли и места России в мире, находящемся под воздействием глобализации, автор, по нашему мнению, совершенно справедливо отмечает, что наблюдаемый во всех крупных государствах кризис идентичности особенно болезненный характер приобрел в России. Это положение подтверждается добротным анализом исторических аспектов развития нашей страны, а также их воздействия на общественное сознание. Сравнивая при этом особенности формирования национальной идентичности в России и США, он делает важный вывод о том, что «национальная идентичность в России представляет собой не «плавильный котел» (как в США), а своего рода «слоеный пирог», ни один из слоев которого российской цивилизацией полностью не отвергнут». Нельзя не согласиться с автором и в его оценке состояния российского общественного сознания в данном случае — прежде всего, с отсутствием признаков общенационального консенсуса по вопросам основополагающих ценностей.

Значительное место в своей работе С.Кортунов отводит рассмотрению российско-американских отношений, считая их «ключевой проблемой россий-

ской внешней политики». Прав он и в том, что *«российско-американских отношений нет до сих пор (выделение автора работы), что отражает полное интеллектуальное банкротство и российской, и американской внешнеполитической элиты»*.

В качестве исходного пункта рассуждений на данную тему он обозначает декларируемую официальным Вашингтоном проблему «ценностного разрыва» между Россией и Америкой, как первопричину взаимного недоверия. А по сути, вскрывает самую суть явления, поскольку ценностный разрыв куда как серьезнее и опаснее, чем, скажем, различие национальных интересов. Это означает, что Россия и Запад не могут тесно сотрудничать потому, что их разделяет цивилизационный разлом, преодолеть который сложно, если вообще возможно.

На страницах работы автор убедительно аргументирует свою позицию по данному вопросу. Удался ему и ретроспективный обзор развития отношений между Россией и США в разные исторические периоды.

С.В.Кортунов признает, что одним из наиболее важных направлений внешней политики России являются отношения с Китаем. Он подчеркивает, что эти отношения ни в коей мере нельзя ни идеализировать, ни упрощать, так как они могут быть чреваты весьма опасными конфликтами, особенно в перспективе. Исходя из единственно приемлемого положения о том, что успех российской внешней политики во многом будет зависеть от ее сбалансированности на западном и восточном направлениях, автор полагает, что России нельзя, с одной стороны, поддаваться возможным уговорам Запада по созданию некоей коалиции для сдерживания Китая, а с другой — предлагать Китаю модель стратегического партнерства на антизападной (в том числе антияпонской) основе.

Не только теоретический, но и практический интерес представляет раздел монографии, посвященный месту и роли России в структурах международной безопасности. Его ценность, безусловно, повышает то, что автор счел необходимым предварить рассмотрение заявленной темы подробным анализом ситуации, сложившейся в мире вокруг ООН, рассмотреть предлагаемые пути реформирования этой организации, определить степень соответствия каждого из них национальным интересам России.

Подобный прагматичный подход С.Кортунов сохраняет также при исследовании взаимоотношений, складывающихся между Россией и НАТО. По его оценке, для успешного взаимодействия между НАТО и Россией требуется встречное движение НАТО, прежде всего, в сторону ее обновления, радикальной трансформации. В доктринальной области С.Кортунов одним из принципов видит отказ НАТО от подхода к России как основному фактору риска. Любое непредвзятое мнение подтвердит, что политика, основанная на этом принципе, в современных условиях будет максимально адекватной и продуктивной, станет свидетельством того, что НАТО перестает пугаться теней прошлого.

Монография интересна и тем, что автор не ограничивается лишь рассмотрением на ее страницах различных аспектов взаимоотношения Российской Федерации с иностранными государствами. В ней подробное освещение нашли также многие проблемы из числа тех, которые затрагивают едва ли не все страны и регионы мира, заметно влияют на существо современных международных отношений. К числу таких проблем С.В.Кортунов относит терроризм. Он выделяет причины и условия, способствующие всплеску террористической активности в мире, рассматривает роль отдельных государств в борьбе с этим явлением, исследует особенности отдельных террористических проявлений и их влияние на международные отношения.

И эта многоплановость, обстоятельность аргументации и неординарность суждений, несомненно, делают работу С.В.Кортунова интересной и полезной как для широкого круга читателей, так и для специалистов.

НОВЫЕ КНИГИ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВАС ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ

*Рубрику ведет кандидат философских наук
Эльвира Спирина*

Анатолий Уткин. Подъем и падение Запада. М., 2008.

Пять столетий Запад владел земными просторами — недрами, промышленным производством, торговлей, военным контролем. Но в конце минувшего века ситуация изменилась. Контроль западных стран над мировым развитием ослаб. Сузилась сфера западного доминирования. Привычное преобладание Запада стало уступать место новым центрам мирового господства.

Жертвы Запада, среди них гордые участники мировой истории — Россия, Китай, Индия и множество других, чрезвычайно отличных друг от друга, стремились сократить дистанцию, отделяющую их от Запада. История на наших глазах делает удивительный поворот. Достаточно неожиданно в странах, которые Запад привык считать «пустым местом» мировой истории — странах незападного ареала, — начался подъем в последние десятилетия минувшего века.

Феноменальная мощь Соединенных Штатов как единственной сверхдержавы (военной, экономической, информационной) не нуждается в детальном аргументировании. Однако у этого исполина есть слабые стороны. В 2001 году прекратился этап бурного экономического подъема. Не удалась программа международной финансовой глобализации. Геополитики в Вашингтоне преувеличивают значение военной силы. Развитые страны мира не видят сегодня на горизонте военной угрозы. Центром приложения американской силы, вопреки американским национальным интересам, стали не Западная Европа и не Восточная Азия, а прежде маргинальный Средний и Ближний Восток. По существу, это означает, что Америка взваливает на себя цивилизационно непомерную ношу.

Автор показывает, что мы являемся свидетелями коренного поворота центра мирового развития и могущества из Северной Атлантики в Восточную Евразию, немислимого еще несколько лет назад и неотвратимого сегодня. Запад старается доказать, что альтернативой западному преобразованию является всемирный хаос. Однако западные либеральные идеи никогда не проникали глубоко в психологию и политику незападных народов — огромного большинства человечества. Нынешний экономический рост Китая, а также Индии и России — знаменует собой окончание пяти столетий мирового доминирования Запада.

Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. Институт философии. Отв. редактор В.М. Розин, 2008.

Социальное проектирование — это возможность составлять продуманные программы преобразования общественной реальности. Этот вид осмысления действительности набирает силу в течение всего минувшего века. Переход на любые формы хозрасчета, восстановление и охрана природы, модернизация технологии невозможны без человеческого фактора, создания общественных фондов и проектов, общественных движений, программ социального и культурного развития. Решение таких задач с методологической и социологической точек зрения представляет собой сложный инновационный процесс, а не просто организационную перестройку, какой бы масштабной она ни была.

В рамках социальной инженерии так и не удалось решить задачу, поставленную еще Платоном в «Государстве» — создать контролируруемую целенаправленную процедуру

социальных преобразований. Современное социальное проектирование, скорее, должно инициировать множество процессов и нововведений, способствовать созданию новой социальной среды, в конечном счете выступить катализатором и пусковым механизмом формирования новых социальных организмов.

Социальное проектирование — это технологическое продолжение футурологии. Такой трансформации футурологии из «низкого жанра» в предмет академических штудий мы обязаны таким социологам, философам и политическим мыслителям, как Д.Белл, С.Лемм, Э.Тоффлер, З.Бжезинский, Ф.Фукуяма, З.Бауман, М.Кастельс.

Степанянц М.Т. Исламский мистицизм. М., 2009.

Суфизм — исламский мистицизм — противопоставлял рациональному мышлению иррационализм и вместе с тем выступал одной из разновидностей религиозного свободомыслия, нередко смыкающегося с философствованием. Он содержал призыв к «вступившему на путь» отказаться от земных страстей, следовать примеру аскетов и одновременно вдохновлял поэтов-жизнелюбцев средневековья — Низами, Хафиза, Джами, Омара Хайяма, Руми и многих других. Любая религия знает собственную традицию мистицизма, специфика которой обуславливается особенностями догматики соответствующего вероучения. Суфизм в той же мере подвергался внешним влияниям, в какой зависел от них и сам ислам.

В суфизме отсутствует общепринятое представление о сущности бытия. Вместе с тем человек в качестве родового понятия рассматривается в нем как совершенное бытие универсума. Идея существования макро- и микрокосма, как известно, принадлежит не только суфизму. Она выдвигалась греческими философами от Анаксимена, Пифагора, Гераклита и Эмпедокла вплоть до стоиков и неоплатоников. Она же присутствует в воззрениях орфиков и гностиков. Сходное понимание универсума характерна для даосизма, в котором человек воспринимается как система, не просто аналогичная или подобная общекосмическому устройству, но структурно и сущностно полностью ему тождественна.

Таким образом, данная книга помогает глубже понять современные политические учения и движения, связанные с восточной мыслью.

Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М., 2009.

Новая книга Элвина и Хейли Тоффлер — о том, каким будет мир завтра. Кто обретет богатство, как это произойдет и что это значит для всех нас. Авторы пишут о том, какие новые возможности откроет нам экономика будущего в столь различных областях, как здравоохранение, энергетика, мировые коммуникации, промышленность, сельское хозяйство.

Революционные изменения представляют собой радикальный переворот, сравнимый с промышленной революцией, но существенно ее превосходящей. Тысячи внешне не связанных между собой изменений формируют новую экономическую систему, сопровождаемую как минимум возникновением новых стилей жизни или новой цивилизацией. Сочетание рискованных экономических авантюр с институциональными кризисами оставляет отдельного человека лицом к лицу с его потенциальными разрушительными личностными проблемами.

В книге анализируется политика Китая, который должен сосредоточить свои усилия не только на индустриализации. Одновременно и как можно быстрее он строит трудоемкую экономику, стараясь там, где возможно, пропускать традиционные стадии индустриализма. Индия рассматривается в ближайшей перспективе как относительно открытое общество, более восприимчивое к инновациям. В обозримом будущем с помощью нейронауки, кибернетики и манипуляции медиа будет создан новый, более реальный сенсорный, чувственный и иной виртуальный опыт. В результате изменится и мировая политика. Все чаще будут оказываться востребованными взаимная помощь, сотрудничество. Несмотря на кризис, считают авторы, новая революция неуклонно шествует по земному шару.

SUMMARY

PRESSING TOPICS

Valery Paulman (Estonia). HAS THE CRISIS REALLY ENDED?

1. The contemporary crisis is the third year to last. During the pre-crisis period, the speculative nature of growth led to mortgage and derivative «bubbles» that, having burst out, undermined the whole financial system of global capitalism, affecting the real economy sector as well. The disproportion gap between the rich and the fringe countries has become so grave that made all the world economy deformed. It might be safely asserted, that the global crisis, which started in 2007, had something to do not just with the over-accumulation of the capital at the expense of merciless exploitation of the «fringe» states by the multinational corporation and the international banks, not just with the commodity over-production, but also was a consequence of the world economy systems contradictions.

2. To change the world the real political forces are needed capable to make it. Those, who have the wealth and power in their hands today, are unwilling to change this world. They are well-off in this world. They have got two strategic tasks to fulfill — let no people come out into streets to keep current governments from being blown off by the unleashed elements; and to modernize the mechanism of global and national markets functioning in such a way that crises, which are inevitable, would not be as destructive as the present one.

3. If one seeks to be impartial and try to draw a right conclusion out of the present crisis lessons, it would be like this — there is a need to follow the course of production socialization, combining the market relations (contract based) with the planning at the national and global levels upon the foundation of heterogeneous economy with the production goal to meet the peoples need to the best, not to get the utmost profit.

Pavel Gurevich. THE CRISIS AFTERTASTE
Has the resource been exhausted?

The world crisis has assumed a civilization character. This means, that it is unpromising to discuss it, remaining in the world of the finance and abstract economic indicators. The crisis has been caused not just by the global structural imbalance in the economy. It has reflected not just the contradiction between the capital's planet-wideness and the national state's sovereignty. It has revealed not just the mismatch between the globalization and the political power which is still executed at the level of a state. The crisis has exposed the enormous gap between the real and fictitious economy. It, eventually, has exposed to a risk the capitalist system as a whole.

The crisis that had stricken the economies of all countries, has radically changed our perception of the globalization as a social phenomenon. Certainly, we still refer to market domination and the neoliberal forms of democracy. The transnational corporations' supremacy in various spheres of life — from the economy to culture — is not the least being challenged. The unipolar world is still being talked of, and calls to its multi-polarity are still heard. The globalization is still being active to influence the economy and politics, as well as the culture, way of living and way of thinking. The world crisis has confirmed the reality of all-planet tendencies.

The world countries use different way of their own to come out of the crisis. This, no doubt, will bring in the new forces distributing on the all-planet scale. Some unconventional thoughts as likely as not will get rooted somewhere. Is it expedient to boil the diversity of the man's vital and practical values down to the lucre, or material well-being? Would not the masses paralyzed by the crisis be drawn into yet the bigger consumer paranoia? Has the society dominated by the market elements the right to reduce the man's life destination to profiteering, to let all our life be regulated by the interests of the finance-oligarchic capitalism, to make spiritual impoverishment be an inevitable companion of the established lifestyle?

POLITICS

Alexander Dougin. THE PATTERN OF THE RUSSIAN SOCIOGENESIS

1. Here is a brief prognosis formula. Theoretically, three options of Russia's (as the system) operational behavior are to be considered. The first case describes the situation, when the 'Party of Variables' would prevail over. That means, that the trends of liberal democracy, modernization, civil society, westernization, economic liberalism and ethno-separatism would prevail over constraining forces of Russian constants. This is the situation when we would face the collapse of the Russian statehood. By straying away from the constants, the government would be making its footing shaky, and the elites would again, the way they did in 1990s, enter a stage of intensifying conflict with the masses. The same tragedy overtook the USSR, though that system was more solid and more conformed to the constants than the liberal democratic model borrowed from the West.

2. The second option is that the political system would remain the same, but be changing progressively in its essence, having become increasingly fuller with elements of Russian civilization. This case might be called the regime's 'Russification'. For a while, at least, in the period of Putin's presidency, the actions proved to develop according to this scenario, that maintained the system's certain (though relative) stability. This option amounts to freezing all processes in the society to preserve it in the condition it is now in — half sick, half healthy.

3. The third option, which is rather unlikely at present days, theoretically comes to the victory of the 'Constants Party' and development of quite another statehood, with its roots in the Eurasian civilization, leaning upon the Russian nation and those ethnoses that had been joint and several in their common destiny and their new formula of historical mission for the 21st century. This scenario would not guarantee us an easy life, but then put ours contemporaries at one level with the ancestors, who for many an age were pursuing the great objective. They pursued it not to let their descendants abandon their achievements in the very last moment.

FOREIGN AFFEARS

Sergey Kortunov. New euro-security architecture

1. In the past twenty years the world has cardinally changed, thus affecting the European security system that the issue of its transformation have been put into the international agenda. It has been caused by the combination of new challenges and threats, globalization processes, the crisis of global management and existing mechanisms of security maintenance. The NATO and EU, actively developing the European Security and Defense Policy (ESDP) and, by the early 2009, having already completed ten crisis reaction missions, position themselves as the key players in the system not just European, but also the Euro-Atlantic security. With such position Russia does not agree to such a position. For it not just give no boost to deeply understand the causes of the current crisis of the Euro-security, but also blocks development of further dimensions in its transformation aimed at building-up some Euro-Atlantic system, certainly, with Russia's participation.

2. If one cared to compare the situation of the early 1990s to that of late 2000s, one would have no difficulty to see the European security shaky in all its settings. It has much to do with the erosion of arms controlling, and the OSCE degradation, and nuclear nonproliferation, and increasing number of proposed states. It has to do with general decline in controllability of the world politics and the world economy that was proved by the 2008–2009 world economic crisis.

3. The current international situation seems to provide some chances to move in positive direction. Though the diplomatic 'fights' promise to be extremely tough (especially against «new» Europeans), at the moment there are certain possibilities fixed. One should not forget, that the NATO expansion is some sort of a «game» and there are far more important processes behind it — unification of the continental Europe, forces regrouping within the West itself, development of the new world order. These processes give Russia a vast field for foreign policy maneuver.

4. To discuss a problem of new European security architecture is to discuss much more serious issue — that of Russia's attitude towards the West (while it is unified) and the West's attitude towards Russia. Russia is being positioned vis-à-vis the West and thus is being detected its national identity. The West, meanwhile, is solving its eternal dilemma, whether genuine partnership with Russia is possible, or not? Earlier, at turning-points of world history, the West, as is known, solved this dilemma not to Russia's favor. All the West — Russia coalitions, without an exception, finally collapsed — and the fault was not ours. Does President Medvedev's initiative withdraw the problem of the Russia — West cultural and historical (but not civilization) unity? No, it does not, yet. As yet, the major contradictions have been driven deep inside. But they are impossible to be avoided. There appeared again a chance to make a real partnership with Russia. This chance might be a success, if the West is not going henceforth to solve its problems at the expense of the partner.

Jayantha Dhanapala (Sri Lanka). CAN THE NPT HALT
NUCLEAR PROLIFERATION?

1. A spate of proposals to remedy the current situation of the NPT is available for the state parties to the NPT to consider. The rising cost of oil and the concerns about human-induced climate change has led to a renewed demand for nuclear power. This in turn has sparked off concerns about nuclear power capability leading to nuclear weapon capability. Rather than circumscribe the «inalienable right» to the peaceful uses of nuclear energy embedded in Article IV of the NPT, many proposals have been made for internationalizing the fuel cycle.

2. Only a consensus forged now can save the NPT which was extended indefinitely in 1995, at the behest mainly of the Western powers, to ensure a safer and more predictable world. That was enhanced by the consensus reached at the 2000 NPT Review Conference — post the 1996 Advisory Opinion of the International Court of Justice and the 1998 nuclear device explosions of India and Pakistan — which established 13 steps towards fulfilling the aims of the NPT.

3. None of the proposals on the table will, alone, suffice to halt nuclear proliferation without credible moves by all nuclear weapon states to reduce and eliminate their weapons. The threats to the NPT are both internal and external and the words of US President Eisenhower — the General turned President who warned us about the military-industrial complex — are very relevant at this moment of time. He said in his second Inaugural address «The problem with defense is how far you can go without destroying from within what you are trying to defend from without.»

Hans Blix (Sweden). DISARMAMENT AND DETENTE
IN A SHRINKING WORLD

1. International reverberations after the armed conflict between Russia and Georgia have largely subsided, especially after the recent EU report on the issue. Nevertheless, the charac-

ter of the relations between big Russia and its neighbors inevitably impacts on the outside world's perception of Russian strategic thinking. In my view a Russian ambition to be a good neighbor rather than a big brother will contribute to trust and further détente just as in the Western hemisphere relations have gained when the US has pursued such policies. Needless to say good neighborliness should go both ways. Perhaps the Russian — Finnish relations could serve as a model.

2. China and India could both help global détente by continuing to act prudently in the respective issues of Taiwan and Kashmir and by seeking to settle border differences. China favours entry into force of the comprehensive test ban treaty and could help this happen by now taking the step to ratify the treaty. It would not become binding on China until the US and several other states had ratified but by acting now rather than later China might give an important push to others, including the US, to ratify.

3. The climate for global disarmament is inevitably affected by success or failure in the talks with North Korea and Iran. Russia, China and the US have key roles to play in these talks and need to cooperate to prevent nuclear weapons programs. The incentives and disincentives that can be offered are central in these negotiations but the three states do not risk being accused of double standards if they recognize an obligation for themselves under the NPT to move toward nuclear disarmament and are actually seen to do so.

Vladimir Roschupkin. THE AFGHANI 'THEATRE OF WAR':
A NEW SCRIPT AND DIRECTION

1. Six years after the beginning of the second war in Iraq, at the very end of June, the American troops were withdrawn out of big Iraqi cities. The control in the locations was passed, at least, nominally, to the Iraqi military units fostered by the Americans. The GI's withdrawal from the cities corresponds to President Barack Obama's decision to fully withdraw the US troops out of Iraq by the end of 2011.

2. Changing the US and NATO troops commander in Afghanistan has been called for by the adoption of the 'new strategy of fighting terrorism'. It was initiated by President Obama himself. The gist of the new strategy is to move the centre of this fighting out of Iraq towards the Pakistani-Afghani border. And that calls for strengthening the foreign troops military presence in the territory of Afghanistan. Other points of Obama's «new strategy» provide for more active involving the NATO member-states, as well as other Washington's allies, including Islamabad, into the Afghani affairs. Simultaneously, it is figured out the economic help to Kabul and job-creating as the alternative to drug-trafficking.

3. Time will show, whether the US changing military priorities of the USA in the Mountains Country will justify itself. And, accordingly, commanders changing. After all, the analysts repeatedly stressed that the Afghani problem cannot be solved with just military methods. There are many examples, including those belonging to not that ancient history, at hand to this effect. The famous Afghani writer and law scholar, Vadyr Safi, believes, that thousands of foreign soldiers sent to the south of Afghanistan, would not be able to change the situation. For NATO military leaders, claims Safi, follow the recommendations given by the Afghani officials, who are pursuing the aims of their own that have nothing to do with the aim to end the war as soon as possible.

Valery Buyanov. THE UNION STATE: TO BE OR NOT TO BE?
(Towards the Union's 10th Anniversary)

1. Today, it has to be stated, the two states, while officially claiming the willingness to build up the Union State, have too many problems in their inter-relations, more over, are on the eve of a crisis. The unification makes no progress, skidding. There amassed the bilateral fatigue because of low efficacy of the efforts. Despite all-kind-of-level regular meetings, there

is no common economic and political space; the qualitative break-through in building-up the Union and had not occurred.

2. There are no insurmountable contradictions, nor heavy burden of mutual complaints and juries between our states. Existing differences are not to be over dramatized, considering that it is a new union construction that is being designed. The process is to be long and difficult, just remember the European Union' experience of 50-year-strive to meet its current end. The history itself and the modern realities did made objective prerequisites for Russia and Belarus to be united. The Russian and Belarusians are the two peoples of one blood and one Orthodox faith. We share our common past and our today's problems are similar, we are interdependent.

3. The further development of the Russian-Belarusian relations will depend on a number of factors, of which the positions of our countries leaderships is to play the role of by no means of the least importance, as their ability to compromise for the sake of the vital interests of the two countries and the Union State. As far as its future concerns, there are three feasible scenarios: the optimistic, the pessimistic and the uncertain, as now. The last one's feature is the Union's de jure existing, while its building-up de facto is frozen. It bears the danger of mutual dissatisfaction and of final break-up, if there are no tangible progress in the Union setting up. Then Russia would have lost Belarus indeed, as Belarus would have lost Russia. For the Russian Federation, it would have been a crashing defeat in its struggle for reintegrating the post-Soviet space.

ECONOMICS

Gennady Bocharov. THE CANAL THAT HAS NOT BEEN YET

«For too long a time, the Caspian sea has been put into the shadows of the world priorities. Its international fame was at best supported with the black caviar, the world choicest. Inside the country, it was known as the refuge of unprecedented poaching.

Years passed. The picture has been transformed beyond recognition. It is just the scope of poaching that remains invariable. But this is a small thing, a detail. Today, the Caspian sea is a high-powered energy fist, an oil tank of huge capacity. Plus the major, strategic element of the world transportation corridor. And, last but not least, it is a breathtaking economic and geopolitical perspective.

The leading part in it is to be played by one of the largest world water highways — the Eurasia shipping canal. It is about the canal we are going to talk.»

DEBUT

Maria Pavlova. RUSSIA'S DEMOGRAPHIC POLICY: THOUGHTS INDUCED BY THE CRISIS

1. Today, the demographic problem is one of the most important and urgent: the history would have probably gave us no other chance to remedy the bad situation, if the time were to be lost in vain. To Russia, the crisis is a chance to reconsider its goals and priorities. We already have no, and we will not have, any financial opportunity to attend the demographic situation, using the 'scientific' hit-and-miss method. Indeed, we have no time left to go on with such reckless experimenting.

2. Russia still has a real potential to increase the birth rate. However, the study proved, the willingness to have a baby depends to a large extent on the attitudes of the primary group, i.e. the immediate environment. The housing provision is slightly less influential: to solve this problem would give in future far more tangible effect compared to plain money payments. Today, however, it is precisely money (the mother capital, the parturient woman certificate, etc.) that the government use to stimulate birth rate. The study accumulated many a convin-

cing and obvious data to prove the inconsistency of the policy to revive the traditional institution of marriage: the mere fact of official registration has no impact whatsoever on a woman's desire to get a child.

3. In the long run, the government would be more financially wise to channel the funds that had been spent on current programs of birth rate stimulation into development of the infrastructure needed by parents and children, for insufficient equipment of children's polyclinics, underdevelopment of the public leisure-time establishments for children network, lacking nunneries and kindergartens — these most essential barriers along the way of increasing birth rate.

4. In the situation as it is now, the problem cannot be attended one-sidedly, it is systematic work in all directions what is needed. Physicists, back in the Soviet time, worked out the unorthodox method of solving complex problems with interdependent elements, the method of consecutive approach. According to it, it is useless to try to completely overcome the interrelated troubles one by one or step by step; what is needed is to gradually, consistently reduce some difficulty at a time, thus steadily reaching the goal. It goes without saying, the method requires the goal to be perceived distinctly — as well as the initial conditions.

THE LUXEMBOURG INTERNATIONAL FORUM ON NUCLEAR CATASTROPHE PREVENTION

«Resume of the 2009 Preparatory Committee session and the perspectives of the 2010 NPT Review Conference. Development of the situation around nuclear and missile programs of Iran and North Korea». July 2nd, 2009, Grand Hotel Kempinski, Geneva, Switzerland

«During today's session we will discuss the resume of the 2009 Preparatory Committee session and the perspectives of the 2010 NPT Review Conference, as well as the dynamics of the situation changing in concern with the nuclear and missile programs of Iran and North Korea.»

«These issues tend to have been changed both negatively and positively. First, the Movement Towards Nuclear Free World Initiative has gained further development. This movement is increasingly gaining strength, even beyond the level of public organisations and distinguished persons internationally acclaimed. The US new Administration headed by President Barack Obama, and President Dmitry Medvedev of Russia, gave their general support to the movement. In the same direction the Australian group is being working in the same direction too».

The Information block

THE LUXEMBOURG INTERNATIONAL FORUM ON NUCLEAR CATASTROPHE PREVENTION

The Forum was established upon the decision made by the International Conference on Nuclear Catastrophe Prevention held in Luxembourg on May 24–25, 2007. The Forum is the largest organization to team up the world leading experts on nonproliferation of nuclear weapons, nuclear materials and delivery systems.

The Forum's goals include —

1. Counteract growing threats to the nonproliferation, and eroding the basics of the Non-proliferation Treaty (NPT); to prevent the growth of nuclear terrorism and undertakings by pariah states and regimes to get access to nuclear materials and technologies. The special attention is paid to the Iranian nuclear threat;

2. Strengthen the global peace and security by applying new approaches and working out practical-result-oriented proposals on key aspects of the nuclear nonproliferation and arms control for the politicians all over the world.

«ROUND TABLE»

THE AZERBAIJANI ISLAM: SEARCH FOR A COURSE AND CONFLICT OF TENDENCIES

The geopolitical space that is recently called the Greater Middle East (GME), with all its variety of political systems by which tens of states are governed that differ historically, culturally and socio-economically, has one particular common feature. The development strategy of theirs is, one way or another, linked to the theocratic state of the societies, the Muslim masses that came to motion.

There is an idea of single-mindedness of political Islam's aspirations stuck into the European common consciousness, the predetermined belief that it would take to just the radical means to do the social reforming. Is it really so?

The participants in the discussion are as follows —

Professor Ali Abbasov, Dr.Sc. (Philosophy); the Vestnik Analitiki Bulletin's commentator, Rasim Agayev, Cand.Sc. (History); well-known political scientist Ali-back Zardusht, Cand.Sc. (History); the Independent Turan Agency's commentator Togrul Dzhubarly; Chairman of the Center on Protection of the Freedom of Worship and Creed, the Imam of the 'Juma' Baku Cathedral Mosque, theologian Gadzhi Ilgar Ibraghim ogly, the candidate of historical sciences, the author of several research publications on Islam Arif Junusov, Cand.Sc. (History) .

PUBLICATIONS

Mikhail Yefimkin. THE SIBERIAN RUSSIA. SOCIALLY-INDUSTRIAL ADAPTATION

1. Sources of a variety of adaptable processes in our country during their realization have been fancifully various and quite often repeated. They were to the full carried out on the Siberian open spaces, amplifying in process of inclusion in them of elements of local rich social and natural color. Behind an example far it is not necessary to go. The twentieth century was a century of industrialization of the Siberia which has reached in progressive changes of essential results «revolutionary changes» in industrial sphere became which basis.

2. The system changes which have occurred in the country have brought down former achievements in the field a social production. And in the first quarter of the XXI-th century in the agenda the problem of the next industrial cycle in Siberia and in the Far East in connection with necessity of intensive development of Russia again is put forward.

Inna Shumilina. THE PRESIDENT FROM HOLLYWOOD

1. The terrorist attacks on September 11th, 2001, made newly aggravated the subject of global-scale threats and need to counter them. Though those were the threats of different kind — they were real, not imaginary. The beginning of the new century turned the Hollywood back to reality. Imaginary space threats and catastrophe-plot fantasies were replaced by comprehending the actual things. A series of September terrorist attacks made all the Americans to shudder, including the dwellers at the Hollywood Hills. In the first year after the tragedy, the event assessments, accent of the necessity of national consolidation made their effects upon the film-image of the US President. The movies screened immediately after 9/11 events and within some time after them, literally scanned President Bush's and his Administration's high ratings.

2. By the time of 2004 elections, the film-producing elite at the Hollywood Hills break up into two camps. Those elections were labeled as «the most ideologized» — mainly because of the Iraq crisis. The heat of the ideological struggle between the candidates had never been

stronger. The Democrats put up the slogan, 'Let's deliver the country of locked-in Bush'. And Hollywood was actively engaged in the campaign. Media of those days even coined an expression of «Hollywood plot», since the Dream Factory has quite openly declared its political predilections and fiercely entered pre-election struggle for Democratic candidate, John Kerry. In 2004, several absolutely anti-Republican films had been screened-in-big throughout the country.

3. By the 2008 elections, the Republicans proved unable to oppose the society's growing urge for changes, for gaining peace that was seen, first of all, as terminating large-scale operations outside. The whole complex of contradictions has been most successfully revealed through the Barack Obama's election campaign (home affairs moved to the foreground, accented need to go on with ripened transformations, the fighting terrorism as the core of outside threats retargeted from key Iraq to peripheral Afghanistan, need to expand negotiating processes with whoever it might be, etc.). Hollywood has given almost all its support and votes to Obama.

4. Hollywood is active in creating president's images, as we see, in any time. Hollywood is powerful, but its influence is not boundless. The screen images start to «work for» the prototype just in case when the movie-life coincides with the moods prevailing in the society. The Dream Factory, once strived to correct and transform the reality, does not refuse of the same goal even today, it has often a propensity to transform the world according to political pattern favored by the film creators who have their own way of reflecting the public sentiments, interpreting those or other events and actions by the state's first persons. All this — unlikely to the situation in the authoritative countries, where the film-industry has been and still remains the powerful tool of the state propaganda, as well as a 'maker' of the national leaders' positive images.

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

«NOW, I KNOW MYSELF NOT...»

Huntington, Samuel. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*.
M., 2008, circ. 1500 copies, 635 pp.

1. Identity is a psychological mechanism giving rise to the feeling of a person's sameness to oneself, sensation of a human being integrity. But this mechanism is applicable for peoples' perception of the image of their country, their culture. The processes, intermitting with globalization, have changed traditional symbols of self-identity. To many people, the question, Who are we? — became painful, complicated, inconsistent.

2. Still, the American scholar does not take into consideration the logical possibility to discern two concepts of identity. The formal identity is the characteristic of each object. The real identity is inherent in empirical objects only and has different forms depending on the ontological status of specific object. A stone is identical to itself in different way than an organism, — a person or an institution. To preserve identity means to overcome the contradictory forces, so it is not an entity, but a desired condition. As Huntington remarks, «the debates on national identity has long ago become an inalienable feature of our time» (p.35). Well, the problem exists not for America alone. The identity crisis has affected all the countries and the mankind as a whole. One cannot assess the American identity as some autonomous process. It is linked with the self-sameness of other national cultures as well.

3. The book by Huntington touches upon many problems. But there often no answers in it. Would America be nationalist, imperial, cosmopolitan? It is for the Americans to choose. But their choice would determine not just the destiny of their own nation, but also that of the whole world.

Elvira Spirova

Monograph by Sergey V. Kortunov on Russia's Modern Foreign Policy.
The Strategy of Selective Involvement

1. The new book by well-known Russian scholar, Sergey V. Kortunov, on Russia's Modern Foreign Policy. The Strategy of Selective Involvement gives the reader a chance to almost most fully get acquainted with the whole spectrum of problems relating to this country's foreign policy.

2. Another interesting point of the monograph is that the author has not confined himself with assessments of various aspects of the Russian Federation's inter-relations with the foreign states. The book also brought into light many problems of those that touch upon almost all countries and regions in the world, noticeably influencing the substance of the present-day international relations. Among these, S. V. Kortunov refers to terrorism.

3. The chapter of the monograph, evaluating Russia's place and role within the frameworks of international security, is of both academic and practical significance. It is ever more valuable because of the author's attempt to premise his acclaimed enquiry with the thorough analysis of the world situation that had developed around the United Nations, to assess the suggested ways of reforming this organization, and to correlate each of them to Russia's national interests.

Alexander Svechnikov

New books that might be of interest
Reviewed by Elvira Spirova, Ph.D.

Outkin, Anatoly. The Rise and Fall of the West. M., 2008.

The author makes us witnesses of a radical shift of the world development and power centre from the Northern Atlantic to the East Eurasia, that has been inconceivable just several years ago, but is inevitable today. The West is trying hard to persuade that an alternative to the West-styled reforming would be a world chaos. Nevertheless, the western liberal ideas have never got deeply either into the psychology or politics of the non-western nations, the mankind's huge majority. China's present economic growth, as well as that of India and Russia, is a sign of West's five-century-domination is coming to the end.

Social Project Planning in the Epoch of Cultural Transformations.

Ed. by V. M. Rozin. M.: RAS Institute of Philosophy, 2008

The means of social engineering have bring in no solution of the problem put up by Platon in his The State, still, that is to make a controllable purposeful pattern of social transformations. The modern social project planning should be more swift to initiate the multitude of processes and innovations, to promote the development of the new social environment, and, finally, to become the catalyst and the trigger of forming up new social organisms.

Stepanyants, M. T. The Islamic Mysticism. M, 2009.

The Sufism, the Islamic mysticism, set off irrationalism against rational thinking and at the same time positioned itself as some kind of religious free-thinking that quite often linked up with the philosophy. It urged anyone who 'has hit the road' to renounce earthly passions, to follow the lead of ascetics, and at the same time inspired the mediaeval bon viv'nt poets — Nizami, Hafez, Jami, Omar Khayyam, Rumi and many others.

Toffler, Alvin, Toffler, Heidi. Revolutionary Wealth.

How it will be created and how it will change our lives. M, 2009.

New book by Alvin and Heidi Toffler is about the world that is to be tomorrow. About who will get the wealth, how it will be done, and what this means for all of us. The authors write about new possibilities that will be opened to us by the economy of the future in such varied fields as the public health, energy engineering, world communications, industry, agriculture.

ОБ АВТОРАХ

Бликс Ханс (*Швеция*) — почетный доктор МГУ им. М.В.Ломоносова, лауреат премии Генри де Вулфа Смита (Вашингтон, округ Колумбия, 1988 г.). В 1963–1976 гг. — начальник департамента в министерстве иностранных дел и юрисконсульт по вопросам международного права, в 1976 г. — заместитель статс-секретаря в министерстве иностранных дел, ответственный за вопросы международного сотрудничества в целях развития. В 1978–1979 гг. — министр иностранных дел. В 1961–1981 гг. входил в состав шведской делегации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а в 1962–1978 гг. — шведской делегации на Конференции по разоружению в Женеве. В 1981–1997 гг. — генеральный директор Международного агентства по атомной энергии. В 2000–2003 гг. — исполнительный директор Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК). Председатель независимой Международной комиссии по оружию массового уничтожения (до 2009 г.). Автор ряда книг по вопросам, связанным с международным и конституционным правом.

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира. В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках». В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова; премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетными знаками им. Ю.Гагарина, академика С.Королева и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды. Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале 1990-х гг. стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Бочарова составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык. В течение последних 15 лет Г.Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Бужнов Валерий Степанович — доктор философских наук, профессор кафедры национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, заместитель руководителя Центра глобалистики РАГС. Область научных интересов: геополитика и глобалистика.

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий клиникой глубинной психологии. Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-Йоркской Академии наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе: «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Дханапала Джаянта (*Шри-Ланка*) — в прошлом заместитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. В качестве посла Шри-Ланки в США он председательствовал на исторической (1995) Международной конференции по выполнению и расширению ДНЯО.

Дугин Александр Гельевич — философ, доктор политических наук, православный (единоверец — старообрядческое согласие, приемлющее священство МП), публицист, основатель идейного течения «неоевразийство», создатель современной российской школы геополитики. Родился в 1962 г. В 1988–1991 гг. — главный редактор издательского центра ЭОН; С 1990 г. — главный редактор альманаха «Милый Ангел»; с 1991 г. — главный редактор журнала «Элементы», председатель Историко-религиозной ассоциации «Арктогея». Владеет 9 иностранными языками. С 1998 г. — советник председателя Государственной Думы, ректор «Нового университета»; с 1999 г. — председатель секции «Центр геополитических экспертиз» Экспертно-консультативного совета по проблемам национальной безопасности при председателе Государственной Думы. С 2001 г. — председатель политсовета (лидер) Общероссийского общественно-политического движения «Евразия»; с 2002 г. — председатель политической партии «Евразия»; с 2004 г. — лидер международного «Евразийского движения». Автор более 20 монографий, в том числе опубликованных в последние годы: «Русская вещь» (в 2 т., 2001), «Эволюция парадигмальных оснований науки» (2002), «Философия традиционализма (лекции «Нового университета»)» (2002), «Основы евразийства» (2002), «Философия политики» (2003), «Проект — Евразия» (2004), «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева» (2004), «Философия войны» (2004).

Ефимкин Михаил Макарович — профессор Сибирского института финансов и банковского дела. С 1970 г. работает в Институте истории Сибирского отделения АН России. В 1977 г. защитил кандидатскую, а в 1988 г. — докторскую диссертации, став главным научным сотрудником. Является одним из ведущих сибирских исследователей в области социально-экономической истории Сибири, проблем освоения и развития восточных регионов России, их геополитической роли в становлении и развитии российской государственности, их современного положения в геополитической конфигурации северо-восточной Азии. Автор 150 научных работ, в том числе 10 монографий. В последние четыре года им опубликованы монографии «Россия: особенности исторического пути», «Влияние глобальных цивилизационных факторов на темпы исторического развития России» — учебные пособия; «Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии» в соавторстве с В.А.Ламиным. Входит в авторский и редакционный состав ряда многотомных популярных изданий: 5-томной «Истории промышленности Новосибирска», «Очерки истории Новосибирска», 3-томной «Исторической энциклопедии Сибири».

Кортунов Сергей Вадимович — доктор политических наук, заведующий кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, действительный член Академии военных наук, заместитель председателя Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ. С 1982 по 1994 г. работал в центральном аппарате МИД СССР и РФ, занимался проблемами ограничения гонки вооружений и разоружения, принимал участие в двусторонних и многосторонних переговорах по разоружению (ЯКВ, РСМД, СНВ-1, конференция по разоружению, комиссия ООН по разоружению, переговоры основных экспортеров оружия, РКРТ, переговоры по экспортному контролю, ОВСЕ и др.). С 1994 по 1998 г. — консультант, референт помощника президента РФ по национальной безопасности, заместитель руководителя аппарата Совета обороны РФ — начальник международно-аналитического отдела. Занимался концептуальными вопросами национальной и международной безопасности, военной реформы, военного строительства и военной доктрины, а также проблемами разоружения, конверсии и военно-технического сотрудничества. С 1998 по 2001 г. — советник руководителя администрации президента РФ. С 1998 по 2002 г. — вице-президент Внешнеполитической ассоциации. С 2004 по 2006 г. — начальник управления анализа и прогноза ОАО «ГАО ВВЦ». С 2006 по 2007 г. — начальник информационно-аналитического управления Федерации независимых оценщиков и экспертов ТПП РФ. Автор ряда книг и статей (более 200) по концептуальным проблемам международных отношений, внешней политики, разоружения и национальной безопасности.

Павлова Мария Алексеевна — студентка 3-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ.

Паульман Валерий Федорович (Эстония) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет им. А.А.Жданова. С 1957 по 1974 г. работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР.

С 1974 г. — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 г. — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 г. — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 г. — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР. С января 1989 г. — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба. В марте-ноябре 1991 г. — министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Рощупкин Владимир Тимофеевич — обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В.Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Свечников Александр Львович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа. Окончил географический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова (1973), кандидат философских наук (1987). В 1974–1995 гг. работал в союзном, а после 1991 г. — в федеральном ведомстве. В 1995–2003 гг. — сотрудник информационно-аналитических и PR-структур частных компаний. Область научных интересов: социология, аналитика. Последние крупные публикации: «Глобальный капитализм: размышления на тему» (2002, в соавторстве), «Современный глобальный капитализм» (2003, в соавторстве).

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Шумилина Инна Викторовна — к. полит.н, с. научн. сотрудник Института США и Канады РАН.

OUR AUTHORS

Hans BLIX (*Sweden*) — is a holder of the M.V.Lomonosov Moscow State University Doctorate *Honoris Causa*; the recipient of the 1988 Henry de Wolf Smyth Nuclear Statesman Award (Washington, D.C.); the winner of the 1997 Gold Medal for distinguished service in the field of nuclear affairs by the Uranium Institute (now World Nuclear Association), and the 2007 Sydney Peace Prize. In 1963–1976 — Department Head at the Ministry for Foreign Affairs and international law legal adviser; since 1976 — Foreign Ministry Deputy State Secretary on international cooperation for development. In 1978–1979 — Minister for Foreign Affairs of Sweden. In 1961–1981 was a member of the Swedish delegation at the UN General Assembly sessions; in 1962–1978 was a member of the Swedish delegation at the Disarmament Conference in Geneva. In 1981–1997 — Director General of the International Atomic Energy Agency (IAEA). In 2000–2003 — the 1st Executive Chairman of the United Nations Monitoring, Verification and Inspection Commission (UNMOVIC). (up to 2009) — Chairman of the independent Weapons of Mass Destruction International Commission. Authored several books on international and constitutional law.

Gennady N. BOCHAROV — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages. For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* newspaper. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its hot spots. In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovskiy Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yuri Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges. Had the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle. Early in 1990s, his book *The Russian Roulette* turned out to become a true world-wide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most books by G. Bocharov is a person overcoming. The best by G.Bocharov made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities. For the last 15 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. As such, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Valery S. BUYANOV — Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Chair of National security of the Russian Federation President Academy of Government Service (RAGS), Deputy Head of the RAGS Center of Global Studies. Scientific researches include geopolitics and global studies.

Jayantha DHANAPALA (*Sri-Lanka*) — is a former United Nations Under-Secretary-General for Disarmament Affairs. As the Ambassador of Sri Lanka to the USA he presided over the historic NPT Review and Extension Conference of 1995.

Alexander G. DUGIN — philosopher, Dr.Sc. (Politology), Orthodox believer (member of Edinoverie — the Old Belief Consent, accepting the Moscow Patriarchy Priesthood), publicist, the founder of the Neoevraziistvo ideological movement, an originator of modern Russian school in geopolitics. Born in 1962. In 1988–1991, Chief Editor, the EON publishing center, Editor-in-Chief, the *Lovely Angel* almanac (about 1990), Chief Editor, the *Elements* magazine (since 1991), Chairman, the Arktogeya historical and religious association. Speaks nine foreign languages. Since 1998, the adviser to the Chairman of the State Duma, Rector of the New University; since 1999, chairs the Center of Geopolitical Expert section at the State Duma Chairman's expert and consultative council on the national security problems. Since 2001, Chairman of the Political Council (leader), the Eurasia All-Russian socio-political movement; since 2002, Chairman, the Eurasia political party; since 2004, the leader, the Eurasian Movement international organization. Authored more than 20 monographs, including recently published *The Russian Thing* (in two volumes; 2001), *The Evolution of the Paradigmatic Principles of Science* (2002),

The Philosophy of Traditionalism (Lectures at the New University, 2002), The Principles of Evraziistvo (2002), The Philosophy of Politics (2003), The Project — Eurasia; The Noursultan Nazarbayev's Eurasian Mission; The Philosophy of War (all — 2004).

Pavel S. GUREVICH — D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic. Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including *The Philosophical Anthropology* (2001), *The Foundation of Philosophy* (2002), *The Culturology* (2003), *The Psychology* (2004).

Sergey V. KORTUNOV — Dr.Sc. (Politology), the Chair of the World Politics at the SU-HSE Faculty of economics and world politics, the full member of the Academy of Military Sciences, Vice-Chairman of the Advisory Council at the Russian Federation Federal Assembly Council of Federation Foreign Affairs Committee. In 1982–1994 employed by the USSR and Russian Federation Ministries for Foreign Affairs. Dealt with the problems of arms race termination and disarmament. Took part in bilateral and multilateral negotiations on disarmament (talks on nuclear control, medium— and short range, and cruise missiles, SALT-1, Conference on Disarmament, the UN Commission on Disarmament, talks of the major arms exporters, the export control negotiations, the OSCE, etc.). In 1994–1998 — the consultant, aid of the national security advisor to the President of the Russian Federation, Deputy Chief of the staff of the RF Defense Council — the Chief of the International Analytical Department. Was engaged in conceptual issues of national and international security, military reforming, military organization and military doctrine, as well as in problems of disarmament, conversion and military-technical cooperation. In 1998–2001 — the adviser to the Head of Administration of the President of the Russian Federation. In 1998–2002 — Vice-President of the Foreign Policy Association. In 2004–2006 — headed the Analysis and Forecast Department at the Open Joint Stock Company of «the All-Russia Exhibition Center State Joint-Stock Society». In 2006–2007 — Chief of the Info-Analytical Directorate of the Federation of Independent Estimators and Experts at the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry. Authored a number of books and articles (over 200) on conceptual problems of the international relations, foreign policy, disarmament and national security.

Valery F. PAULMAN (*Estonia*) — Dr.Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A.A.Zhdanov Leningrad State University. In 1957–1974, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers — Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March–November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including *The World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny*.

Maria A. PAVLOVA — is a 3-year-student at the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand.Sc. (Politology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the *Khranitel* (Custodian) media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M.V.Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Inna V.SHUMILINA — Cand. Sc. (Politology), senior research fellow of the Institute of United States of America and Canada RAS.

Elvira M.SPIROVA — Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Alexander L.SVECHNIKOV — Ph.D., researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. In 1973, graduated from the M.V.Lomonosov Moscow State University (Geographical Department). In 1974–1995 was employed by an all-Union (since 1991 — Federal) department. In 1995–2003, worked in the Info-Analytical and PR services at some private companies. Scientific/research interests: sociology, analytics. Latest major publications include the Global Capitalism: Reflections on the subject (2002, co-authored), Modern Global Capitalism (2003, co-authored).

Mikhail M.YEFIMKIN — the professor at the Siberian Institute of Finance and Banking. Since 1970, employed by the RAS Siberian Branch Institute of History. In 1977, got his Cand.Sc. degree, and his Dr.Sc. degree, in 1988, became senior researcher. One of the leading Siberian scholars in social and economic history of Siberia, expert in development of Russia's Eastern regions, their geopolitical role in building up and developing the Russian statehood, their contemporary positions in the geopolitical configuration of North-East Asia. Authored 150 scientific works, including 10 monographs. In the latest four years, published monographs on the Russia: Specifics of the Historical Road, The Global Civilizing Factors' Influencing the Rates of Historical Development of Russia; text-book on The Transformations in Socio-Industrial Structure of the Novosibirsk Oblast in the 20th century (co-authored by V.A.Lamin). Holds membership in editorial stuffs of some multi-volume popular editions: the five-volume History of the Novosibirsk's Industry, the Essays on the History of Novosibirsk, the three-volume Historical Encyclopedia of Siberia.

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2009 ГОДУ (ПО РАЗДЕЛАМ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Валерий Паульман (Эстония). Уроки мирового кризиса	№1
Александр Ципко. О природе и духовных основаниях капитализма	№1
Вагиф Гусейнов. О проблемах безопасности России	№1
Нелли Мотрошилова. Российские реалии и дискуссии в свете проблем гражданского общества	№2
Алексей Ермаков, Борис Сидоров, Карим Уразбаев. О роли России в интенсификации интеграционных процессов на постсоветском пространстве	№2
Юрий Шелистов. Ценностная и технологическая составляющие в политике	№2
Валерий Паульман (Эстония). Голод	№2
Шамиль Абдурашитов. Об энергоресурсах и энергосбережении	№3
Нелли Мотрошилова. Российские реалии и дискуссии в свете проблем гражданского общества. <i>Окончание</i>	№3
Валерий Паульман (Эстония). Неужели кризис закончился?	№4
Павел Гуревич. Послевкусие кризиса	№4

ПОЛИТИКА

Александр Дугин. Структура русского социогенеза	№4
---	----

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачев (Украина). Роковые рубежи Европы	№1
Тиберио Грациани (Италия). Латинская Америка и Евразия: центры нового многополярного мира	№1
Петер Шульце (Германия). Геополитика за работой: российско-грузинский конфликт	№2
Тиберио Грациани (Италия). Регионализация рынков как фактор геополитической интеграции	№2
Тиберио Грациани (Италия). Экономический кризис западной системы. Геополитический подход	№3
Владимир Дергачев (Украина). Раскаленные рубежи Ближнего Востока	№3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сергей Лунев. Регион Большая Восточная Азия и политика Индии	№1
Эберхард Шнайдер (Германия). Регионы в Европейском Союзе	№1
Эльдар Касаев. «Курдский вызов»: ответы международного права	№1
Ян Антони (Соединенное Королевство). НАТО — 60. Проблемы и перспективы	№1
Эндрю Монаган (Великобритания). Энергетическая безопасность: ограниченная дополнительная роль НАТО	№1
Елена Островская. Транснациональная сеть тибетского буддизма как инструмент эскалации этно-религиозного конфликта	№1
Елена Комлева. Социоядерный антропный принцип и геоядерная политика	№1
Инна Шумилина. Обамамания и Голливуд. «Новая медийность» президента США	№1
Дэвид Холлоуэй (США). Каким видится мир, свободный от ядерного оружия	№2
Вячеслав Кантор. Глобальная безопасность и пределы толерантности	№2
Шамиль Султанов. Пять сценариев динамики ближневосточной ситуации	№2
Людмила Кулагина, Владимир Ахмедов. Внутренние императивы эволюции внешней политики Ирана	№2
Расим Агаев (Азербайджан). Карабахская триада — война, перемирие, мир	№2
Санобар Шерматова. Москва и Ташкент: причины «особых» отношений	№3
Клаус Виттман (Германия). Отношения России с НАТО и Западом: необходим конструктивный подход	№3
Шамиль Султанов. Пять сценариев динамики ближневосточной ситуации. <i>Окончание</i>	№3
Эльдар Касаев. Топкое болото иракской коррупции	№3
Елена Островская. Состоится ли российский бенефис Далай-ламы XIV?	№3

Сергей Кортунов. Новая архитектура евробезопасности	№4
Джаянта Дханапала (Шри-Ланка). Способен ли ДНЯО остановить распространение ядерного оружия?	№4
Ханс Бликс (Швеция). Разоружение и разрядка в мире, который становится все теснее	№4
Владимир Рошупкин. Афганский «театр войны»: новый сценарий и режиссура ..	№4
Валерий Буянов. Союзное государство: быть или не быть?	№4
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
Василий Белозёров. Гражданское общество и формирование политики безопасности и обороны России	№1
Валерий Буянов. Национальная безопасность России в контексте внешнеполитических факторов	№2
БЕРЛИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ	
Новый европейский миропорядок: инициативы и стратегии их реализации. Сокращенная стенограмма	№3
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ФОРУМ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЯДЕРНОЙ КАТАСТРОФЫ	
Заседание Рабочей группы Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы. <i>Стенограмма</i>	№4
ТЕМА НОМЕРА	
Павел Гуревич. Кризис в ракурсе психологии	№1
ЭКОНОМИКА	
Юрий Любимцев. Развитие инновационной эволюции финансов России	№1
Геннадий Бочаров. Канал, которого не было	№4
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ	
Александр Назарчук. Коммуникативные структуры постиндустриального общества и кризис глобальной финансовой системы	№2
ДЕБЮТ	
Любовь Ярошенко. Россия и Евросоюз: ценности или интересы?	№1
Ума Шейхова. Япония: пути преодоления мирового финансового кризиса	№2
Магомед Умаханов. Конфликт стратегий межэтнического взаимодействия	№2
Мария Павлова. Демографическая политика России: размышления в условиях кризиса	№4
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»	
Сталин и русская душа	№1
Преображение морали в современном обществе	№2
Диалог государства и общества	№3
Азербайджанский ислам: поиск пути и борьба тенденций	№4
Информационный блок	
О ХУП ежегодной Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике	№2
Международный Люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы	№4
ПУБЛИКАЦИИ	
Религия	
Светлана Николаева. Экономическое положение русской церкви до революции 1917 г.	№1
Светлана Николаева. Русская православная церковь и задачи общественного просвещения в XVI–XVIII вв.	№2
Рустем Тухватуллин. О коде Корана	№3
Михаил Ефимкин. Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация	№4
Инна Шумилина. Президент от Голливуда	№4
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ	
Эльвира Спинова. Приватное достояние как залог благоденствия. О книге Бетелла Тома «Собственность и процветание»	№1
Эльвира Спинова. Народовластие и современное зло. О книге Стаута Джеффри. «Демократия и традиция»	№2

	Эльвира Спирова. Кризисный распад идентичности. О книге Эвола Элиуса «Лук и булава»	№3
	Эльвира Спирова. «Не узнаю теперь я сам себя...» О книге Самюэля Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности»	№4
Рецензии		
	Алла Язкова. О книге «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 гг.)»	№1
	Вагиф Гусейнов. О книге С.Кортунова «Национальная идентичность. Постижение смысла»	№2
	Сергей Демиденко. О книгах «Казахстан в современном мире: реалии и перспективы» и «Казахстан в системе мировых экономических процессов»	№2
	Александр Свечников. О монографии С.Кортунова «Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности»	№4
	Новые книги, которые могут вас заинтересовать	№4

ITEMS PUBLISHED IN THE VESTNIK ANALITIKI BULLETIN IN 2009

PRESSING TOPICS

Valery Paulman (Estonia). The lessons of the crisis	№1
Alexander Tsipko. About the nature and the spiritual bases of capitalism	№1
Vagif Guseynov. About problems of security of Russia	№1
Nelly Motrosheelova. The Russian realities and discussions viewed through the problems of the civil society	№2
Alexey Yermakov, Boris Sidorov, Karim Urazbayev. On Russia's Role in Intensifying the Integration Processes within the Post Soviet Space	№2
Yury Shelistov. Value and technology components in politics	№2
Valery Paulman (Estonia). The famine	№2
Shamil Abdurashitov. On energy sector and energy-saving	№3
Nelly Motrosheelova. The Russian realities and discussions viewed through the problems of the civil society (<i>Completion</i>)	№3
Valery Paulman (Estonia). Has the crisis really ended?	№4
Pavel Gurevich. The crisis aftertaste	№4

POLITICS

Alexander Dougin. The pattern of the Russian sociogenesis	№4
--	----

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). Europe's fatal boundaries	№1
Tyberio Graciani (Italy). Latin America and Eurasia: the centers of the new multi-polar world	№1
Peter Schultze (Germany). Geopolitics at work: the Russian Georgian conflict	№2
Tyberio Graciani (Italy). Markets' regionalization as the factor of geopolitical integration	№2
Tiberio Graziani (Italy). The economic crisis of the Western system: a geopolitical approach	№3
Vladimir Dergachev (Ukraine). Middle East's red hot frontiers	№3

FOREIGN AFFAIRS

Sergey Lounev. The region of Greater East Asia and India's policy	№1
Eberhard Schneider (Germany). Regions in the European Union	№1
Eldar Kasayev. «The Kurdish challenge»: the international law solutions	№1
Ian Anthony (United Kingdom). The NATO's 60-th anniversary. Problems and prospects	№1
Andrew Monaghan (Great Britain). Energy security: NATO's limited, complementary role	№1
Yelena Ostrovskaya. The Tibetan Buddhism transnational network: management of the religious conflict	№1
Yelena Komleva. The socionuclear anthropic principle and geonuclear policy	№1
Inna Shumilina. The Obama-mania and Hollywood «The New Media-Usage» of the New US President	№1
David Holloway (USA). The vision of a world free of the nuclear weapons	№2
Viatcheslav Kantor. Global safety and tolerance limits	№2
Shamil Sultanov. The dynamics of the Mid-Eastern situation: five scenarios	№2
Lyudmila Koulagina, Vladimir Akhmedov. Inherent imperatives of Iran's foreign policy evolution	№2
Rasim Agayev (Azerbaijan). The Karabakh triad: war — truce — peace	№2
Sanobarh Shermatova. Moscow—Tashkent: what are the causes of their 'special' problems	№3
Klaus Vittmann (Germany). Russia's relations with the NATO and West: a constructive approach is needed	№3
Shamil Sultanov. The dynamics of the Mid-Eastern situation: five scenarios (<i>Completion</i>)	№3

Eldar Kasayev. The Iraqi corruption oozy quagmire	№3
Yelena Ostrovskaya. Will there be the Russian benefit performance by Dalai Lama XIV?	№3
Sergey Kortunov. New Euro-security architecture	№4
Jayantha Dhanapala (Sri-Lanka). Can the NPT halt nuclear proliferation?	№4
Hans Blix (Sweden). Disarmament and detente in a shrinking world	№4
Vladimir Roschupkin. The Afghani 'theatre of war': a new script and direction	№4
Valery Buyanov. The Union State: to be or not to be? (Towards the Union's 10 th Anniversary)	№4
NATIONAL SECURITY	
Vasily Belozyerov. The civil society and Russia's security and defense policy-making . . .	№1
Valery Buyanov. Russia's national security in the context of foreign policy factors . . .	№2
THE BERLIN INTERNATIONAL FORUM	
The Conference on The New European World Order: Initiatives and Strategies of Their Implementation. <i>The abridged verbatim</i>	№3
THE LUXEMBOURG INTERNATIONAL FORUM ON NUCLEAR CATASTROPHE PREVENTION	
The Working group of the Luxembourg International Forum on Nuclear Catastrophe Prevention. <i>Session verbatim</i>	№4
THE ISSUE MAIN TOPIC	
Pavel Gurevich. The crisis psychologically foreshortened	№1
ECONOMICS	
Yury Lyubimtsev. Russia's finance innovative evolution advancing	№1
Gennady Bocharov. The canal that has not been yet	№4
ECONOMICS & FINANCE	
Alexander Nazarchuk. Communicative structures of the postindustrial society and crisis of the global financial system	№2
DEBUT	
Lyubov Yaroshenko. Russia and the European Union: values or interests?	№1
Ooma Sheikhova. Japan: the ways to overcome the world financial crisis	№2
Magomed Umakhanov. The conflict of strategy of interethnic interaction	№2
Maria Pavlova. Russia's demographic policy: thoughts induced by the crisis	№4
«ROUND TABLE»	
Stalin and the Russian soul	№1
The transformation of morals in the modern society	№2
The society-state dialogue	№3
The Azerbaijani Islam: search for a course and conflict of tendencies	№4
Information message	
The 17 th Annual Assembly of the Council on Foreign and Defense policy	№2
The Luxembourg International Forum on Nuclear Catastrophe Prevention	№4
PUBLICATIONS	
Religion	
Svetlana Nikolaeva. An economic situation of Russian church before revolution of 1917	№1
Svetlana Nickolayeva. The Russian Orthodox Church and problems of public education in 17 th and 18 th centuries	№2
Rustem Toukhvatullin. The Koran code	№3
Mikhail Yefimkin. The Siberian Russia. Socially-industrial adaptation	№4
Inna Shumilina. The president from Hollywood	№4
NOTES ON A BOOK'S MARGINS	
Elvira Spirova. The private wealth as the prosperity's pledge. <i>On Bettel, Tom The Property and Prosperity</i>	№1
Elvira Spirova. The democracy and modern evil. <i>On book Stout, Jeffrey. The Democracy and Tradition</i>	№2
Elvira Spirova. The crisis disintegration of identity. <i>On Evola, Julius. The Bow and the Mace</i>	№3

	Elvira Spirova. Now, I know myself not... <i>On Huntington, Samuel. Who Are We? The Challenges to America's National Identity</i> . . . №4
Reviews	
	Alla Yaz'kova. On The Southern Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008) №1
	Vagif Guseinov. On S.V.Kortunov. National identity. Sense comprehension №2
	Sergey Demidenko. On Kazakhstan in the contemporary world: realities and prospects and Kazakhstan in the system of the world economic processes №2
	Alexander Svechnikov. On Monograph by Sergey Kortunov on Russia's Modern Foreign Policy. The Strategy of Selective Involvement №4
Books that might be of interest №4

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(38)

Перевод с английского – Владимира Мисюченко

Корректурa *А.В. Панюгиной*
Верстка *Л.В. Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: issa@umail.ru
info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 01.12.09 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,75. Заказ № 250.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 4070281090000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 4070281090000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 3010181080000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир